

КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

СТЕПАН ГИЛЬ

ШЕСТЬ ЛЕТ
С ЛЕНИНЫМ

ПАВЕЛ МАЛЬКОВ

ЗАПИСКИ
КОМЕНДАНТА
КРЕМЛЯ

УДК 323
ББК 66.3(2)
Г 47

Гиль С.К., Мальков П.Д.

Г 47 Записки коменданта Кремля. Шесть лет с Лениным / С.К. Гиль, П.Д. Мальков. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 240 с. – (Записки кремлевских телохранителей).

ISBN 978-5-906861-99-3

Авторы этих воспоминаний имели непосредственное отношение к охране Кремля и высших руководителей государства. Павел Мальков был первым кремлевским комендантом с марта 1918 по апрель 1920 года. Он часто встречался с В.И. Лениным, Я.М.Свердловым, Ф.Э.Дзержинским и другими видными деятелями советского руководства. Степан Гиль являлся персональным водителем и охранником Ленина, а после его смерти служил у Микояна и Вышинского.

В своих записках П. Мальков и С. Гиль рассказывают много интересного о служебной деятельности и личной жизни кремлевских вождей, – прежде всего, В.И. Ленина. Эти записки тем любопытнее, что дополняют друг друга: например, С. Гиль был главным свидетелем известного покушения Фанни Каплан на Ленина, а П. Мальков потом ее допрашивал и лично расстрелял. В ряде других эпизодов у читателя также имеется возможность сравнить воспоминания этих двух людей, близко знавших Ленина.

**УДК 323
ББК 66.3(2)**

ISBN 978-5-906861-99-3

© Гиль С.К., Мальков П.Д.,
правообладатели, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

П.Д. Мальков

ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ

Комендант Смольного

29 октября 1917 года Военно-революционный комитет утвердил меня комендантом Смольного. Через несколько дней выдали мне документ:

«Военно-революционный комитет постановил: комендантом Смольного института назначить тов. Малькова. Его помощником по внутренней охране тов. Касюра.

Помощником по составлению личного состава назначается тов. Игнатов.

За председателя Ф. Дзержинский».

Так я стал комендантом Смольного. Пришлось принимать дела, хотя принимать особо было и нечего. Собрал я человек тридцать матросов, примерно столько же красногвардейцев и начал организовывать охрану Смольного.

Смольный по-прежнему так и кипит. Здесь Ленин. Здесь другие члены Центрального Комитета большевиков. Здесь руководство Центрального Исполнительного Комитета Советов, Петроградский Совет и Военно-революционный комитет. Тут же различные общественные организации, профсоюзы, редакции газет и журналов.

Внизу, на первом этаже, в комнате № 31 — комендатура. Рядом — караульное помещение. Всего нас в охране человек шестьдесят — семьдесят матросов и красногвардейцев, а сколько одних постов выставить надо, да надежных, крепких. Здание-то огромное. Ответственность и того больше.

Впрочем, посты бы еще полбеды, справиться можно, но дело постами не обходится: надо и арестованных охранять, и продовольствие для Смольного добывать, и об отоплении заботиться, и выдачу пропусков организовывать — одним словом, забот у коменданта больше чем достаточно. А тут еще то одно поручение, то другое, ничего общего со Смольным не имеющее. И все важные, все неотложные. То Военно-революционный комитет предписывает двинуть броневик на разоружение трех рот и пулеметной команды женского батальона в Левашове, по Финляндской железной дороге; то делегирует меня вместе с Дзержинским в комиссию по распределению помещений в Петрограде; то надо идти винные склады по городу ликвидировать; то в Зимнем дворце порядок наводить — что ни день, то новое дело. Но главное — Смольный, за Смольный с меня первый спрос, охрана Смольного — первая обязанность, А ее, по существу, приходилось налаживать заново. Я взялся было за расстановку постов, только куда их ставить и в каком порядке, сам черт не разберет. Одно очевидно — существующая расстановка постов никуда не годится. Ворот в Смольном много, а охраняются далеко не все, кто хочет, тот в Смольный и идет, прямо проходной двор получается.

Решил я, чтобы получше разобраться, обойти все посты. Пошел по зданию: чудеса, да и только. Смольный делится на две части: Николаевская, меньшая, и Александровская, большая. В Николаевской разместились Совнарком, ВЦИК, ВРК и прочие советские учреждения, Александровская же, оказывается, занята старыми классными дамами Смольного института благородных девиц, бывшими воспитательницами да несколькими институтками, по той или иной причине застрявшими в институте. Одним словом, осиное гнездо, да и только. Даже старая начальница Смольного, водившая дружбу с императорской фамилией, тут же. Комната ее чуть не по соседству с Совнаркомом и Военно-революционным комитетом.

Заглянул в подвал — час от часу не легче! И там полно жильцов: старая прислуга Смольного, швейцары, судомойки, прочая публика. Народ, одним словом, ненадежный.

Ходил я, ходил по Смольному, как вдруг во дворе, возле одного из входов Александровской половины встречаю двух офицеров. Оба расфранченные, усы напомажены, одеколоном за версту разит. Я к ним:

— Откуда такие взялись? Пропуск!

Они остановились. Один, помоложе, окрысился было, да старший его за рукав дернул: не связывайся, мол, с матросом шутки плохи.

Предъявляют пропуска, все чин по чину: печать, подпись.

— Кто, — спрашиваю, — пропуска вам выдал? К кому? По какой надобности?

Младший опять сорвался:

— А тебе, собственно говоря, зачем об этом знать? Ты то кто такой? Пропуск тебе предъявили, и хватит. Проваливай, откуда пришел.

— Ах, вы так, ваши благородия! Ну что ж, познакомимся. Я — комендант Смольного, а вот кто вы такие, сейчас разберемся. Не пожелаали добром говорить, не надо. Марш в семьдесят пятую комнату, там выяснят, что вы за птицы...

С господ офицеров вся спесь мигом слетела. Семьдесят пятая комната Смольного института, где помещалась Следственная комиссия, с первых дней революции приобрела грозную славу среди буржуазии, офицерья и прочей подобной публики. Младший из офицеров совсем растерялся, залопотал что-то несуразное, а старший пустился в объяснения:

— Позвольте, господин комендант, позвольте! Это же просто недоразумение. Зачем в семьдесят пятую? Извольте, мы все объясним. Тут, видите ли, вопрос интимный, для чего же шум поднимать? Мы с поручиком, так сказать,

с визитом к знакомым дамам. Они, знакомые то есть, и пропуска нам получили.

Я опешил.

— К дамам? Это к каким же дамам? Уж не к воспитательницам ли? Так там самой молодой лет за пятьдесят, наверное. Что у вас с ними за дела? Не кругло, господа, получается.

— Зачем же к воспитательницам? Мы, с вашего позволения, к собратьям, пардон, к сестрам по оружию, в штаб ударниц. Там, разрешите доложить, замечательное общество. Усиленно рекомендую обратить внимание, господин комендант. В случае чего почту за честь лично рекомендовать. Слово офицера — не пожалеете!

Ах ты, думаю, собачий сын. На свой похабный аршин меряешь! Отобрал у офицеров пропуска, выгнал их со двора и пошел проверять, что еще за штаб ударниц такой объявился в Смольном.

Оказывается, в нижнем этаже Александровской половины действительно разместился штаб женских ударных батальонов. И как я раньше не обнаружил? Хорош комендант! Девицы там подобрались одна отчаяннее другой. Называется штаб, а на деле сущий притон.

Доложил я эту историю Николаю Ильичу Подвойскому. Так и так, говорю, в сутолоке и горячке первых дней недоглядел, «Да что уж тут, — отвечает Николай Ильич, — и мы в Ревкоме прохлопали. Ничего, поправим». Через пару дней появился приказ: расформировать всякие женские батальоны и ликвидировать их штабы.

* * *

Прогнали ударниц из Смольного, а я между тем занялся проверкой порядка выдачи пропусков. Проверил. Выдает пропуска, оказывается, кто угодно и кому угодно. Выписывают-то их в комендатуре, но кто выписывает? Писаря, которые сидят в комендатуре с дооктябрьских дней,

набраны из военных писарей царской службы. Писари же да фельдфебели — первые шкуры, вечно около начальства терлись, это каждый матрос и солдат знает. Пойди разберись, кому эти писари дают пропуска.

Вижу, так дальше нельзя. Какая уж тут охрана? Пошел к Дзержинскому. Надо, мол, Феликс Эдмундович, меры принимать. В тот же день Военно-революционный комитет вынес постановление: расформировать весь наличный состав комендатуры Смольного. На следующий — другое: коменданту Смольного еще раз тщательно осмотреть все здание, выставить надежную охрану и доложить.

Посоветовался я с Бонч-Бруевичем, управляющим делами Совнаркома, собрал несколько человек моряков из охраны, самых сметливых, и двинулись мы в капитальный обход Смольного. Облазили здание снизу доверху, все осмотрели, записали и представили подробную докладную записку: «В Военно-революционный комитет. Об охране Смольного института».

Нарисовав детальную картину положения в Смольном, мы предложили следующие меры:

«1. Выселить из основного здания Смольного все посторонние элементы.

2. Проверить штат прислуги.

3. Создать коллегия из представителей ответственных работников отделов, представителей Красной гвардии, матросов и комендатуры для общего наблюдения за охраной и порядком в Смольном институте, причем число членов этой коллегии не должно превышать десять человек.

4. Реорганизовать комендатуру, изгнав контрреволюционную часть, и привлечь к участию в ней представителя от упомянутой в предыдущем пункте коллегии».

Не откладывая дела в долгий ящик, 2 ноября 1917 года Военно-революционный комитет обсудил доклад об охране Смольного института. 29 октября вопрос о моем назна-

чении комендантом Смольного решался на ходу, несколькими членами ВРК, теперь Военно-революционный комитет утвердил меня официально и предоставил мне право набрать служебный штат комендатуры с последующим утверждением его ВРК. Одновременно Военно-революционный комитет решил выселить из Смольного институты все ненадежные элементы.

Легко сказать, набрать штат комендатуры, а как его наберешь? Где? Пришлось опять идти к Дзержинскому за помощью. Выслушал меня Феликс Эдмундович и говорит:

— Дело не легкое. Люди везде нужны. Так что на многое не рассчитывай. Несколько человек покрепче возьмем из Кронштадта. Вместе с теми матросами, что пришли в Смольный с тобой, они составят основной костяк комендатуры, его ядро. Ну, а в остальном поможет Красная гвардия.

Сел Феликс Эдмундович к столу, бросил несколько слов на листке бумаги и протянул мне:

— На, двигай в Кронштадт за подмогой.

Я прочитал:

«В КРОНШТАДТСКИЙ МОРСКОЙ КОМИТЕТ

4 ноября 1917 г.

Прошу назначить семь человек матросов для обслуживания Смольного института.

Предс. Дзержинский».

— Семь? Маловато будет, Феликс Эдмундович...

— А ты думал, семьдесят тебе дадим?

Взял я бумагу, расписался на копии «Подлинник получил. Комендант Мальков» и отправился в Кронштадт.

С кронштадтцами дело уладил быстро. Договорились, что народ они подберут самый надежный и завтра же пришлют в Смольный.

— Ну, а ты-то сам как? — вдруг спрашивают. — У тебя как дела?

— У меня? Сами видите мои дела. Налаживаю охрану Смольного.

— Это мы видим, да не о том речь. Ведь ты же на «Диане» числишься, а застрял в Смольном. Надо как-то оформить, а то неладно получается.

Действительно, правы товарищи. Я об этом и не подумал, не до того было. А что получается? Состою на действительной военной службе, матрос первой статьи крейсера «Диана», а на крейсере свыше двух недель не был! Вроде дезертир.

Вернулся в Смольный, улучил удобный момент и обратился к Феликсу Эдмундовичу: надо, мол, мне оформиться чин по чину, а то нехорошо получается.

Он согласился: ну что ж, оформим. Тут же Дзержинский написал два документа, сам подписал, дал подписать Гусеву и вручил мне.

Первый документ:

«6 ноября 1917 г.

В центральный комитет Балтийского флота.

По распоряжению Военно-революционного комитета матрос Павел Мальков оставлен в Петрограде в качестве коменданта Смольного института.

За председателя *Дзержинский*
Секретарь *Гусев*».

И второй, того же содержания, в судовой комитет крейсера «Диана». Так кончилась моя морская служба.

Грустно, конечно, было расставаться с морем, с товарищами, с кораблем — как-никак без малого шесть лет на «Диане» проходил, но раз надо — значит надо. А с другой стороны, какая там грусть? Старая жизнь и старая Россия полетели кувырком, в преисподнюю.

Между тем, охрана Смольного постепенно налаживалась. Военно-революционный комитет установил строгий порядок выдачи пропусков, возложив это дело на комендатуру. Постоянные пропуска выдавались сроком на один месяц, по спискам от организаций и отделов, находящихся в Смольном. По истечении месяца они отбирались и заменялись новыми. Лица, непричастные к Смольному, получали разовые пропуска только по предъявлении документов, не так, как раньше, когда пропуск мог получить кто угодно, хоть вовсе без документов.

В середине ноября Военно-революционный комитет принял специальное постановление об организации караульной службы в Смольном. В этом постановлении подчеркивалось, что все караулы Смольного и все дежурства подчиняются коменданту Смольного института; караульные начальники обязаны являться к коменданту для докладов и для получения инструкций. Были введены постоянные постовые ведомости, которых раньше не было.

Удалось наконец, хоть и не сразу, хоть и не без труда, очистить Смольный от посторонних жильцов, от всех этих классных дам, воспитательниц, институток, прислуги и прочей публики.

12 ноября 1917 года я был назначен комендантом Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд открылся 23 ноября в Петрограде. Заседал он то в помещении городской думы, то в бывшем императорском училище правоведения, на Фонтанке, а заканчивал свою работу в Смольном. Возни со всякими делами, связанными со съездом, было достаточно.

Как-то раз в дни заседаний крестьянского съезда вызывает меня Яков Михайлович Свердлов, к тому времени уже избранный председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

— Товарищ Мальков, как у вас с очисткой от посторонних Александровской половины Смольного? Помнится, Военно-революционный комитет выносил такое постановление.

— Постановление было, Яков Михайлович, только, так сказать, в принципе. Практически еще не выселили. Да и куда их девать? Вон их сколько...

Яков Михайлович нахмурился.

— Это плохо, когда практические дела расходятся с принципами. Придется вам поторопиться. Александровская половина Смольного нам нужна, мы в ней разместим Исполнительный Комитет, который будет избран крестьянским съездом. Надо к окончанию съезда очистить помещение и привести его в порядок, так что поспешите. Что же касается классных дам, то в Петрограде помещений хватит. Проверьте, нельзя ли их переселить в Александро-Невскую лавру или в Ксеньинский институт. Он ведь своего рода младший брат Смольного. Одним словом, надо сделать, и сделать быстро.

Раз надо — значит надо. Послал я несколько человек матросов в лавру, только ничего хорошего из этого не вышло. Монахи их встретили чуть не с пулеметами. Даже во двор не пустили. И разговаривать не стали. Ребята кричат монахам: «Вы же христиане, Христос велел любить ближнего, так приютите божьих старушек!» Куда там, и слушать не хотят.

Махнул я рукой на лавру, решил не связываться. Устрою, думаю, своих жильцов в Ксеньинском институте. Заведение-то действительно Смольному сродни.

В Ксеньинский послал я на переговоры одну из наиболее энергичных классных дам. Люди они, думаю, свои, скорее договорятся. Не тут-то было! Как только директор Ксеньинского института услышал, зачем к нему пожаловала представительница Смольного, замахал руками и отказал наотрез: «Помилуйте, — говорит, — и помещения-то у

нас нет и своих девать некуда, не то что двести — триста человек, а и десятка взять не можем. Рады бы, да некуда».

Прямо из Ксенъинского явилась эта дама ко мне, чуть не плачет. Не то чтобы ей уж очень хотелось из Смольного уезжать, нет, но обидно было такой отказ получить, И от кого? От своих же, которых всегда смольненцы держали за «бедных родственников».

Выслушал я ее и успокоил: ничего, мол, не огорчайтесь, у вас не вышло, так мы попробуем. Авось с нами этот директор будет поговорчивее! Вызвал своего помощника и велел ему тотчас ехать в Ксенъинский институт.

— Передай, — говорю, — директору, что ежели у него, в Ксенъинском, не найдется места для благородных девиц и прислуги из Смольного, так мы у себя, в Смольном, найдем место для него, а найдем сразу же, сегодня, самое надежное...

Не прошло и часа, возвращается мой помощник обратно. Ну, говорит, и комедия. Чистый цирк! Директор Ксенъинского согласен не только всех классных дам и прислугу разместить, а и еще кого-нибудь в придачу. Представительница Смольного его-де не так поняла, он просто шутил, а она приняла шутку всерьез и зря беспокоила господина коменданта.

Дипломатические переговоры с Ксенъинским институтом были успешно завершены, и через день мы начали эвакуацию наших соседак.

Наконец-то Смольный был очищен от посторонних. Освободилась не только Александровская половина, по и полуподвальный этаж, помещение в общем вполне приличное. Туда решили перевести арестованных. Их, правда, в Смольном было немного, но кое-кто имелся.

Вообще с этими арестованными морока была немалая. В комнату № 75, где работала Следственная комиссия, приводили отъявленных контрреволюционеров, белогвардейцев, офицеров, юнкеров. Порой, бывало, и про-

сто подозрительную публику. Комиссия разбиралась: кого задерживала, а большинство сразу отпускала на все четыре стороны. Поначалу мы были очень доверчивы и многих, даже матерых зубров, отпускали под честное слово. Отпустили самого генерала Краснова, руководителя первого мятежа против Советской власти, захваченного в Гатчине. А он, дав слово не воевать против Советов, вышел на свободу и был таков. Удрал на Дон и стал во главе тамошней белогвардейщины. Вот тебе и офицерская честь, генеральское честное слово!

Или Гоц, эсеровский вождь. Его поймали, когда он пытался пробраться из Петрограда в Гатчину, к Керенскому. Привели в Смольный, предложили явиться в комнату № 75, в Следственную комиссию. Он дал слово, что тут же явится.

Только его без охраны оставили, он и улизнул.

О тех, кого отпускали, у комендатуры забот было мало. Отпустили и отпустили. Это дело Следственной комиссии, не наше, не комендантское. С задержанными иначе. Некоторых из них отправляли в Петропавловскую крепость или в Кресты (так называлась одна из петроградских тюрем), а кое-кого оставляли в Смольном. Эти целиком были на ответственности комендатуры. И разместить их надо, и ночлег организовать, и питание, и, конечно, охрану. А они капризничают: того не хочу, этого не желаю, известно — баре. Родственники без конца за справками обращаются, и все в комендатуру. Свиданий требуют. Продукты арестованным тащат, белье, постели — хоть специальных людей на это ставь...

* * *

Немало хлопот доставляли мне вопросы продовольствия, отопления. В Петрограде не было продуктов, не было дров. Город жил впроголодь. Из окон роскошных барских особняков торчали короткие, изогнутые коленом трубы «буржук» — небольших железных печурок, давав-

ших тепло только тогда, когда топились. Их ненасытные пасти поглощали стильную мебель красного дерева, шкафы мореного дуба, дорогой паркет, и все равно в квартирах стоял собачий холод.

Частенько мерзли и мы в Смольном, мерзли в своих кабинетах наши руководители, мерз Ленин. Уголь и дрова доставались ценой героических усилий, но порою в доставке бывали перебои, а зима, как назло, выдалась лютая.

Нелегко было в Смольном и с продовольствием. Смольный питался так же, как и весь рабочий Питер. Для сотрудников Смольного была организована столовая, в которой мог получить обед и любой посетитель, лишь бы он имел пропуск в здание. Здесь, в этой столовой, питались и руководители ВЦИК, и ВРК, и наркомы, забегавшие из своих наркоматов в Смольный.

Столовую обеспечивали продуктами продовольственные отделы ВРК и Совета, а что это были за продукты? Пшено да чечевица, и то не каждый день. Бывало, в тарелке с супом можно было по пальцам пересчитать все крупинки, причем вполне хватало пальцев на руках. Второго же не было и в помине.

Особенно тяжело было ответственным товарищам, работоровавшим чуть не круглые сутки напролет, на пределе человеческих сил, без отдыха. А ведь у многих из них здоровье было подорвано тюрьмой, годами тяжких лишений. Каково им-то было вечно недоедать, недосыпать? Кое у кого дело доходило до голодных обмороков.

В конце 1917 года вызвал меня Яков Михайлович и велел организовать в Смольном небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Нельзя, говорит, так дальше. Со всем товарищи отощали, а нагрузка у них сверхчеловеческая. Нужно народ поддержать. Подкормим хоть немногих — тех, кого сможем.

Организовал я столовую. Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто. Но все-таки

наиболее загруженных работников и тех из товарищей, у кого особенно плохо было со здоровьем, поддерживали.

Комендатура делами столовой не занималась, но довольствие охраны лежало на нас. Вот тут-то и приходилось туго. Первое время, когда основное ядро охраны составляли матросы, было немного полегче. Нет-нет, но то с одного, то с другого корабля продуктов подкидывали. В складах морского интендантства кое-что имелось, и флот до поры до времени снабжали. Матросов, однако, становилось в охране все меньше и меньше: кому давали самостоятельные поручения, кто уходил драться с Калединым, поднявшим восстание на Дону, с Дутовым под Оренбург; на Украину. Связь с кораблями постепенно ослабевала, и с продуктами становилось все труднее и труднее. Сплошь и рядом самому приходилось воевать с продовольственниками, чтобы хоть чем-то накормить людей.

Иногда, правда, выдавались счастливые случаи, когда при ликвидации какой-нибудь контрреволюционной организации, тайного притона или шайки спекулянтов (нам постоянно приходилось участвовать в таких операциях) мы обнаруживали нелегальные склады продовольствия, которые тут же реквизировали. Один раз захватили 20 мешков картофеля, другой — большой запас сухарей, как-то — 2 бочонка меду, всяко бывало. О каждой такой находке я докладывал Ревкому, и иногда некоторую часть продуктов передавали в продовольственный отдел Смольного, остальное же — в городскую продовольственную управу.

Особенно повезло нам как-то раз с халвой. Разузнал я, что в одном из пакгаузов Николаевской железной дороги давно лежит около сотни ведер халвы, а хозяин исчез, не обнаруживается.

Я тут же доложил Варламу Александровичу Аванесову, секретарю ВЦИК и одному из руководителей Ревкома. Надо, говорю, подумать, как быть с той халвой.

— А что тут думать, — отвечает Аванесов, — пропадать добру, что ли? Тащи халву сюда, будем хоть чай с халвой пить.

В тот же день провел он это решение в Ревкоме, и я доставил в Смольный чуть не целую подводку халвы.

А то конфисковали один раз 80 подвод муки. Привезли в Смольный и сложили мешки штабелем в одной из комнат, вроде склада получилось. Выставил я охрану из красногвардейцев, велел никого до мешков не допускать, а сам доложил Ревкому.

Обычно Ревком такие вопросы быстро решал, а на этот раз дело что-то затянулось. Лежит себе мука и лежит, пост рядом стоит, будто все в порядке. Только зашел я как-то в караульное помещение, что такое? В комнате — чад, блинами пахнет, да так аппетитно — слюнки текут. Глянул, а ребята приспособились, достали здоровенную сковороду и на «буржуйке» лепешки пекут.

— Это, — спрашиваю, — что такое?

Молчат. Наконец один молодой парень, путиловец, шагнул вперед.

— Товарищ комендант, может, и нехорошо, по ведь жрать хочется, спасу нет, а мука — вот она, рядом лежит. Все равно нашему же брату пойдет, рабочему. Не буржуям ведь? Ну, мы и того, малость реквизируем...

Он замялся а замолчал, и я молчу. Что ему скажешь? Вроде должен я их изругать, может, даже наказать, а язык не поворачивается; сам знаю, изголодались ребята.

— Насчет муки понятно, а масло откуда?

— Масло? Так это масло не простое, святое вроде... Мы его в здешней церкви нашли (в Смольном была своя церковь, я велел стащить в нее всю ненужную мебель).

— В церкви?..

— В церкви, товарищ комендант. Там, почитай, все лампы были полные, ну мы их и опорожнили.

— Ну, — говорю, — раз в церкви, тогда дело другое. «Святую» лепешку и мне не грех бы отведать!

Все разом заговорили, задвигались, уступили место возле «буржуйки». Лепешки оказались вполне съедобными. Я ребятам сказал: жарить жарьте, но домой — ни-ни, ни горстки муки! Они меня заверили, что и сами понимают. Еще несколько дней красногвардейцы питались лепешками, а там муку увезли, и праздник их кончился.

* * *

Бурный темп событий первых дней революции постепенно сменялся не менее напряженным, не менее страстным, но более организованным, более планомерным движением вперед, созидательной работой по закладке основ новой жизни. Вырабатывался опыт, рождались традиции.

Вездесущий в первые дни революции Военно-революционный комитет — боевой штаб вооруженного восстания и первый орган государственной власти рабочих и крестьян — уступал постепенно свое место вновь создаваемым органам Советского государства. После победы пролетарской революции одна функция за другой от ВРК отходила, и он стал исполнительным органом Совнаркома и ВЦИК. Основными задачами ВРК были теперь борьба с контрреволюцией и наведение революционного порядка в стране и столице. Прошло немного времени, и Военно-революционный комитет изжил себя. В декабре 1917 года по инициативе Ленина была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, возглавленная славным рыцарем революции, пламенным большевиком Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

Быт Смольного как зеркало отражал происходившие изменения. Жизнь налаживалась, входила в нормальную колею. Становилось ясно, что поддерживать необходимый порядок и нести охрану Смольного силами матросов (которых почти не осталось) и красногвардейцев невозможно. При всей своей преданности революции, стойко-

сти и дисциплине красногвардейцы не обладали ни достаточными военными знаниями, ни опытом несения караульной службы. Обучить охрану из красногвардейцев военному делу, привить ей твердые знания обязанностей часового на посту, выработать необходимые навыки не было никакой возможности. Как и чему можно было научить красногвардейца, пришедшего для охраны Смольного со своим отрядом с завода или фабрики на 3—5 дней, самое большее на неделю, и опять возвращавшегося на завод? Едва успевал он получить элементарное представление о караульной службе, как на его место приходил уже новый, которого нужно было учить заново.

Постоянная текучка в личном составе охраны Смольного таила в себе и другое. Как ни тщательно партийные комитеты и завком и отбирали красногвардейцев для охраны Смольного, никогда нельзя было быть уверенным, что в отряд не затешется какой-либо ловкий негодяй, контрреволюционер. Мы же, коренной состав охраны и ее руководители, не имели возможности не только проверить или изучить людей, которым доверялась охрана Смольного, но даже поверхностно познакомиться с ними, узнать их в лицо. Не проходило дня, чтобы я, обходя посты, не наталкивался на часовых, которых ни я не знал, ни они меня не знали. Сплошь и рядом на этой почве возникали самые нелепые недоразумения, бесконечные конфликты. То я или мои помощники хватали и тащили упрямшегося часового в комендатуру, приняв его за постороннего, то часовой наставлял мне штык в грудь, пытаясь меня арестовать. Просто не хватало терпения.

Поговорил я с Подвойским, ставшим теперь Народным комиссаром по военным делам, с Аванесовым, Дзержинским. Надо, мол, что-то с охраной Смольного делать, нельзя так дальше.

Уговаривать никого не пришлось: все не хуже меня понимали, что красногвардейцам трудно нести охрану

Смольного, что нужна воинская часть, но такая, которая сочетала бы в себе красногвардейскую пролетарскую закалку и преданность революции с опытом и знаниями кадровых военных.

Среди войск Петроградского гарнизона найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. Большинство солдатской массы составляли крестьяне, не имевшие той пролетарской и революционной закалки, что заводские рабочие. Да и существовали ли вообще в армии такие части, где основным костяком, основной массой были бы кадровые рабочие?

Я не говорю про матросов, про технические подразделения вроде автоброневого, где процент рабочих был всегда велик. По своему составу они, конечно, подошли, бы, но все такие части были, как правило, малочисленны и выделить из их состава необходимое количество (а нужно было человек 300—400, не меньше) не было никакой возможности, тем более тогда, в конце 1917 года, когда старая армия разваливалась, когда шла стихийная демобилизация, а до создания новой, рабоче-крестьянской армии было еще далеко...

Кому именно пришла в голову мысль возложить охрану Смольного института на латышских стрелков: Свердлову или Дзержинскому, Подвойскому или Аванесову, а может быть, самому Ленину, я не знаю, но решение было принято, и Исполнительному Комитету латышских стрелков (Исколастрел, как его сокращенно называли) было приказано направить в Смольный 300 лучших бойцов для несения караульной службы.

К началу 1918 года количество это было доведено до 1000 человек. Затем часть людей была демобилизована, оставался только тот, кто добровольно хотел продолжать нести службу, и к марту 1918 года в Смольном насчитывалось около 500 латышских стрелков.

Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики выполняли в суровую зиму 1917/18 года, вечно впроголодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-революционного комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК.

Это они, красноармейцы, матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции — Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина!..

* * *

Кабинет Ленина наверху, на третьем этаже Смольного. Вход — через небольшую приемную, разделенную на две части простой, незатейливой перегородкой вроде перил: несколько точеных столбиков, на них деревянные поручни, и все. За перегородкой, у маленького столика, секретарь Совнаркома, Он регулирует прием — вызывает к Ленину одних, пропускает других, просит обожждать третьих.

Возле столика секретаря дверь в кабинет Ленина — тоже небольшую светлую комнату. Там — письменный стол, несколько стульев, книжный шкаф. Ничего лишнего, никакой роскоши. Все просто, скромно, как сам хозяин кабинета.

Работал Ленин бесконечно много, не знаю, спал ли он и когда. В 10 часов утра он неизменно был у себя в кабинете, днем выезжал на фабрики, заводы, в солдатские казармы, выступал почти ежедневно. Вечером снова в кабинете часов до 4—5 утра, а то и всю ночь. И так день за днем, сутки за сутками. Нередко, обходя под утро посты, я осторожно приоткрывал дверь в приемную и видел дремлющего возле стола секретаря или дежурную машинистку Совнаркома — значит, Ленин еще не ушел, еще работает, а ведь скоро утро.

Квартиры у Ленина в Петрограде не было: по возвращении из эмиграции в апреле 1917 года он поселился с Надеждой Константиновной у своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. Недели через две после революции, когда я был уже комендантом Смольного, внизу, в комнате какой-то классной дамы, мы оборудовали жилье для Ленина и Крупской. Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой. Вход был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев, вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда каша — что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз я встречал его с солдатским котелком в руке.

Потом, когда организовалась совнаркомовская столовая, стало немного лучше. В это же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков — Александра Васильевича Шотмана, специально приходившая в Смольный. Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича.

Ильич был необычайно скромен и непритязателен. Очень редко он обращался к кому-либо с личными просьбами, а если и просил что-нибудь для себя, то именно просил, а не требовал, неизменно вежливо, деликатно, явно не желая обременять кого-либо своими личными нуждами.

Сижу я как-то у себя в комендатуре, вдруг открывается дверь — на пороге Владимир Ильич, в шубе, шапке, как видно, едет на собрание или на митинг. В руках небольшая изящная деревянная шкатулка.

— Товарищ Мальков, у вас найдется пара минут?

Я вскочил.

— Владимир Ильич, да я...

Он замахал рукой.

— Сидите, сидите. Я ведь по личному делу.

Вид у Ильича какой-то необычный, пожалуй, даже чуть-чуть смущенный. Бережно протягивает мне шкатулку.

— Если вам не трудно, откройте эту шкатулочку, никак у меня не получается. Только, пожалуйста, осторожно, поаккуратнее, не испортите. Я очень дорожу ею, тут письма от моей мамы.

«От мамы» — так и сказал!

— Владимир Ильич, я сейчас же сделаю.

— Зачем же сейчас? Что вы? Когда время найдется, тогда и откроете. Сейчас я все равно уезжаю. Только, пожалуйста, сегодня. Пока поберегите ее, а когда вернусь, тогда и отдадите.

Владимир Ильич ушел, а я принялся за шкатулку. Взял ее бережно, осторожно, не только что поцарапать, старался не дышать на нее. Провозился с полчаса, открыл. С какой радостью вернул я ее Ильичу, когда он приехал!

Взял Ильич шкатулку, любовно погладил ее полированную поверхность, глянул на меня вприщур:

— Спасибо, товарищ Мальков, большое спасибо!..

Когда достали мы халву, я роздал ее работникам Совнаркома, ВЦИКа, Ревкома. Несколько фунтов выделил для Ильича и сам отнес к нему в комнату.

Проходит несколько часов, стук в дверь.

— Войдите!

Входит Надежда Константиновна и кладет мне на стол сверток с халвой.

— Желтышев сказал, что это вы принесли, товарищ Мальков. Спасибо большое, только нам не надо, спасибо. Хоть тут и немного, только вы поровну между всеми товарищами разделите.

— Надежда Константиновна, помилуйте, да у нас этой халвы сколько угодно, я не только вам, всем дал.

— Ну тогда иное дело. Только все равно вы ее возьмите, дайте кому-нибудь другому.

— Другому? Но почему? Быть может, Владимир Ильич не любит халвы?

— Да нет, любить-то еще как любит, только, знаете, она ведь дорогая, а у нас сейчас денег нет. Вы уж извините.

— И не просите, Надежда Константиновна. Не возьму. А о деньгах не думайте. Халва бесхозная, так что раздаем мы ее бесплатно.

Еле-еле уговорил Надежду Константиновну взять халву.

* * *

В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с Владимиром Ильичей, он только рукой махал:

— Помилуйте, батенька, только этого не доставало!

Спорить с ним было бесполезно.

Говорили с Владимиром Ильичей об охране и Яков Михайлович и Феликс Эдмундович, но и они ничего не добились. А ведь Владимир Ильич не только постоянно выезжал из Смольного, частенько под вечер он отправлялся пешком вдвоем с Надеждой Константиновной побродить по улицам, отдохнуть от нечеловеческого напряжения. Пешие прогулки, как я заметил, были излюбленным отдыхом Владимира Ильича.

В 1917 году Ленина, правда, немногие знали в лицо, портретов его еще не публиковалось, но все же мало ли что могло случиться. Когда Владимир Ильич отправлялся на очередную прогулку, на сердце у меня бывало неспокойно. Не говоря ничего Ильичу, я строго-настрого приказывал часовым не спускать глаз с него и Надежды Константиновны, когда они гуляли недалеко от Смольного, но делать это так, чтобы не попасться Ильичу на глаза.

(Знал: заметит, будет сердиться.) А уж если кто чужой к ним приблизится да покажется подозрительным, тут действовать решительно, оберегая Ильича от возможной опасности.

Делать это было сравнительно легко, потому что вокруг Смольного постоянно выставлялись подвижные посты, которые следили, чтобы не было скопления подозрительной публики.

Однажды вечером вбегает ко мне начальник караула и докладывает, что неподалеку от Смольного собралось человек пятнадцать — двадцать, преимущественно баб, и честят на все корки Ленина. А Ильич, как нарочно, недавно отправился с Надеждой Константиновной на прогулку.

Не раздумывая долго, я послал наряд красногвардейцев. Женщин задержали и доставили в Смольный. Решил сам с ними поговорить, разобраться. Отправился было в ту комнату, куда их заперли, только едва вошел, они такой галдеж подняли, хоть святых выноси. Плюнул я в сердцах и ушел. Ладно, думаю, утром разберемся.

Наутро зашел к Надежде Константиновне. Выручайте, говорю. Задержали мы вчера возле Смольного ватагу баб. Очень нехорошо они об Ильиче отзывались, а разговаривать с ними нет никакой возможности: кричат все сразу, слова сказать не дают. Ничего у меня не получается. Может, вас, как женщину, послушают? Передавать же их прямо в 75-ю комнату неловко. Вдруг ничего серьезного нет, меня же на смех поднимут.

— Ладно, — говорит Надежда Константиновна, — ведите меня к вашим арестованным. Посмотрим.

Пошли, а там и половины задержанных нет, за ночь разбежались. Я к часовому; ты чего смотрел? А он плюется:

— Ну их к бесу, товарищ комендант. Они же бешеные. Как дверь я открыл (одна там попросила), они на меня так набросились, еле цел остался. Слава богу, не все разбежались. Нескольких, что помирнее, успел обратно запереть.

Тем временем Надежда Константиновна — она одна к ним в комнату зашла — выходит. Смеется. Да они, говорит, просто темные обывательницы, какая тут контрреволюция? Отпустите-ка их поскорее, и дело с концом...

1 (14) января 1918 года Владимир Ильич выступал на многолюдном митинге в Михайловском манеже. Вместе с ним на митинге были Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, и швейцарский социалист Фридрих Платтен, сопровождавший Ленина еще при его возвращении из Швейцарии в Россию после Февральской революции.

Едва все трое сели после митинга в машину и машина тронулась, как загремели выстрелы. Платтен, мужчина рослый, здоровый, схватил Владимира Ильича за плечи, пригнул к сиденью и закрыл собственным телом. Шофер дал полный газ, и машина умчалась. Никто из пассажиров, кроме Платтена, не пострадал, да и Платтен отделался легким ранением: пуля поцарапала ему руку. Но кузов машины был прострелен в нескольких местах. Произошло это незадолго до открытия Учредительного собрания. Вот тут уж не посчитались с мнением Ильича и организовали надежную охрану, особенно когда Ильич поехал на заседание Учредительного собрания.

Охрана Смольного все эти дни находилась в полной боевой готовности. Посты были усилены, количество постов увеличено, отпуска в город сотрудникам охраны отменены. В день открытия Учредительного собрания Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, позвонил мне по телефону и передал распоряжение Ленина: поставить всю охрану под ружье, выкатить пулеметы, самому неотлучно находиться в Смольном. Так я и не попал на открытие Учредительного собрания. И охрану Ильича в Таврическом дворце, где заседала учредилка, поручили не нам, а кому-то другому.

Впрочем, даже после покушения Ленина как следует охраняли недолго, считанные дни. Потом он решительно запротестовал и настоял, чтобы охрану убрали. Опять Владимир Ильич ходил и ездил по Петрограду без охраны.

В первых числах марта 1918 года мне позвонил Урицкий. Оказалось, что рабочие Колпино схватили отсиживавшегося под Петроградом брата Николая II — великого князя Михаила Александровича Романова и решили с ним разделаться. Сколь ни справедлив был гнев рабочих против великого князя, беспрестанно интриговавшего и строившего различные козни против Советской власти, допускать самосуд было нельзя.

Урицкий приказал мне немедленно забрать Михаила Романова и посадить в Смольный под стражу, не туда, где содержались прочие арестованные, а куда-нибудь в другое место, так, чтобы никто лишний не знал.

— Если придут к вам представители колпинских рабочих и потребуют Михаила, вы им отвечайте; нет, мол, такого. Ничего не поделаешь, придется так поступить, уж очень народ озлоблен. А мы тем временем решим, как быть с ним дальше.

Так я и сделал. Запер Михаила Романова в отдельную комнату на третьем этаже Смольного и приставил надежную охрану. Сам по несколько раз на день ходил проверять, крепко ли стерегут царского братца.

Опасения Урицкого оказались напрасными. Никто из рабочих за Михаилом не явился. Уверенность в том, что Советское правительство правильно решит судьбу этого отпрыска ненавистного дома Романовых, была у рабочих куда сильнее, чем стихийный гнев и ненависть.

9 марта 1918 года Совет Народных Комиссаров постановил:

«Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра

Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительства в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Мне в эти дни было уже не до Михаила Романова. Надвинулись другие дела, поважнее.

В первых числах марта как-то ночью меня вызвал Яков Михайлович Свердлов и сообщил, что по предложению Ильича принято решение о переезде Советского правительства из Петрограда в Москву. Сначала переедет ВЦИК, сказал Яков Михайлович, следом — Совнарком. В дальнейшем постепенно будут переведены все правительственные учреждения.

— Вам, товарищ Мальков, придется принять самое активное участие в организации переезда правительства. Охрана поезда Совнаркома возлагается на вас. Вы назначаетесь комендантом поезда. Учтите, в поезде Совнаркома поедет Владимир Ильич. Об охране Ильича в пути надо особо побеспокоиться, все организовать наилучшим образом.

Яков Михайлович сообщил мне, что охрану поезда Совнаркома будут нести в пути следования латышские стрелки из охраны Смольного.

— Выделите человек сто пятьдесят — двести самых надежных, которые поедут с вами. Отряд латышских стрелков переводится в Москву весь, целиком. Кто не поедет с поездом Совнаркома, выедет из Петрограда в следующие дни. В Москве латышским стрелкам поручается охрана Кремля, где будет находиться Советское правительство, и здание гостиницы «Националь». В «Национале» будет жить Владимир Ильич и еще ряд товарищей. Разместятся латыши в Кремле.

— Ясно, Яков Михайлович, — я поднялся, полагая, что беседа окончена.

— Ну, а ваша собственная судьба вас не интересует? — остановил меня Яков Михайлович.

— Интересует, конечно. Только, думаю, когда будет надо, вы скажете.

— Обязательно скажу! — Яков Михайлович усмехнулся, — Так вот. Вы назначаетесь комендантом Московского Кремля и по прибытии в Москву сразу же вступите в исполнение своих обязанностей.

Через несколько дней я получил из Управления делами Совнаркома секретный приказ:

«УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
КРЕСТЬЯНСКОГО И РАБОЧЕГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ РОССИИ
9 марта 1918 г. г. Петроград
Коменданту Смольного товарищу Малькову

ПРИКАЗ

Предписывается Вам сдать Ваши обязанности коменданта Смольного товарищу, которого Вы оставляете себе в преемники. Завтра, 10 марта с. г., к 10 часам утра Вы должны и прибыть по адресу: станция «Цветочная площадка» Эта станция находится за Московскими воротами. Пройдя ворота, надо свернуть налево по Заставской улице и, дойдя до забора, охраняющего полотно железной дороги, и тут вблизи будет железнодорожная платформа, называющаяся «Цветочная площадка».

Здесь стоит поезд, в котором поедет Совет Народных Комиссаров. Поезд охраняется караулом из Петропавловской крепости. Этот караул должен быть замещен караулом латышских стрелков, которые по особому приказу в числе 30-и человек должны будут выступить из Смольного с двумя пулеметами в 8 часов утра. В Петропавловской

крепости сделано распоряжение о передаче караула. После принятия караула латышскими стрелками Вы должны немедленно выступить в отправление обязанностей коменданта поезда. Охранять весь поезд вместе с паровозом, на тендере которого должен быть поставлен караул.

Кругом поезда все проходы к нему должны охраняться. Никто из посторонних не должен быть допущен в поезд. Багаж будет грузиться с 11 часов утра. Принимайте багаж, грузите от каждого отдельного лица в одном месте и охраняйте его. С этим поездом поедет 100 человек латышей, которые должны будут нести охрану поезда во время движения.

70 латышей придут на станцию часам к 7-ми вечера. Остальные латыши 1-го коммунистического отряда поедут в Москву завтра же с Николаевского вокзала, о чем будет издан особый приказ. Озаботьтесь, чтобы всем латышам было бы отпущено надлежащее довольствие в дороге.

Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров *Влад. Бонч-Бруевич*».

Началась подготовка. Я выделил 150 человек латышских стрелков и тщательно их проинструктировал, не говоря, конечно, раньше времени, кто поедет в поезде, который надлежит им охранять.

9 марта утром Президиум и часть членов ВЦИК покинули Петроград, отбыв специальным поездом в Москву. Владимир Ильич должен был выехать на следующий день, 10 марта 1918 года.

У меня все было готово к отъезду, как вдруг вечером вызывает Урицкий.

— Получены сведения, что в двух стрелковых полках затевается скверная история. Пробрались туда юнкера, кое-кого обработали и готовят контрреволюционное выступление. Необходимо немедленно принимать меры.

Я растерялся.

— Как же так? Ведь я имею распоряжение Якова Михайловича выехать с Владимиром Ильичем, обеспечить его охрану, а сегодня и от Бонча получил официальный приказ, Я уже начал дела сдавать...

В кабинет Урицкого вошел Володарский.

— Вот он, Мальков, а я его по всему Смольному разыскиваю!

Новая напасть! Оказывается, кое-кто из ответственных работников, остающихся в Петрограде, узнав, что на следующий день я должен уехать со значительной группой латышей, неожиданно запротестовал. По их мнению, передать охрану Смольного новым частям я должен был сам, лично, и мне не следовало уезжать и выводить большое количество латышей, пока не будет полностью организована новая охрана.

Особенно паниковал, по словам Володарского, Зиновьев.

Урицкий недовольно поморщился.

Рассеянно глядя на приказ Бонч-Бруевича, который я ему передал, Урицкий задумчиво произнес:

— Видишь, как получается. Ты действительно нужен в Петрограде, и не только для наведения порядка в полках, но и для организации охраны в Смольном, которую из-за вашего отъезда нужно строить заново. С другой стороны, на тебя возложено ответственнейшее поручение, и ни я, ни он, — Урицкий кивнул в сторону Володарского, — отменить распоряжение Якова Михайловича не можем. А его уже нет, уехал. Остается один выход: идти к Владимиру Ильичу. Ильич все и решит.

На следующее утро, часов около восьми, мы с Володарским, узнав, что Владимир Ильич у себя (пришел пораньше, готовится к отъезду), отправились к нему. А в это время у подъезда Смольного уже тарахтели грузовики и собирались латышские стрелки, назначенные в охрану поезда Совнаркома.

К доводам Володарского — Смольный-де остается почти без охраны — Владимир Ильич отнесся поначалу довольно скептически; как же! Трехсот латышей мало?! Однако, когда мы рассказали ему о напряженном положении в двух стрелковых полках и передали точку зрения Урицкого, Ленин изменил свое мнение.

— Что же, — сказал Владимир Ильич, — пусть Мальков остается. Можно оставить и часть латышских стрелков, выделенных для охраны поезда Совнаркома. Обойдемся меньшим количеством.

Тут уж я решительно запротестовал: коли надо, я останусь. Не уеду, пока не наведу порядок в полках и не организую охрану Смольного, но на одного человека с поезда Совнаркома не сниму. Нельзя.

— Ну смотрите, — согласился Владимир Ильич, — вам виднее.

Отправив несколько латышских стрелков посмышлее в подозрительные полки на разведку, сам я поехал на станцию «Цветочная площадка», чтобы проследить за погрузкой и организацией охраны поезда. Все прошло благополучно, и в назначенное время поезда Совнаркома был отправлен. Ленин уехал в Москву.

Когда я вернулся в Смольный, наши разведчики были уже там. В ту же ночь две большие группы латышских стрелков, человек по сорок каждая, двинулись на операцию. Я поехал с одной из групп, вторую возглавил Озол.

Обезоружив без особого шума часового у ворот казарм, мы захватили полковые склады оружия и подняли полк по тревоге. Никто из солдат не пытался оказать сопротивления. Все прошло тихо и спокойно. Солдаты сами погрузили в подошедшие грузовики полковые пулеметы, винтовки, патроны.

Так же гладко все прошло и у Озола.

Покончив с разоружением полков, мы принялись за передачу охраны Смольного новым частям, пришедшим на

смену латышским стрелкам. Все это заняло около недели. Когда последний латышский стрелок покинул Смольный, я сдал дела новому коменданту и выехал в Москву. Кончилось мое комендантство в Смольном, в славной цитадели Великого Октября. Впереди была Москва, Кремль...

Прощай, Смольный!

В Кремле

В Москве я никогда ранее не бывал и ко всему присматривался с особым интересом. Надо признаться, первое впечатление было не из благоприятных. После Петрограда Москва показалась мне какой-то уж очень провинциальной, запущенной. Узкие, кривые, грязные, покрытые щербатым булыжником улицы невыгодно отличались от просторных, прямых, как стрела, проспектов Питера, одетых в брусчатку и торец. Дома были облезлые, обшарпанные. Там и здесь на стенах сохранились следы октябрьских пуль и снарядов. Даже в центре города, уж не говоря об окраинах, высокие, пяти-шестиэтажные каменные здания перемежались убогими деревянными домишками.

Против подъезда гостиницы «Националь», где поселились после переезда в Москву Ленин и ряд других товарищей, торчала какая-то часовня, увенчанная здоровенным крестом. От «Националя» к Театральной площади тянулся Охотный ряд — сонмище деревянных, редко каменных, одноэтажных лабазов, лавок, лавчонок, среди которых громадой высился Дом союзов, бывшее Дворянское собрание.

Узкая Тверская от дома генерал-губернатора, занятого теперь Моссоветом, круто сбегала вниз и устремлялась мимо «Националя», Охотного ряда, Лоскутной гостиницы прямо к перегородившей въезд на Красную площадь Иверской часовне. По обеим сторонам часовни, под

сводчатыми арками, оставались лишь небольшие проходы, в каждом из которых с трудом могли разминуться две подводы.

Возле Иверской постоянно толпились нищие, спекулянты, жулики, стоял неумолчный гул голосов, в воздухе висела густая брань. Здесь да еще на Сухаревке, где вокруг высоченной Сухаревой башни шумел, разливаясь по Садовой, Сретенке, 1-й Мещанской, огромный рынок, было, пожалуй, наиболеелюдно. Большинство же улиц выглядело по сравнению с Петроградом чуть ли не пустынными. Прохожих было мало, уныло тащились извозчицЫ санки да одинокие подводы. Изредка, веерами разбрасывая далеко в стороны талый снег и уличную грязь, проносился высокий мощный «Паккард» с желтыми колесами, из автобоевого отряда при ВЦИК, массивный, кургузый «Ройс» или «Делане-Бельвиль» с круглым, как цилиндр, радиатором, из гаража Совнаркома, а то «Нэпир» или «Лянча» какого-либо наркомата или Моссовета. В Москве тогда, в 1918 году, насчитывалось от силы три-четыре сотни автомобилей. Основным средством передвижения были трамваи, да и те ходили редко, без всякого графика, а порою сутками не выходили из депо — не хватало электроэнергии. Были еще извозчики: зимой небольшие санки, на два седока, летом пролетка. Многие ответственные работники — члены коллегий наркоматов, даже кое-кто из заместителей наркомов — за отсутствием автомашин ездили в экипажах, закрепленных за правительственными учреждениями наряду с автомобилями.

Магазины и лавки почти сплошь были закрыты. На дверях висели успевшие заржаветь замки. В тех же из них, что оставались открытыми, отпускали пшено по карточкам да по куску мыла на человека в месяц. Зато вовсю преуспевали спекулянты. Из-под полы торговали чем угодно, в любых количествах, начиная от полфунта сахара или масла до кокаина, от драных солдатских штанов до рулонов превосходного сукна или бархата.

Давно не работали фешенебельные московские рестораны, закрылись роскошные трактиры, в общественных столовых выдавали жидкий суп да пшенную кашу (тоже по карточкам). Но процветали различные ночные кабаре и притоны. В Охотном ряду, например, недалеко от «Националя», гудело по ночам пьяным гомоном полулегальное кабаре, которое так и называлось: «Подполье». Сюда стекались дворянчики и купцы, не успевшие удрать из Советской России, декадентствующие поэты, иностранные дипломаты и кокетки, спекулянты и бандиты. Здесь платили бешеные деньги за бутылку шампанского, за порцию зернистой икры. Тут было все, чего душа пожелает. Вино лилось рекой, истерически взвизгивали проститутки, на небольшой эстраде кривлялся и грассировал какой-то томный, густо напудренный тип, гнусаво напевавший шансонетки.

Такой была Москва в конце марта 1918 года.

* * *

Прибыли мы на Николаевский вокзал часов около одиннадцати утра 20 или 21 марта 1918 года. Ехал я с поездом, в котором переезжал из Петрограда в Москву Народный комиссариат иностранных дел. В этом же поезде разместился отряд латышских стрелков в двести человек — последние из тех, что охраняли Смольный в ныне перебазировавшихся в Кремль. Надо было организовать их выгрузку, выгрузить оружие, снаряжение.

Была и еще забота. Поскольку в Москве с автомобилями было плохо, переезжавшие из Петрограда учреждения везли с собой закрепленные за ними машины. Погрузил и я на специально прицепленную к нашему составу платформу автомобиль, который обслуживал комендатуру Смольного. Теперь надо было его снять с платформы и поставить на колеса.

На вокзале царила невероятная толчея. Пришлось немало пошуметь и поругаться со станционным начальством, пока все было сделано.

Наконец по прошествии часа или двух латыши разгрузились и походным порядком двинулись в Кремль. Машина была снята с платформы и, урча мотором, стояла возле вокзала. Можно было трогаться. Так нет! Откуда ни возьмись бежит секретарша Наркомата иностранных дел и слезно молит взять какой-то ящик с ценностями, принадлежащими наркомату. Пришлось нам с шофером отправиться за грузом.

Ящик оказался солидным. Он был лишь слегка прикрыт крышкой, и мы разглядели золотые кубки, позолоченные ложки, ножи и еще что-то в том же роде. Секретарша объяснила, что это банкетные сервизы Наркомата иностранных дел. Когда разгружали эшелон, про этот ящик попросту забыли.

Мы благополучно доставили ценности в Кремль и оставили их во дворе здания бывших Судебных установлений. Там злополучный ящик и стоял недели две-три, никто за ним так и не пришел. Тогда я сдал ценности в Оружейную палату.

Добирались мы с вокзала до Кремля не без труда — ведь ни шофер, приехавший со мной из Петрограда, ни я дороги не знали. Но вот, наконец, и Манеж, вот и Кутафья башня. На часах — латышские стрелки, наши, смольнинские. Дома!

Через Троицкие ворота едем по Троицкому мосту вверх. Проникнуть в Кремль тогда можно было только через Троицкие ворота, все остальные — Никольские, Спасские, Тайницкие, Боровицкие — наглухо закрыты. Лишь месяца три-четыре спустя мы открыли для проезда машин в экипажах Спасские ворота, оставив Троицкие только для пешеходов. Боровицкие же и Никольские долго еще оставались закрытыми, а Тайницкие не открываются и поныне.

Поскольку все основные указания по охране Смольного да и по организации переезда из Питера в Москву я получал от Президиума ВЦИК, и теперь первым делом я отправился во ВЦИК, к Якову Михайловичу Свердлову, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет разместился, как и Совет Народных Комиссаров, в бывшем здании Судебных установлений. Совнарком — на третьем этаже, в угловых помещениях против Царь-пушки, а ВЦИК — в самом центре здания, на втором этаже.

Аппараты ВЦИК и Совнаркома были столь невелики, что не занимали и половины комнат огромного здания Судебных установлений. Значительная часть помещения длительное время пустовала.

Яков Михайлович работал в просторной комнате, направо от входа по коридору. Отдельного кабинета первые дни у него не было. В одной комнате с ним работала Глафира Ивановна Теодорович, заведовавшая Агитотделом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, кандидат в члены Президиума ВЦИК. Тут же помещался и помощник Якова Михайловича — Графов, приехавший с ним из Смольного. В кабинете напротив, через коридор, разместился Варлам Александрович Аванесов, секретарь ВЦИК.

Когда я вошел, у Якова Михайловича сидело несколько человек, с которыми он оживленно разговаривав. Я поздоровался. Яков Михайлович энергично пожал мне руку и кивком указал на стул, стоявший козле стены.

— Прибыли? Вот и ладно. Обождите немного, сейчас кончу с товарищами, тогда и покалякаем.

Закончив через несколько минут разговор, Яков Михайлович пригласил меня к своему столу.

— Ну, как доехал? Как дела в Смольном!

Я коротко доложил. Яков Михайлович не любил многословных докладов, не терпел излишней «болтологии», как он говорил. Внимательно выслушав меня и задав не-

сколько вопросов, он перешел к организации охраны Кремля.

— Дело придется ставить здесь солиднее, чем в Смольном. Масштабы побольше, да и мы как-никак солиднее становимся. — Яков Михайлович чуть заметно усмехнулся и вновь посерьезнел. — Нарождается новая, советская государственность. Это должно сказываться во всем, в том числе и в организации охраны Кремля. Я думаю, нам надо будет создать Управление коменданта Кремля. Да, да, именно Управление. Аппарат раздувать не надо, ни чего лишнего, никакого бюрократизма, но организовать все надо прочно, солидно.

Кому будет подчиняться Управление? Ну, это, по-моему, ясно: Президиуму ВЦИК. Штаты вы разработайте сами и представьте на утверждение. Только, повторяю, ничего лишнего. Обсудите все с Аванесовым, посоветуйтесь с Дзержинским. С Дзержинским обязательно.

С ЧК вам постоянно придется иметь дело. Нести охрану будут латыши, как и а Смольном, только теперь это будет не отряд, а батальон или полк. Подумайте, что лучше. Учтите при составлении штатов. Довольствие бойцов охраны и всех сотрудников Управления возложим на военное ведомство, но оперативного подчинения военведы никакого.

С чего начать? Конечно с приемки дел, и ни часа не откладывая, немедленно. Ознакомьтесь получше с Кремлем. Сами лично все обойдите и осмотрите. Продумайте схему расстановки постов. Постами надо обеспечить не только ворота, но и стены. Надо будет кое-где установить посты и внутри Кремля: у входа в Совнарком, у кабинета и квартиры Ильича. У Ильича — непременно. Туда надо ставить особо надежный народ.

Присмотритесь к населению Кремля. Народу тут живет много, в значительной части не имеющего к Кремлю никакого отношения. Кое-кого, как видно, придется выселить.

Я внимательно слушал четкие, предельно ясные и уверенные указания Якова Михайловича. Мои задачи становились мне все яснее, а Яков Михайлович продолжал:

— Распределением квартир в Кремле тоже вы будете заниматься. Подумайте об оборудовании квартир, мебель, посуда, постельное белье. Ведь у большинства товарищей ничего нет, даже пары простыней, чашек, тарелок. А жить люди должны по-человечески. И столовую в Кремле надо поскорее наладить, небольшую, для наиболее загруженных и нуждающихся в усиленном питании товарищей — наркомов, их заместителей, членов коллегий. Есть у меня на примете отличный товарищ — Надежда Николаевна Воронцова. Хорошая из нее получится заведующая, Вот ей и поручите это дело.

Да, когда будете оборудовать квартиры — а мы в ближайшее время ряд товарищей из «Националя», «Метрополя» переселим в Кремль, — на дворцовое имущество особо не рассчитывайте, лучше берите из гостиниц, из того же «Националя». Дворцы надо сохранить в неприкосновенности, со временем мы там музеи организуем и откроем самый широкий доступ народу. Вообще дворцы будут не в вашей власти. Ими распоряжается Управление дворцового имущества, товарищ Малиновский, человек знающий, грамотный.

Ну вот, пожалуй, для начала и все. Кстати, вы-то сами где поселились? Пока нигде? Так я и думал! Что? Собираетесь поставить себе койку в комендатуре? Нет, батенька! Мы поселяемся здесь всерьез и надолго. Извольте кончать с походным образом жизни. Занимайте квартиру и располагайтесь основательно.

* * *

Заканчивая разговор, Яков Михайлович быстро набросал несколько слов в своем блокноте, вырвал листок и протянул мне.

Я прочел:

«ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ-
НЫЙ КОМИТЕТ
СОНЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
21/III 1918 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие удостоверение тов. Малькову в том что он является комендантом Кремля.

Председатель ЦИК *Я. Свердлов*».

Бережно сложив удостоверение, я спрятал его в карман, вышел от Якова Михайловича и отправился разыскивать комендатуру. Как оказалось, она разместилась на Дворцовой улице, недалеко от здания Судебных установлений, в трех-четырёх комнатах первого этажа небольшого трехэтажного дома, вплотную примыкавшего к Кавалерскому корпусу, почти напротив Троицких ворот. Окна комендатуры выходили к Троицким воротам.

В комендатуре я застал нескольких сотрудников, большинство которых работало раньше в Смольном. Не было только Стрижака, исполнявшего до моего приезда обязанности коменданта Кремля.

Стрижак был тоже питерцем. После Октября он работал в Таврическом дворце. Как только был решен вопрос о переезде правительства из Петрограда, его послали в Москву готовить Кремль. У него-то я и должен был принять дела.

Не успел я толком побеседовать с товарищами, расспросить, как идут дела, не успел выяснить, как встретили и разместили прибывших со мной из Питера латышских стрелков, как они сами напомнили о себе. Дверь неожиданно распахнулась, и в комендатуру ввалилось человек десять — пятнадцать латышей. Все с винтовками.

— Где Стрижак?

Прервав беседу с сотрудниками комендатуры, я поднялся из-за стола.

— В чем дело?

— Ничего особенного, — ответил один из латышей, — пришли Стрижака сажать. Тут он?

— Что? Как это сажать? Куда сажать?

— Обыкновенно. Посадим за решетку. В тюрьму. Такое решение.

Я вскипел.

— Да вы что городите?! Какое решение? Чье?

— Наше решение. Мы на общем собрании отряда постановили посадить Стрижака как саботажника...

Оказалось, что, когда усталые после утомительного переезда из Петрограда и пешего марша по Москве, донельзя проголодавшиеся латышские стрелки прибыли в Кремль и обратились к Стрижаку с просьбой накормить их, он отказался выдать предназначенные для них консервы, сославшись на какую-то кем-то несоблюденную формальность — не так оформленную ведомость. Всегда спокойные, выдержанные, но не терпевшие непорядка и несправедливости латыши возмутились, тем более что их товарищи, прибывшие в Москву раньше, сообщили, что консервы у Стрижака есть. Латышские стрелки собрали тут же митинг и приняли решение: объявить Стрижака саботажником и как саботажника арестовать.

Говорили латыши спокойно, держались уверенно. Нет, по их мнению, они не анархисты, самоуправством не занимаются. Действуют согласно революционным законам: единогласное решение общего собрания закон. Суть не в консервах, а в том, что Стрижак — саботажник, разговор же с саботажниками короткий...

Разобравшись, наконец, в чем дело, я вызвал интенданта и велел ему немедленно выдать латышским стрелкам консервы, а латышей разнес на чем свет стоит. Хоро-

ша, говорю, законность, нечего сказать! Собрались, погалдели и на тебе — арестовать. Будто ни командования, ни Советской власти, ни порядка нет. Самая настоящая анархия!

Едва ушли пристыженные латыши, как появился Стрижак. Отчитав его как следует, я начал принимать дела. Обошли мы вместе с ним все посты, ознакомил он меня с организацией охраны, с порядком выдачи пропусков в Кремль, передал несложную канцелярию комендатуры, и я вступил в исполнение обязанностей коменданта Московского Кремля. Стрижак был назначен комендантом одного из домов Совета, в которые были превращены гостиницы «Националь» (1-й Дом Советов), «Метрополь» (2-й Дом Советов), здания на Садово-Каретной (3-й Дом Советов), на углу Моховой и Воздвиженки (4-й Дом Советов) и в Шереметьевском переулке (5-й Дом Советов).

* * *

С первого же дня дела комендатуры лавиной обрушились на меня. Надо было и посты устанавливать и проверять, и пропускную систему налаживать, и быт кремлевской охраны организовывать, и квартиры для переселяющихся в Кремль товарищей готовить — всего не перечтешь. И так же, как в Питере, — оперативные задания одно за другим, то от Дзержинского, то от Аванесова, а то и прямо от Якова Михайловича или даже от самого Владимира Ильича.

Я с трудом вырывал время, чтобы тщательно изучить Кремль, ознакомиться с его населением, без чего нельзя было обеспечить надежную охрану Кремля и установить твердый порядок.

Уже внешний осмотр Кремля показывал, что работы здесь — непочатый край! Кремль к моменту переезда Советского правительства из Петрограда в Москву был основательно запущен. Часть зданий значительно пострада-

ла еще в дни Октябрьских боев и никем не восстанавливалась. Во дворе Арсенала уродливо громоздились груды битого кирпича, стекла, всякой дряни. Верхний этаж огромных казарм, тянувшихся чуть ли не от Троицких ворот почти до самого подъезда Совнаркома, начисто выгорел, и его окна зияли мрачными черными провалами.

На улицах была несусветная грязь. Весна стояла в 1918 году ранняя, дружная. Уже в конце марта было по-апрельски тепло, и по улицам Кремля разливались настоящие озера талой воды, побуревшей от грязи и мусора. На обширном плацу, раскинувшемся между колокольной Ивана Великого и Спасскими воротами, образовалось такое болото, что не проберешься ни пешком, ни вплавь.

Общее впечатление запущенности и неприбранности усиливало бесконечное количество икон. Грязные, почерневшие, почти сплошь с выбитыми стеклами и давно угасшими лампадами, они торчали не только в стенах Чудова, Архангельского и других монастырей, но везде: в Троицкой башне, у самого входа в Кремль, над массивными воротами, наглухо закрывшими проезды в Спасской, Никольской, Боровицкой башнях.

Все надо было чистить, прибирать, ремонтировать, а рабочих рук было до смешного мало. Латышские стрелки были полностью загружены караульной службой и выполнением боевых заданий ВЦИК и ВЧК. В моем распоряжении имелось всего десятка два-три водопроводчиков, электромонтеров, подметальщиков улиц да примерно столько же старых царских швейцаров, следивших за порядком в дворцовых покоях. Пришлось на уборку Кремля мобилизовать всех его жителей, не занятых работой в советских учреждениях. Кое-как, с грехом пополам очистили улицы, но до полного порядка было далеко.

Уборка, конечно, была делом серьезным: Кремль должен был выглядеть как следует: однако главной моей заботой была все же не уборка, а организация охраны Кремля. Дело здесь было еще сложнее, чем в Смольном.

Как и в Смольном, пропуска в Кремль существовали постоянные и разовые. Постоянные выдавались по заявкам учреждений на месяц, разовые — на одно посещение. Выдача производилась в небольшой деревянной будке, прилепившейся к стене Кутафьей башни, у входа в Троицкие порога. Правом заказа разовых пропусков пользовались большинство сотрудников ВЦИК, Совнаркома и почти все жители Кремля. При таком порядке в Кремль мог проникнуть кто угодно.

Я начал с того, что договорился с Аванесовым и Бонч-Бруевичем, чтобы круг сотрудников правительственного аппарата, имеющих право заказывать разовые пропуска, был резко ограничен. Так, во всем Управлении делами Совнаркома мог отныне заказывать пропуск непосредственно в Троицкой будке только сам Бонч-Бруевич. Все остальные сотрудники Управления делами должны были обращаться в комендатуру, ко мне, а я уже давал распоряжение о выдаче разовых пропусков. Одна эта мера сразу резко снизила количество заявок на разовые пропуска. Затем пересмотрел я также и порядок заказа пропусков жителями Кремля, значительно сократив круг лиц, которым предоставлялось это право.

С пропусками дело понемногу налаживалось. Однако весь пропускной режим был бы ни к чему, если бы можно было проникнуть в Кремль, минуя охрану. Вновь и вновь обходил я Кремль лазил по кремлевским стенам, присматриваясь и изучая, как лучше расставить посты, чтобы исключить такую возможность. Оказалось, что если со стороны Красной площади, Москвы-реки и Александровского сада стены были достаточно высоки, то возле Спасской и Никольской башен они возвышались всего на несколько метров, и влезть там на стену не представляло большого труда, в особенности если бы со стены кто-нибудь помог. Насколько это практически было несложно, я убедился самым неожиданным образом.

Однажды под вечер, обходя Кремлевскую стену не-
вдалеке от Спасской башни, ближе к Москве-реке, я вне-
запно натолкнулся на группу кремлевских мальчишек лет
десяти-двенадцати. Спокойно и деловито они спустили
со стены толстую веревку и, сосредоточенно сопя, пыта-
лись втащить наверх здоровенного парня. Дело подвига-
лось довольно успешно, и парень болтался уже метрах в
двух-трех над землей, еще минута, и он будет на стене. За-
виден меня, ребята кинулись врассыпную, бросив впопы-
хах веревку. Парень рухнул вниз. Быстро вскочив на ноги,
он грязно выругался, погрозил мне кулаком и пустился
наутек. Догнать его не было никакой возможности. Одна-
ко выяснить, кто это пытался пробраться в Кремль, зачем,
следовало.

На другое утро я вызвал в комендатуру «нарушите-
лей» пропускного режима и принялся их расспрашивать
со всей строгостью. Только зря! Ничего толком сказать
они не могли. Для мальчишек это была просто игра. Пар-
ня они встретили днем в Александровском саду. Когда он,
быстро завоевав их расположение, заявил, что им «слабо»
втащить его в Кремль на веревке, мальчишки готовы были
расшибиться в лепешку, чтобы доказать, что «не слабо».
Интерес к занятному приключению только увеличился,
когда парень потребовал, чтобы они побожились, что ни-
чего не скажут взрослым, так как иначе те помешают. Что
за парень, кто он таков, никто из ребят, конечно, не знал.

Если подобную штуку могли устроить мальчишки, то
нечего и говорить, насколько проще это было взрослым.
Среди многочисленного и разношерстного населения
Кремля 1918 года вполне могли оказаться охотники по-
мочь кому-либо нелегально пробраться в Кремль. Чтобы
предотвратить подобные случаи, пришлось усилить под-
вижные посты по всей Кремлевской стене, а вблизи Спас-
ских и Никольских ворот установить на стене постоянных
часовых.

Немало хлопот доставляло мне первое время кремлевское население. Кого только тут не было весной 1918 года! В Кремле жили и бывшие служители кремлевских зданий со своими семьями — полотеры, повара, кучера, судомойки и т. д., — и служащие некогда помещавшихся в Кремле учреждений. Все они, за исключением стариков швейцаров, давно в Кремле не работали.

Прелюбопытный народ были эти самые швейцары. Насчитывалось их в Кремле несколько десятков, все старики лет за шестьдесят, а то и больше, бывшие николаевские солдаты. В Кремле было тогда три дворца: Большой, Потешный и Малый Николаевский. Вот за сохранностью имущества в этих дворцах, да еще в Оружейной палате и Кавалерском корпусе, старики и следили. Они же убирали помещения. Жили старики в Кремле испокон веков, помнили не только Николая II, но и Александра III. К обязанностям своим относились чрезвычайно ревностно. Не давали сесть и пылинке ни на одно кресло, ни на одно зеркало. Как занимались они своим делом в прежние времена, так занимались и теперь, после революции.

К Советской власти большинство из них относилось поначалу с открытой неприязнью: какая, мол, это власть? Ни тебе пышности, ни величавости, с любым мастеровым, любым мужиком — запросто. Только со временем, присмотревшись к Ленину, Свердлову. Дзержинскому, Цюрупе, к другим большевикам, начали понимать старики природу нового, советского строя и горячо, искренне привязались к нашим руководителям, хотя я поругивали их втихомолку за излишнюю, с точки зрения бывших царских служителей, скромность и простоту.

— Не то! — вздыхал порой тот или иной старик швейцар, глядя на быстро идущего по Кремлю Ильича в сдвинутой на затылок кепке или Якова Михайловича в неиз-

менной кожаной куртке. — Не то! Благолепия не хватает. Ленин! Человек-то какой! Трепет вокруг должен быть, робость. А он со всяким за руку, запросто. Нет, не то!

Занятные были старики! Они опасности не представляли. А вот другие...

Целый квартал, тянувшийся от Спасских ворот до площади перед колокольней Ивана Великого и от плаца до здания Судебных установлений, был застроен тесно лепившимися друг к другу двух — трехэтажными домами и домишками, заселенными до отказа. Полно было жильцов и в небольших зданиях, расположенных во дворе Кавалерского корпуса. Что это был за народ, пойди разбери, во всяком случае, их пребывание в Кремле необходимостью не вызывалось.

Но больше всего хлопот и неприятностей доставляли мне монахи и монахини, так и сновавшие по Кремлю в своих черных рясах. Жили они в кельях Чудова и Вознесенского монастырей, приткнувшихся возле Спасских ворот.

Подчинялись монахи собственному уставу и своим властям. С нашими правилами и требованиями считались мало, свою неприязнь к Советской власти выражали чуть не открыто. И я вынужден был снабжать эту, в подавляющем большинстве враждебную, братию постоянными и разовыми пропусками в Кремль. Вот тут и охраняй и обеспечивай Кремль от проникновения чуждых элементов!

От этих монахов мне просто житья не было, что ни день, то что-нибудь новое. Мало того, что они сами не внушали никакого доверия, что в гости к ним ходила самая подозрительная публика, они и того хуже удумали: организовали розничную торговлю пропусками в Кремль, поставив дело на широкую ногу.

Не знаю, насколько кремлевские монахи были благочестивы и как строго блюли монашеские обеты и церковный устав, но что большинство из них было отменными спекулянтами и пройдохами, это уж точно.

Сам убедился! Взять хотя бы игуменью Вознесенского монастыря. Оказалось, что она торгует ценными бумагами на черной бирже, возле Ильинских ворот, у стены Китай-города. И на крупные суммы. Не сама, конечно, а через подставных лиц.

Затем еще эта история с продажей разовых пропусков в Кремль. Да ведь как торговали! Совершенно открыто, прямо возле Троицких ворот, по пять рублей за пропуск. Подходи и покупай, кто хочет.

Тут уж я не стерпел, Пошел к Якову Михайловичу и заявил, что, пока монахов из Кремля не уберут, я ни за что поручиться не могу.

Яков Михайлович сразу согласился. Давно, говорит, пора очистить Кремль от этой публики. Только надо спросить Владимира Ильича, нельзя без его ведома ворошить этот муравейник.

Я — к Ильичу. Так и так, говорю. Надо монахов выселить из Кремля. Яков Михайлович поддерживает.

— Ну что же, — отвечает Ильич, — я не против. Давайте выселяйте. Только вежливо, без грубости!

Прямо от Ильича я пошел к настоятелю монастыря (мне с ним и до этого несколько раз приходилось беседовать). Есть, говорю, указание Ленина и Свердлова переселить вас всех из Кремля, так что собирайтесь.

Настоятель артачиться не стал, старик он был умный, понимал, что спорить бесполезно.

Предупредив настоятеля, дал я команду вывозить монахов, а самого тревога разбирает: кто его знает, что у них там в соборах припрятано. Теперь наверняка ценности растащат.

Договорился я с Аванесовым, и у настоятеля затребовали описи церковного имущества, а ему передал, что ценности, являющиеся народным достоянием, вывозить категорически воспрещается. Выделили специальную комиссию для приема ценностей.

Описи монастырская канцелярия представила сразу, а передавать имущество отказалась наотрез.

— Выедем, — заявили монахи, — тогда и принимайте, как вам заблагорассудится, а добровольно согласия на передачу ценностей не дадим. Уступаем насилию. Тащить же никто из святых отцов ничего не утащит. Как бы ваши не стащили...

Ладно, думаю, не хотите передавать добром, не надо, а добропорядочность «святых отцов» мне доподлинно известна. На торговле пропусками проверил! Выставил я в Троицких воротах наряд латышей и велел обыскивать выезжающих монахов подряд.

Монахи — на дыбы. Коли так, кричат, никуда не поедем!

Ничего, говорю, голубчики, поедете. Никто на ваше имущество не покушается, везите свои рясы и подрясники, а тащить народное добро не позволю!

Видят монахи, что меня не переспоришь. Начали было уступать, а тут — телефон. Бонч звонит:

— Безобразия! Немедленно прекратить обыск!..

— Нет, — говорю, — Владимир Дмитриевич, не прекращу, и вы не вмешивайтесь. Я подчиняюсь Владимиру Ильичу и Якову Михайловичу, а не вам, так что не приказывайте.

Отрезал и положил трубку, Однако минут через десять-пятнадцать снова звонок, Яков Михайлович.

— Что там у вас с Бончем стряслось?

— Да ничего особенного. Просто я велел монахов при выезде обыскивать, чтобы они ценности не украли, а Бонч протестует. Вот и все.

— Утащить они, конечно, что-нибудь утащат, но и обыск устраивать не следует, тут вы не правы. Это не метод, Да и незачем давать повод монахам поднимать лишний шум, так что отпустите их на все четыре стороны. А если что особо ценное украдут, потом отберем. Никуда они не денутся.

Пришлось отпустить монахов восвояси. Только через день после их отъезда являются ко мне члены комиссии и выкладывают длиннющий список: любуйтесь, мол, чего не хватает, А в списке и митра золотая с бриллиантами, патриаршая, изготовленная в древние времена, и пятнадцать золотых панагий (это были такие иконы, их на груди носили), и кресты золотые, большие и малые, и прочее, и прочее. В описях значится, а на месте нет — украли-таки «святые отцы»!

Надо искать, только как? Тут я вспомнил об одном монахе, вернее бывшем послушнике.

Этого монаха в Кремле все знали. И все звали просто Гришкой. Гришка и Гришка, ничего больше. Мы его родословной, ни даже фамилии толком никто не знал.

Парень Гришка был здоровенный, лет этак тридцати-тридцати двух, себе на уме. Я с ним познакомился вскоре после своего приезда в Кремль. Явился он ко мне в комендатуру и решительно заявил:

— Комендант, а комендант, приставь меня к какой должности.

Я рассмеялся:

— К какой же тебя «должности» приставить? У меня для монахов должностей нет.

— К какой, это мне все едино. А из монахов я уйду, надоело. Ну их куда подальше. Да и не монах я вовсе, хотя и в рясе, так — послушник.

— Выходит, ты вроде холуя при монахах? — спрашиваю.

— Выходит, так.

Устроил я Гришку дворником, и стал он подметать кремлевские улицы. Из монастыря Гришка ушел, но приютители среди монахов у него остались.

Уж не знаю почему, вероятно потому, что отнесся я к нему по-человечески, внимательно, а в монастыре его, как

и других послушников, не очень баловали человеческим отношением, но Гришка ко мне искренне привязался и частенько заглядывал в комендатуру. Привязанность эта не ослабевала даже тогда, когда я ругал его за какие-либо провинности. А это случалось. Начал, например, Гришка одно время погуливать, разных девиц в Кремль водить. Ну, я его и вызвал. Ты, говорю, что это тут развел? Мигом из Кремля вылетишь!

Он удивился:

— А что такого? Я теперь не монах, мне можно.

Изругал я его за это «можно» как полагается, такую острастку дал — лучше не надо. Ничего, не обиделся.

Всю подноготную монахов Гришка знал прекрасно. Вот с его-то помощью я и решил пронести необходимую разведку, разузнать, куда припрятали монахи украденные ценности.

Велел я разыскать Гришку и прислать ко мне. Он явился сразу, будто ждал приглашения.

Рассказал я Гришке, что мне от него надо, и дал три дня сроку.

— Н-да, дело хитрое, — полез он пятерней в затылок. — Однако попробуем.

Два дня Гришка пропадал, на третий явился. Физиономия опухла, под правым глазом здоровенный синяк, а вид довольный, Улыбается.

— Где это, — спрашиваю, — тебя так здорово разукрасили?

— Это-то? Так нешто это здорово? Обойдется! Просто по основам веры немножко поспорили. Не без рукоприкладства, конечно.

Время Гришка провел недаром. Разыскал он старых приятелей, с одним выпил, с другим подискутировал, с кем просто так поговорил, но узнал многое. Основная часть монахов, выехавших из Кремля, обосновалась, оказывается, на Троицком подворье, чуть выше Трубной площади, прямо в резиденции патриарха Тихона.

— Есть там отец-эконом, — закончил Гришка свое повествование, — жулик, прости господи, каких свет не видел. Он и помещение это готовил загодя. Чужал, что при новой власти в Кремле не удержаться. Не иначе как он ценности упер, Монахи, кои видели, говорят, что в его келье подпол сделан.

Вот там, небось, все и схоронено.

Информации была ценная, и я отправился в ЧК к Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Выслушав мой доклад. Феликс Эдмундович выделил мне в помощь двух чекистов, и прямо с Лубянки мы пошли на Троицкое подворье, благо по соседству.

Смотрим — настоящая крепость. Высокая каменная стена, ворота на замке. Вход через узенькую калитку, и та заперта. Еле достучались.

Впускать нас сначала не хотели, все допрашивали: кто, да что, да зачем. Только когда я пригрозил, что буду вынужден прибегнуть к оружию, впустили. Смотрим — обширный двор, взад и вперед снуют монахи. На нас поглядывают с любопытством и с откровенной враждебностью. После долгих расспросов добрались мы, наконец, до кельи отца эконома. Увидав меня, тот так и расплылся, а глаза у самого злющие, настороженные. Не трата времени попусту, я сразу приступил к делу. Нам, говорю, все известно. Выкладывай ценности, не то худо будет.

— Ценности?! — изумился эконом. — Какие ценности? В первый раз слышу.

Я и так и сяк, и по-хорошему, и угрозами — никакого толку. Стоит на своем: знать не знаю, ведать не ведаю.

Пошел я тогда к самому Тихону. Нехорошо, говорю, получается. Поверили мы монахам на слово, а они все наиболее ценное похитили. Ведь там и исторические ценности были, теперь же спустят их на толкучке, и поминай как звали.

Угрюмо глядя да меня из-под косматых нависших бровей, Тихон усталым жестом прервал мои излияния:

— То — дело мирское. Прошу к отцу эконому, а я вам не советчик...

Вижу, он тут ни при чем, ничего не знает. Пришлось уходить несолоно хлебавши.

Вышел я из кельи патриарха в узкий коридорчик — навстречу шесть дюжих молодцов в сюртуках из личной охраны Тихона. Рожи у всех зверские как на подбор, пришибут, в не пикнешь. А я, как назло, один, чекисты внизу остались, у эконома. Ну, думаю, дело дрянь. Виду, однако, не подаю. Иду на них напролом, как ни в чем не бывало. То ли мой решительный вид подействовал, то ли им не было приказано меня трогать, только они молча расступились, и я беспрепятственно спустился вниз. Вошел к эконому сам не свой, злость разобрала.

— Не отдашь, — говорю, — ценности добром, все в твоей келье вверх дном переверчу, а докопаюсь, куда ты их спрятал.

Вижу, перетрусил эконом не на шутку, но молчит, только глазами по сторонам шныряет и все больше в один из углов посматривает. Глянул и я туда. Вроде ничего особенного: на стене рукомойник, под ним таз на табуретке, на полу коврик. Постой-ка, постой, зачем же он там лежит? Как будто коврику там не место, возле рукомойника. Отодвинул табуретку, отшвырнул коврик: так и есть. Под ковриком в полу щель, в половицу вделано железное кольцо. Дернул я за кольцо, и открылся вход в подвал.

— Ну, святой отец, что теперь скажешь?!

А тот ни жив ни мертв. Подтолкнул его один из чекистов к зияющему ходу, вынул из кармана электрический фонарь, а мы втроем спустились в глубокий сырой подвал, оставив другого чекиста сторожить наверху, чтобы кто не захлопнул крышку.

Посветил товарищ мой фонариком — сундук. В нем и митра, и панагии, и другие ценности, да еще деньгами и ценными бумагами около миллиона.

Собрав все в оказавшийся здесь же мешок, мы поднялись наверх и, не мешкая, распростились с мрачным Троицким подворьем, прихватив с собой и отца-эконома. Ценности я отнес в ЧК, а отцом-экономом занялись чекисты, по назначению.

* * *

С чекистами я не раз совместно участвовал в различных операциях. Народ это все был мужественный, инициативный, боевой, преимущественно из рабочих. Многие из них вступили в большевистскую партию еще до Октября. Нередко вместе с чекистами действовали и латышские стрелки. Приходилось им выполнять боевые задания и самостоятельно.

С латышами прошли первые, самые трудные месяцы моей кремлевской жизни, когда все только налаживалось, входило в норму.

В Кремле латышей было больше, чем в Смольном. К нашему приезду там уже был расквартирован 4-й Видземский латышский стрелковый полк. С прибытием пятисот латышских стрелков из Питера сформировали еще один полк, 9-й. 4-й вскоре из Кремля вывели, и 9-й полк нес в 1918 году охрану Кремля и выполнял различные боевые задания. Входил полк в Латышскую стрелковую дивизию, командовал которой Вацетис, впоследствии Главком вооруженных сил Республики, комиссаром дивизии был большевик-подпольщик Петерсон. Подчинялся же полк фактически мне.

Размещались латыши в казармах, что напротив Арсенала, направо от Троицких ворот.

В боевых операциях действовали они энергично, самоотверженно, караульную службу несли превосходно, хотя порою кое-кто из латышей и пошаливал.

Невзлюбили, например, латышские стрелки ворон, которых действительно возле Кремля была тьма-тьмущая. Вороны в те годы кружились над Кремлем и особенно над Александровским садом целыми тучами, оглашая все вокруг неистовым карканьем. По вечерам, едва темнело, вороны сплошной черной массой висели на деревьях Александровского сада.

Латыши объявили вороньему племени войну не на жизнь, а на смерть и действовали столь энергично, что в дело вмешался даже Ильич.

Излюбленным местом дневного пристанища ворон были позолоченные двуглавые орлы, венчавшие Кремлевские башни. Вороны облепляли орлов гроздьями, ожесточенно дрались за право уцепиться за орлиную лапу или усесться на самой маковке. Вот тут-то и развернулись боевые действия. Сначала по воронам, садившимся на орлов, постреливали отдельные часовые с Кремлевских стен, потом начали стрелять и с других постов. День ото дня больше, того и гляди пулеметы выкатят.

Я было говорил, чтобы прекратили стрельбу, но особых строгостей не проявлял, все как-то руки не доходили, недосуг было. Вдруг звонок:

— Товарищ Мальков? Ленин, Позвольте узнать, по чьему распоряжению сплошь и рядом в Кремле ведется пальба по воронам, расходуются драгоценные патроны, нарушается порядок?

— Владимир Ильич, никто такого распоряжения не давал. Это просто так, ребята балуются.

— Ах, балуются? И вы, комендант Кремля, считаете это правильным, одобряете это баловство?

— Нет, Владимир Ильич, не одобряю. Я уже говорил, не слушают...

— А уж это ваше дело заставить вас слушаться, да, ваше дело. Немедленно прекратить возмутительную пальбу!

Я, конечно, тут же отдал строжайший приказ, и стрельба прекратилась, хотя одиночные выстрелы изредка еще и раздавались, только тут уж с виновников стали спрашивать как следует.

А однажды у латышей случилась большая неприятность. Было это в двадцатых числах апреля 1918 года.

Все началось с очередной облавы на Сухаревском рынке. Сухаревка тогда жила бурной и, надо прямо сказать, весьма неприглядной жизнью. По воскресеньям и праздничным дням она превращалась в бушующее человеческое море, так и кишевшее мелкими и крупными хищниками: спекулянтами, шулерами, проститутками, карманниками, налетчиками.

На Сухаревке продавали и покупали все, что только можно было продать и купить, причем процветала в основном меновая торговля: шубу из соболей меняли на полмешка пшена, серебряные ложки — на сало, золоченые подсвечники — на керосин. Деньги утратили свою ценность.

На Сухаревке пьянствовали и дрались, играли до потери сознания в карты и заключали самые невероятные сделки, обирали до нитки простаков, спекулировали, воровали, грабили.

Советское правительство, переехав в Москву, твердой рукой взялось за наведение порядка в столице, Спекуляции, разврату, проституции, воровству, бандитизму была объявлена беспощадная война.

Возглавил боевые силы революции в этой войне Феликс Эдмундович Дзержинский, штабом стала ВЧК, армией — московский пролетариат, славные чекисты, рождавшаяся на свет Рабоче-крестьянская милиция и зачастую латышские стрелки.

Один за другим наносились сокрушительные удары по тайным ночным притонам и бандитским «хазам», по гнездам и рассадникам спекуляции, мошенничества, раз-

боя. Московские рынки решительно очищали от спекулянтов, воров и всякой нечисти. Систематически организовывали облавы, оцепляя рынок и проводя поголовную проверку документов. И кого только там не приходилось вылавливать!

Нередко по распоряжению Дзержинского или Аванесова на такие облавы я посылал бойцов из кремлевской охраны. Бывало это чаще всего по воскресеньям. Так было и в воскресенье 21 апреля 1918 года.

В то утро из Кремля выехало несколько грузовиков. Подъехав к Сухаревке с разных сторон — с Садовой, Сретенки, Мещанской, — грузовики остановились, сидевшие в них латыши слезли, рассыпались в цепь, сжали рынок в стальное кольцо и начали облаву. Задержали свыше трехсот человек.

Задержанных, как обычно, посадили в кузова грузовиков; латыши, держа винтовки наперевес, уселись по бортам, и грузовики, по мере того как наполнялись, отправлялись один за другим в казармы, где уж тщательно разбирались с каждым задержанным и либо передавали милиции, либо отпускали на все четыре стороны.

На улицах было пустынно, разве изредка попадетсЯ извозчичья пролетка или ломовая телега да прогрохочет одинокий набитый до отказа трамвайный вагон. Грузовики мчались на большой скорости. И надо же было так случиться, что как раз в тот момент, когда первый грузовик неся с Лубянской площади вниз по Театральному проезду к «Метрополю», где-то неподалеку раздался винтовочный выстрел.

Стоявшим возле «Метрополя» постовым милиционерам показалось, что стреляют с грузовика и стреляют по «Метрополю». Они подняли панику, и отряд, охранявший «Метрополь», выскочил по боевой тревоге на площадь, мигом залег, выкатил пулеметы. А в это время с горы, от Лубянской площади, мчится второй грузовик.

Завидев приближающийся грузовик, милиционеры решили, что это возвращается тот самый, с которого, как им казалось, стреляли, и бросились наперерез, пытаясь его остановить. Не тут-то было! Шофер заметил бегущих к грузовику вооруженных людей и, предположив, что это сообщники задержанных хотят их освободить, прибавил газ. Сидевшие на бортах латыши вскинули винтовки.

Убедившись, что грузовик не задержать, охрана «Метрополя» и милиционеры открыли ему вслед ружейную и пулеметную стрельбу. Несколько человек в кузове было ранено, а один латышский стрелок убит наповал. Пострадал и кое-кто из случайных прохожих.

Услышав пулеметные очереди, шофер сообразил, что тут что-то не так, пулеметов у бандитов быть не может, и круто затормозил. Прошло несколько минут, пока разобрались, и смущенные милиционеры, стремясь загладить свою вину, попытались оказать помощь раненым, но тщетно. Молча отстранив милиционеров, латыши забрались в кузов, в грузовик медленно тронулся к Кремлю.

Ничего не подозревая, я сидел в комендатуре, когда у меня на столе пронзительно затрещал телефон.

В трубке послышался подчеркнуто спокойный голос Якова Михайловича:

— На плацу творится черт знает что такое, а вы сидите в комендатуре. Немедленно отправляйтесь в полк и разберитесь, в чем дело.

Засовывая на ходу за пояс кольт, я выскочил из комендатуры и кинулся на плац. Там все кипело. От казарм стремительно бежали латыши, катя грохочущие по булыжнику станковые пулеметы. Весь 9-й Латышский стрелковый полк был поднят в ружье. К плацу подлетали грузовики, латыши с ходу кидались в них, втаскивая друг друга. А посреди плаца застыл грузовик с изрешеченными пулями бортами, в кузове которого лежал труп убитого возле «Метрополя» латышского стрелка.

Вклинившись в толпу, я схватил первого попавшегося командира роты за рукав:

— В чем дело?

— Полк выступает.

— Как выступает, куда?

Из толпы раздались голоса:

— Идем на «Метрополь».

— Громить милицию.

— Может, это и не милиция, а бандиты, переодетые в милиционеров.

Я подоспел вовремя. Еще несколько минут — и было бы поздно.

Взобравшись на ближайший грузовик, я крикнул что было мочи:

— Митинг! Митинг давай! Нельзя выступить без митинга!

Необходимо было выиграть время, заставить людей одуматься, только тогда их можно было бы удержать, а там разъяснить, что никаких бандитов, переодетых в милицейскую форму, нет, что произошло трагическое недоумение. К моему голосу стали прислушиваться. Коекто поддержал:

— Верно, надо митинг. Потом выступим.

Тут как раз подоспели Берзин и Озол, как и я, застигнутые врасплох. Нам быстро удалось овладеть положением, на плацу стало тихо. Открыв митинг, я заявил, что ни о каком выступлении не может быть и речи. Надо выбрать делегацию и поехать в Моссовет, разобраться. Я сам поеду с делегацией и уверен, что виновные в бессмысленной стрельбе, стоившей жизни одному из ваших товарищей, будут сурово наказаны.

Мое предложение приняли, тут же выбрали делегацию, и мы отправились в Моссовет.

В Моссовете мы застали нескольких членов президиума и тут же договорились о тщательном расследова-

нии и привлечении виновных к ответственности. Прямо из Моссовета вместе с одним из членов президиума наша делегация отправилась в отдел милиции Городского района, к виновникам происшествия. Едем. На улицах ни одного милиционера, как в воду канули. Нет милиционеров и возле «Метрополя» и на Петровке, а в отделе двери настежь, и тоже ни души. Даже часового нет. Оказывается, как только распространилась весть о столкновении с латышами, милиционеры Городского района разбежались кто куда. Пришлось расследование на время отложить.

* * *

Близились Первомайские праздники. 1 Мая 1918 года решено было отметить торжественно, по-настоящему. Подготовка началась заблаговременно.

Примерно за неделю до праздника вызвал меня Яков Михайлович и распорядился украсить Кремль так, как он никогда еще не украшался. Яков Михайлович велел привести в образцовый порядок все кремлевские улицы и площади, украсить здания, ворота и подъезды, Кремлевские стены и башни. Тут же он написал распоряжение управляющему текстильной промышленностью Алексею Семеновичу Киселеву выдать мне такое количество кумача и другой материи, какое потребуюся.

К работам по украшению Кремля я привлек лучших московских художников, скульпторов, архитекторов: Федоровского, Богатова, Ясинского, Виноградова и других. Мобилизовал десятки декораторов, плотников, кровельщиков. Работа закипела вовсю, и 1 Мая 1918 года москвичи не узнали Кремля.

Кутафья башня была вся обвита красной материей. С ее стен свешивались огромные плакаты: «Да здравствует всемирная Советская Республика!», «Да здравствует красное знамя свободного труда!»... Высоко над башней гордо реяли два алых стяга.

Вдоль всего Троицкого моста, от Кутафьей башни к Троицкой, полоскались на весеннем ветру два ряда красных флагов, образуя красочный коридор. По всем четырем стенам Троицкой башни спускались полотнища с лозунгами, а место древней, тусклой иконы в центре башни заняло огромное панно, на котором был изображен могучий красный витязь, вознесшийся над землей.

Здание Совнаркома и ВЦИК так и пылало в огне алого кумача. Украсились и другие кремлевские здания, даже монастыри и соборы. Все подъезды и ворота внутри Кремля увивала свежая зелень. В эти дни мне пришла мысль избавиться от икон, торчавших на Кремлевских башнях и соборах и постоянно мозоливших глаза. Решил, однако, спросить Владимира Ильича или Якова Михайловича, а тут и случай представился. В канун праздника Владимир Ильич и Яков Михайлович вместе пошли по Кремлю осматривать украшения. Пригласили и меня. Выйдя из подъезда Совнаркома, мы миновали Царь-колокол и поравнялись с Благовещенским собором; тут я спросил Владимира Ильича, не следует ли убрать иконы.

— Правильно, — отвечает Ильич, — совершенно правильно. Обязательно следует. Только не все: старинные, представляющие художественную или историческую ценность, надо оставить, а остальное убрать.

Вдруг Владимир Ильич всплеснул руками и звонко расхохотался.

— Товарищ Мальков, только вот эту не вздумайте трогать, — и он указал пальцем на икону, вделанную в стену Благовещенского собора, — а то так от Луначарского попадет, так попадет, что и не говорите. Не только вам, и мне заодно достанется. Так что уж вы меня не подводите!

Наступило 1 Мая 1918 года. Утро выдалось пасмурное, хмурое. Солнце проглянуло только после полудня. Начало демонстрации было назначено на 11 часов, но по всей Москве с раннего утра царило небывалое оживление. По рай-

онам собирались рабочие, служащие. В четком строю, чеканя шаг, проходили к сборным пунктам войска, шедшие в общей демонстрации, во главе районных колонн.

Воинский парад был назначен после окончания демонстрации на Ходынке.

Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле, перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом внезапно шутиливо погрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уж нехорошо. — Он указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как товарищи? — обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну-ка, дружно! — заодно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду.

Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам. Он не раз говорил, что победивший народ должен снести всю эту мерзость, напоминающую о самодержавии, оставив в виде исключения лишь подлинные произведения искусства, вроде памятника Петру в Петрограде. По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа-спасителя, генералу Скобелеву. На месте памятника Скобелеву против Моссовета был воздвигнут обелиск Свободы.

Москва, говорил Ленин, столица Советского государства, государства рабочих и крестьян, и ее улицы должны украшать памятники не царям и князьям, а великим революционерам, борцам за народное счастье. Мы снесем весь этот хлам, заявлял он, и воздвигнем в Москве и других городах Советской России памятники Марксу, Энгельсу, Марату, Робеспьеру, героям Парижской коммуны и нашей революции. Воздвигнем памятники выдающимся умам человечества, ученым и писателям, поэтам и композиторам. Владимир Ильич сам заложил памятник Карлу Марксу. В Москве были заложены и открыты временные памятники ряду выдающихся революционеров.

Мы тронулись на Красную площадь, полыхавшую заревом алых знамен. Ровно в 11 часов утра на площадь хлынули колонны демонстрантов. Нескончаемым потоком лились мимо седых Кремлевских стен, мимо невысокой дощатой трибуны, на которой стояли члены ВЦИК и Совнаркома, стоял Владимир Ильич Ленин десятки тысяч москвичей — пролетариев Пресни и Хамовников, Сокольников и Замоскворечья. Шли солдаты московских полков,

шли в отдельных колоннах ребята, мальчишки и девчонки, будущие строители коммунизма.

Демонстрация длилась свыше пяти часов. Когда она закончилась, прямо здесь, на Красной площади, открылся грандиозный митинг трудящихся столицы.

Час спустя состоялся военный парад на Ходынке. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной прямо с Красной площади проехал туда, а после парада, когда совсем свечерело, праздник продолжался в Кремле. Здесь состоялся митинг латышских стрелков и сотрудников Кремля, на котором выступили встреченные горячими овациями В. И. Ленин и Я. М. Свердлов.

* * *

Прошло еще несколько месяцев, и в конце сентября 1918 года мне пришлось расстаться с латышскими стрелками. Многих из них измотали тяжелая караульная служба, ночи без сна, частые сложные операции. Но не это было главным. Латышские стрелки рвались на фронт, в открытый бой с врагами революции, сжимавшими молодую Республику Советов в огненном кольце.

Посоветовавшись с командованием Латышской стрелковой дивизии, мы решили 9-й полк вывести из Кремля и, идя навстречу пожеланиям большинства стрелков, отправить полк на фронт.

В середине сентября собрали по этому поводу специальное совещание, о результатах которого комиссар дивизии Петерсон так докладывал Якову Михайловичу:

«1918 г. 18 сентября.

Председателю ВЦИК т. Свердлову

На общем заседании, при участии комиссаров и командиров Латышской дивизии, председателя Исколастрела и коменданта Кремля тов. Малькова, мы пришли к единогласному решению, что 9-й полк, находящийся в Крем-

ле, сейчас целесообразно из Кремля перевести в казармы Александровского училища, а вместо 9-го полка для несения караульной службы в Кремль перевести 2-й Латышский стрелковый полк, ныне находящийся в лагерях.

Ввиду изложенного, просим Ваше согласие заменить 9-й Латышский полк 2-м полком.

Комиссар Латышской стрелковой советской дивизии
К. Петерсон».

С нашим предложением о выводе 9-го полка из Кремля Яков Михайлович согласился. Правильно, говорит, пора переменить обстановку товарищам латышам, надо предоставить им возможность ударить по белогвардейской нечисти. Только зачем заменять один полк другим? Сделаем иначе: переведем в Кремль из Лефортова Первые пулеметные курсы, курсанты будут и охрану Кремля нести и учиться. Состав на курсах переменный — одни окончили, ушли, другие пришли, так что караульная служба никому не успеет набить оскомину. Народ же на курсах надежный, мало чем уступает латышам, все больше рабочие. Много коммунистов. Не подведут.

Так и сделали. Осенью 1918 года латышские стрелки покинули Кремль, и на их место заступили курсанты Первых пулеметных курсов, преобразованных в дальнейшем в школу ВЦИК.

Ленин

Первое время после переезда правительства в Москву Владимир Ильич жил в 1-м Доме Советов («Национале») и каждый день ходил в Кремль пешком, без всякой охраны. Вообще вплоть до злосчастного покушения Каплан Ильич всюду ходил и ездил один, категорически возражая против того, чтобы его сопровождала охрана. Только по-

сле покушения Ильич вынужден был подчиниться настояниям товарищей и дать согласие на организацию охраны, да и то нередко уходил или уезжал без сопровождения.

Недели через две после приезда в Москву, в конце марта 1918 года, Владимир Ильич переселился из 1-го Дома Советов в Кремль. Некоторое время спустя в Кремль переехали Свердлов, Аванесов, Демьян Бедный и ряд других товарищей.

Сначала Владимир Ильич поселился в совсем крохотной двухкомнатной квартирке в Кавалерском корпусе, затем перебрался в здание Судебных установлений, в то же помещение, где был и Совнарком. Здесь квартира была тоже небольшая, всего четыре маленькие комнаты. Особыми удобствами она не отличалась, раньше здесь находилась не то квартира какого-то чиновника, не то подсобное помещение, толком не знаю, подбирали-то ее еще до моего приезда в Москву. Захламлена она была основательно. Зато находилась квартира в непосредственной близости от служебного кабинета Ильича — в одном и том же коротком коридоре, и в этом было ее огромное достоинство.

Как только я вступил в свои права коменданта Кремля, Бонч-Бруевич привлек меня к работе по устройству постоянной квартиры Владимиру Ильичу, и я привял непосредственное участие в приведении помещения в жилое состояние.

Работы в квартире были проведены самые незначительные; побелили стены, даже не заклеив их обоями, поставили мебель. Мебель мы подбирали вместе с Бончем, только самую необходимую. Знали, что никаких излишеств Ильич не допустит. Установили две простые металлические кровати, Ильичу и Надежде Константиновне, два письменных стола и один обеденный, совсем небольшой, примерно 1,5 на 2 метра. В столовой у стенки я поставил скромную деревянную этажерку, установил в при-

хожей несколько книжных шкафов, поставил полдюжины стульев, — вот и вся мебель квартиры председателя Совнаркома.

Как ни скромна была обстановка, Владимира Ильича она вполне устраивала. Непритязательность Ильича, его исключительная личная скромность и нетребовательность известны всем и каждому. Причем в этой скромности не было ничего показного, нарочитого.

И в личной жизни, и в отношениях с окружающими Ленин был предельно скромен, тактичен, порою даже застенчив. Однако при всей своей скромности и простоте Владимир Ильич всегда оставался Лениным. Никогда и ни с кем Владимир Ильич не допускал и подобия панибратства. Бессчетное количество раз я видел Ленина беседующим с людьми, десятки раз мне самому приходилось говорить с Ильичей, говорить и с глазу на глаз, и в присутствии других. С любым человеком, будь то нарком или рядовой рабочий, ученый, писатель или крестьянин, Ленин был очень внимателен, говорил ровно, без тени превосходства. Но весь его облик, все манеры, непоколебимая уверенность в своей правоте покоряли собеседника, кто бы он ни был. И каждый чувствовал, беседуя с Ильичем, что как Ленин ни прост, а человек он не простой, не обычный.

Ильич умел, когда надо, быть властным и суровым. Он мог, как мало кто другой, одернуть и поставить на место любого. Из всех людей, которых я знал, вряд ли кто другой мог так спокойно, не повышая голоса, одной-двумя фразами, скупым жестом осадить кого угодно, подчинить своей стальной, несокрушимой воле.

* * *

Нетребовательность Ильича в быту была потрясающей. В квартире у него было холодно: отопление-то дровяное, а дров не хватало. С дровами в Кремле было вообще

туго. И ни разу ни Владимир Ильич, ни Надежда Константиновна ни слова не сказали, не пожаловались, что мерзнут, не предъявляли никаких претензий. Мне же было не вдомек, пока как-то не посетовала на холод Саша, работница в семье Ильича.

Посетовала и тут же оговорилась:

— Только, ради бога, не выдавайте, Павел Дмитриевич, что я вам жаловалась. Узнает Владимир Ильич или Надежда Константиновна, попадет мне!

Та же история была и с продуктами. Питался Ильич плохо, нередко оставался без сахара, чая, без крупы, уж не говоря о мясе, масле. Обеды он получал из той же кремлевской столовой, но обеды-то были никудышные. Жидкий суп, пшенная каша, одно время была солонина, красная кетовая икра — и все. И ведь это только обед, а надо еще завтракать, ужинать...

У меня всегда был некоторый резерв продуктов для неотложных нужд: кто заболит, внезапно приедет, срочно уезжает, мало ли что бывало. Нередко я получал коротенькие записки от Аванесова, от других руководителей ВЦИК, а то и от Якова Михайловича выдать 20 фунтов хлеба делегации питерских рабочих; отпустить четверть фунта сахара заболевшему члену ВЦИК... Пусть мало, но продукты были. И ни разу ни Ленин, никто из его близких не обратились ко мне за продуктами. Больше того, несколько раз я пытался сам занести что-нибудь из провизии на квартиру Ильича, и всегда дело кончалось отказом.

Только когда у Владимира Ильича началось желудочное заболевание, и Саша рискнула попросить у меня манной крупы, созрело у нас решение пойти на хитрость. Мы договорились с Сашей, что она будет по утрам заходить ко мне и брать необходимое для Ильича, не говоря ничего ни ему, ни Надежде Константиновне. Хитрость наша, однако, могла быть легко разоблачена, и я решил вовлечь в заговор Марию Ильиничну. После длительных уговоров

она дала согласие звонить, если что будет нужно, и действительно звонила, но раз-два в месяц, не чаще.

А сколько раз, бывало, Ленину привозили или присылали любовно собранные продуктовые посылки! Слали товарищи, везли делегаты сел и деревень. И никогда Ильич ничего не оставлял себе, все передавал в школы и детские дома ребятам.

Вот, например, после взятия нашими войсками Ростова приехал в Москву Семен Михайлович Буденный, привез много подарков. Приходит ко мне в комендатуру и спрашивает, как передать гостинцы, присланные Ильичу бойцами Первой Конной. Я отвечаю, что нет ничего проще. Приносите, мол, сюда, я передам.

Семен Михайлович рассердился:

— Благодарствую за совет, только такая помощь мне не нужна, передать-то я и сам уж как-нибудь передам.

Не знаю как, но в тот же день Семен Михайлович передал Ильичу все, что намеревался. А, побывав у Ильича, не преминул вновь заглянуть в комендатуру:

— Без вашей помощи обошлись, товарищ комендант. Все как есть Ильичу вручил. Так-то!

Вручил так вручил, тем лучше, только на следующее утро звонит Владимир Ильич: зайдите, мол, ко мне. На квартиру.

Я сошел.

— Вчера у меня товарищ Буденный был, — говорит Ильич. — Замечательный товарищ! Вот он тут продукты привез, вы их возьмите, пожалуйста, и передайте в детский дом, ребятишкам. Непременно ребятишкам.

Так все и отдал, ничего себе не оставил.

* * *

А как одевался Владимир Ильич! Боюсь, что у него был всего один костюм. Очень чистый, опрятный, всегда аккуратно выглаженный (Владимир Ильич вообще не тер-

пел никакой неопрятности, распушенности), но уже изрядно поношенный и, что ни говори, всего один. От силы два, не больше.

Собрались как-то Яков Михайлович с Феликсом Эдмундовичем и решили: надо Ильичу сшить новый костюм. Вызвали меня, велели достать материал, привести портного. Только, говорят, Ильичу пока ни слова. Узнает заранее — откажется. Надо его врасплох захватить.

Достал я материал, разыскал портного. Звоню Якову Михайловичу: готово.

— Ладно, — отвечает Яков Михайлович, — ждите команды.

Сижу в комендатуре, волнуюсь. Портной возле меня. Он и не знает, на кого ему шить придется.

Проходит минут сорок — пятьдесят, звонит Яков Михайлович.

— Мы с Феликсом Эдмундовичем идем сейчас к Ильичу. Берите своего портного и минут через десять заходите туда же.

Тут я сказал портному, что костюм-то Ленину.

— Ленину? — переспросил портной. — Самому Ленину? — Он вскочил со стула, руки трясутся. — Вы... вы шутите?!

— Нет, — говорю, — не шучу. Пошли!

Через несколько минут мы с портным входили в квартиру Ильича. Владимир Ильич, Яков Михайлович и Феликс Эдмундович о чем-то оживленно разговаривали в столовой. Яков Михайлович и Феликс Эдмундович сидели возле стола, а Владимир Ильич расхаживал взад и вперед по комнате, заложив большие пальцы в вырезы жилета и задорно посмеиваясь.

Увидев нас, Владимир Ильич остановился, с недоумением глянул на меня, на портного, повернулся к Свердлову и Дзержинскому. Те продолжали сидеть с невозмутимым видом. Яков Михайлович барабанил пальцами по

столу, поглядывая в окно, а Феликс Эдмундович не спеша повернулся, протянул руку, взял со стоявшей у него за спиной этажерки первую попавшуюся книгу и принялся сосредоточенно ее перелистывать. Портной, часто дыша мне в затылок, переминался с ноги на ногу.

— В чем дело, товарищ Мальков? — первым прервал молчание Ильич. — Я как будто вас не вызывал. А за спиной кто это у вас прячется?

Не зная, с чего начать, я нерешительно шагнул вперед, чуть не силой втаскивая за собой вконец растерявшегося портного. На выручку пришел Яков Михайлович:

— По-видимому, товарищ Мальков привел портного, чтобы снять мерку, Такое у меня создается впечатление.

— Какую мерку, с кого? Что за ерунда? — Ильич начал сердиться.

— С вас, Владимир Ильич, с вас! — вступил в разговор Феликс Эдмундович.

— Позвольте, — перебил его Ильич, — позвольте. Да у вас, я вижу, целый заговор?

— Это уж как вам будет угодно, — невозмутимо продолжал Дзержинский. — Заговор? Ну, как известно, моя специальность раскрывать заговоры...

Все расхохотались. Владимир Ильич с комическим вздохом развел руками:

— Ничего не поделаешь. Ваша взяла.

Он шагнул к портному, протянул ему руку:

— Здравствуйте, товарищ! Вы извините, что вас беспокоили, я ведь и сам бы мог к вам приехать...

Феликс Эдмундович и Яков Михайлович переглянулись: как же, так бы и поехал! Между тем портной быстро снял мерку. Спустя несколько дней костюм был готов.

Так же скромно, можно сказать бедновато, одевалась и Надежда Константиновна. Платья на ней всегда были чистые, аккуратные, но из недорогой, простой материи, изрядно поношенные.

Однажды сотрудники Наркомпроса, не помню уже сейчас по какому поводу — то ли в день рождения Надежды Константиновны, то ли в Международный женский день, решили сделать ей подарок. Собрали деньги, купили материал и сшили платье. Но когда Надежде Константиновне принесли и стали вручать подарок, она растерялась:

— Зачем вы это сделали? Мне ничего не надо. У меня все есть, все необходимое...

Как-то звонит мне Владимир Ильич:

— Товарищ Мальков, у меня накопилось много новых книг, надо бы их разобрать. Кстати, сегодня обещали поставить еще один книжный шкаф. Нельзя ли прислать кого-нибудь?

— Почему нельзя? Можно. Сегодня же пришлю.

А про себя думаю: «Никого не пошлю, сам пойду и разберу».

Часа в четыре, когда ни Владимира Ильича, ни Надежды Константиновны, ни Марии Ильиничны дома обычно не бывало, пошел и принялся разбирать книги.

Сижу на корточках, подбираю книги по алфавиту, прежде чем в шкаф поставить, вдруг у меня за спиной тихо открылась дверь. Кто-то вошел, постоял с минуту (я и не заметил), смущенно кашлянул.

Оборачиваюсь — Владимир Ильич.

— Я вам не помешаю?

Я вскочил.

— Извините, Владимир Ильич. Не слушал, как вы вошли. Я сейчас уйду, потом кончу.

— Что вы, что вы! — Он замахал руками. — Это вы извините, что я помешал. Мне тут одна книжица понадобилась. Я ее возьму и пойду, а вы не беспокойтесь, продолжайте работать. Большое вам спасибо за помощь.

Взял нужную книгу и ушел.

В другой раз позвонила Мария Ильинична и попросила послать кого-нибудь помочь переставить мебель в

квартире: им с Надеждой Константиновной вдвоем трудно. Я, конечно, опять сам пошел. Увидели они меня, смутились. Зачем, говорят, вы себя затрудняете, мы уж как-нибудь сами.

Затрудняю? Да я не мебель — горы для Владимира Ильича готов был ворочать, и силы бы хватило!

* * *

В Москве, как и в Петрограде, Владимир Ильич работал невероятно много. Кому, как не мне, отвечавшему за безопасность и охрану Ильича, было знать распорядок его дня! Рабочий день Ленина был организован до предела четко. Все заседания и совещания начинались точно в назначенный срок, без минуты запоздания. Докладчикам устанавливался жесткий регламент: 10—15 минут, не больше. Хочешь не хочешь — укладывайся. В прениях — и того меньше. Никаких лишних разговоров. Многословия Владимир Ильич не терпел. Все делалось продуманно, организовано, быстро.

Принимал Владимир Ильич ежедневно огромное количество людей: по вопросам партийным, государственным, хозяйственным, нередко и личным. Часто прием был коротким: с непостижимой быстротой вникал Ленин в суть каждого вопроса, тут же находил нужное решение, а уж когда оно было принято — сурово требовал безоговорочного выполнения. И проверял. Обязательно проверял.

Постоянно Ленин уделял внимание делам военным, глубоко вникая в решение всех основных стратегических вопросов, непосредственно участвуя в руководстве всеми фронтами и армиями. Не раз, будучи вызван по тому или иному вопросу к Ильичу, я заставал его над картой военных действий, разложенной на столе, или сосредоточенно передвигающим флажки на другой карте, висевшей на стене.

Ильич был очень доступен. К нему без особого труда мог попасть не только руководящий работник, но и любой рядовой посетитель, если в этом действительно была нужда. Особенно охотно и часто принимал Ленин рабочих с фабрик и заводов, многочисленных крестьянских ходоков со всей страны. Но это не значит, что всякий в любое время мог попасть к Ильичу. Он принимал только того, кого вызывал сам, кто нужен был по делу, либо тех, кто, прося о приеме, мог обосновать необходимость личной беседы с Лениным, причем время каждой беседы было строго регламентировано. Исключение составляли делегации рабочих и крестьян, которые Владимир Ильич принимал, как правило, сразу, с которыми беседовал особенно подолгу.

Сотрудники небольшого, но слаженного и умелого аппарата председателя Совнаркома предварительно разговаривали с каждым, кто стремился попасть к Ильичу, и докладывали Ленину результаты беседы, после чего он сам решал, будет ли лично принимать человека или его следует направить в то или иное учреждение, к тому или иному товарищу. В результате, несмотря на огромный поток посетителей, в приемной Ленина никогда не было толчки, никогда люди подолгу не ждали.

В просторном, но отнюдь не громадном кабинете Ленина было три двери. Одна, направо от письменного стола, выходила в коридор, связывавший кабинет и приемную председателя СНК с его квартирой. У этой двери стоял часовой. Никто, кроме самого Ильича, пользовавшегося обычно именно этой дверью, никогда через нее не ходил. Часовой возле этой двери имел строжайшую инструкцию: кроме Ленина, не пропускать ни одного человека, кто бы это ни был. Второй пост был установлен в конце коридора, возле квартиры Ильича. На эти посты я всегда ставил самых надежных людей, следил за этими постами особо тщательно, проверял их постоянно.

Вторая дверь, расположенная прямо напротив стола, вела в приемную, где работали Лидия Александровна Фо-

тиева и другие секретари Совнаркома. Входили в приемную через дверь, находившуюся в том же коридоре, что и первая дверь — в кабинет Ильича. Возле этой двери поста не было. Все посетители, будь то Народный комиссар или рядовой рабочий, член Центрального Комитета партии или крестьянский ходок из-под Тулы, командарм или ученый, — попадали к Ильичу только через эту дверь, через приемную, только по вызову и в строго определенное время. Это было правилом, установленным почти для всех. Не распространялось это правило только на Якова Михайловича Свердлова и Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Яков Михайлович и Феликс Эдмундович обычно пользовались третьей, маленькой, дверью, находившейся позади письменного стола, за спиной у Ильича. Дверь эта вела в небольшую комнату, смежную с кабинетом Ленина, именовавшуюся аппаратной.

В аппаратной помещался так называемый Верхний кремлевский коммутатор, имевший всего несколько десятков абонентов. Аппараты Верхнего коммутатора были установлены в кабинетах особо ответственных работников — наркомов, членов ЦК — и кое у кого на квартирах, а также в некоторых учреждениях: ВЧК, Реввоенсовете, комендатуре Кремля, гараже авто-боевого отряда, обслуживавшего Президиум ВЦИК. Вот, пожалуй, и все. Был в Кремле и другой коммутатор, именовавшийся Нижним, аппараты которого были установлены во всех кремлевских учреждениях и в большинстве квартир.

В аппаратной круглые сутки находились дежурные, и всякий, кто попытался бы проникнуть к Ильичу через аппаратную, никак не мог миновать дежурных, превосходно знавших свои обязанности.

К часовым, стоявшим на постах возле кабинета и квартиры, к дежурным в аппаратной Владимир Ильич всегда относился исключительно тепло и внимательно. Нередко

он с ними задушевно беседовал, а проходя мимо, обязательно приветливо здоровался. Так же относился Ильич и ко всем сотрудникам Совнаркома, и к часовым других постов, никогда не раздражаясь и не впадая в неоправданный гнев, если возникали какие-либо недоразумения. А они, бывало, возникали.

В 1918—1919 годах время от времени бывали перебои с подачей электроэнергии, и порою здания Кремля погружались в темноту. Только здания, так как улицы освещались тогда в Кремле не электричеством, а газовыми фонарями, которые специальный фонарщик каждый вечер зажигал, а по утрам гасил.

Однажды свет погас в тот момент, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной возвращались откуда-то домой. Дошли они до своей квартиры, а часовой их в темноте не узнал и в квартиру не пускает. Как они ни уговаривали — не пускает, и все. Хорошо, согласился позвонить начальнику караула.

Начальник караула доложил мне, и я поспешил к квартире Ильича, захватив с собой несколько толстых церковных свечей, которыми как-то «разжился» в одном из кремлевских монастырей.

Прибежал. Владимир Ильич стоит себе с Надеждой Константиновной возле часового, посмеивается. Начал было я часового ругать, Ильич вступился:

— Что вы, товарищ Мальков, что вы! Нет ничего страшного в том, что товарищ нас не узнал в такой темноте, а вот обеспечить всех часовых свечами на случай, если погаснет электричество, следует. Об этом подумайте.

Часовые хорошо знали Владимира Ильича в лицо, и он обычно входил и въезжал в Кремль, не предъявляя пропуска. Нередко поэтому Ильич, уезжая из Кремля, не захватывал с собой кремлевского пропуска. Как-то он уехал из Кремля, а за время его отсутствия караул сменился, и на пост к Спасским воротам, которые были тогда уже от-

крыты для транспорта, встал часовой, не знавший Ильича в лицо. Он и задержал Ленина. Шоферу разрешил ехать — у того пропуск был, а Ильичу говорит: не пропущу!

Еле уговорил его Ильич позвонить начальнику караула. Он вначале и этого не хотел делать; я, мол, на посту, не мое дело звонить по телефону. Тебе нужно, ты и звони. Иди в Троицкую будку и звони, (возле Спасских ворот будки не было, разовые пропуска выдавали о Троицкой будке, там же был и телефон.)

Только после долгих уговоров часовой уступил и вызвал начальника караула. Тот, конечно, сразу узнал Ильича и страшно разволновался. Ленина велел пропустить, а сам звонит мне и докладывает: так и так, скандал! Только я положил трубку, снова звонок. Ильич.

— Товарищ Мальков, прошу отметить часового, который сейчас стоит на посту возле Спасских ворот. Хороший товарищ. Прекрасно знает свои обязанности и превосходно несет службу.

* * *

Поражало меня всегда в Ильиче то, как он, будучи постоянно завален делами огромной государственной важности, не проходил мимо мелочей и даже к мелочам подходил неизменно с глубоко партийных, государственных позиций. Впрочем, некоторые из этих мелочей были на самом деле далеко не мелочами.

Вскоре после переезда правительства в Москву вызывает меня Владимир Ильич:

— Товарищ Мальков, надо бы на здании Судебных установлений водрузить красное знамя. Сами подумайте, Советское правительство — и без знамени. Нехорошо.

— Сделаем, — говорю, — Владимир Ильич, сейчас займусь.

Ушел от Ильича, а сам думаю: пообещать-то пообещал, а как его установишь, это самое знамя? Всего неделю

назад, когда принимал комендатуру, я весь Кремль облазил, все крыши осмотрел. Здание же Судебных установлений — особо тщательно. Там наверху большой железный купол. В него так просто знамя не воткнешь, надо гнездо в железе делать, а штука это не простая.

Однако раз Ильич сказал, делать надо.

На мое счастье, работал в Кремле с давних времен один слесарь, Беренс. Лет ему было за пятьдесят, роста он был небольшого, плотный, коренастый. Числился водопроводчиком, а смастерить мог что угодно. Настоящий русский умелец. Руки и голова были у него золотые. Вот этого Беренса я и вызвал.

— Велел, — говорю, — Владимир Ильич поднять над зданием Судебных установлений красное знамя. Надо в куполе гнездо делать. Сделаешь?

— Почему не сделать? — отвечает Беренс. — Дело вроде не хитрое.

Взял он инструмент и полез на крышу. Несколько дней там сидел, возился. И соорудил прочное, хорошее гнездо. Подняли мы над Кремлем, над зданием Советского правительства, красное знамя.

Прошло некоторое время, звонит Бонч-Бруевич:

— Павел Дмитриевич! Владимир Ильич велел вас спросить, нельзя ли часы на Спасской башне пустить (а они с самой революции стояли), да чтобы они опять, как прежде, заиграли, только уж не церковное, а наше — «Интернационал».

— Не знаю, Владимир Дмитриевич, выйдет ли, а попробовать попробуем.

Вызвал я опять Беренса, отправились мы с ним на Спасскую башню, и начал он в механизме копать. А механизм там солидный, части, колеса разные, маховики — все огромное, и на часы не похоже. Лазил Беренс, лазил, перемазался весь, а вид довольный.

— Ничего, — говорит, — сделаем.

С тех пор начал Беренс ежедневно взбираться на Спасскую башню и возиться с часами. Немало дней прошло, только вдруг, что это? Звон какой-то несется над Кремлем. Прислушался — «Интернационал»!

Пошли часы на Спасской башне, зазвучала музыка, наша, советская.

Не знаю, может, после 1920 года, когда я ушел из Кремля, ремонтировали Спасские часы разные люди, но в 1918 году впервые после революции пустил их и заставил вызванивать «Интернационал» не кто иной, как Беренс, простой русский мастер, кремлевский водопроводчик.

Забота Ленина об установке красного флага на здании Советского правительства и о пуске часов Спасской башни мелочью, пожалуй, и не назовешь. Но у Ильича доходили руки и до самых настоящих мелочей.

Осенью 1918 года завезли в Кремль дрова и сложили штабелями против Детской половины Большого дворца. Только завезли, звонит Ильич:

— Товарищ Мальков, по вашему распоряжению дрова в Кремль завезены?

По голосу чую недоброе, хоть и не пойму, в чем дело.

— Да, Владимир Ильич, по моему. Надо на зиму запастись.

— Чем запастись? Дровами? А вам что привезли? Вы смотрели?

— Смотрел, конечно. Дрова...

— Дрова! Да какие это дрова? Шпалы же вам привезли, самые настоящие железнодорожные шпалы. Нам транспорт восстанавливать надо, каждый рельс, каждая шпала должны быть на учете, а вы железнодорожные шпалы будете в печки совать? Нет, это же надо додуматься! Немедленно, слышите, немедленно отправьте шпалы обратно да разыщите головотяпов, которые вместо дров прислали шпалы. Мы их примерно накажем.

Пришлось, конечно, шпалы из Кремля вывезти и поддерживать Кремль в отношении топки на голодном пайке,

пока не удалось возобновить запас дров. Ну, а тем, кто прислал шпалы, досталось по первое число.

Или, скажем, счищают снег с крыши здания Совнаркома. Вдруг звонит Владимир Ильич: разве можно так сбрасывать снег? Его же кидают прямо на провода, пооборвут все, придется восстанавливать. Куда это годится? Надо лучше инструктировать рабочих, не допускать подобных безобразий.

Как-то летом 1918 года решили мы с Демьяном Бедным и Иваном Ивановичем Скворцовым (Степановым) поехать половить рыбу. А как ловили? Греха таить нечего — глушили гранатами, Рыбы набрали, конечно, порядочно. Приехали домой, я часть рыбы Владимиру Ильичу понес. Занес и еще ряду товарищей.

Надежда Константиновна никак рыбу брать не хотела, но я ее уговорил. Сказал, что рыба не куплена, сам, мол, наловил. А как ловил, ей невдомек.

Проходит день, другой. Сидит Демьян Бедный у себя дома, работает. Вдруг — телефон. Ильич звонит:

— Вы что еще там с Мальковым удумали, браконьеры вы эдакие! Да вас обоих в тюрьму за такие штуки посадить следует.

Демьян, как известно, за словом в карман не лез. Он попытался было все обратить в шутку:

— Верно, — говорит, — Владимир Ильич, не хорошо! Только ведь и вы вроде наш сообщник. Рыбку-то эту глушеную вы же тоже кушали! Вам первому ее Мальков отвез.

Ильич разгневался не на шутку:

— Ваш Мальков обманщик. Он не сказал, каким способом ловил рыбу. И его и вас предупреждаю — повторится такая история, буду требовать для вас обоих самого сурового наказания.

Приходит ко мне Демьян туча тучей.

— Видишь, что получилось?! А все Бонч!

Ведь это он рассказал Владимиру Ильичу, что Демьян с Мальковым разъезжают по Подмоскovie и почему зря глушат рыбу.

* * *

Почти ежедневно Владимир Ильич гулял по Кремлю, чаще всего по тротуару напротив Большого дворца, откуда открывалась широкая перспектива Москвы, или внизу, в Тайницком саду, где густо разрослась никем не ухоженная зелень. Иногда он гулял днем, иногда вечером, а то, бывало, и ночью. Гулял почти всегда один, думал. Страшно не любил, чтобы ему во время прогулок мешали.

Как-то во время ночной прогулки Владимир Ильич заметил, что в некоторых квартирах поздно горит свет. Утром вызывает меня.

— Возьмите бумагу, ночью проверьте и запишите, кто свет напрасно жжет. Электричество у них выключите, а список мне дадите, мы их взгреем, чтоб даром энергию не расходовали. Мы должны каждый килограмм топлива, каждый киловатт электроэнергии экономить, а они иллюминацию устраивают! Надо прекратить это безобразие.

Очень внимательно, с горячей заботой, относился Владимир Ильич к нуждам трудящихся, неустанно пекся о том, как бы в тех тяжелых условиях улучшить жизнь рабочих и крестьян. А уж об отношении Ильича к товарищам по партии и говорить нечего. Как-то, зайдя к Ильичу в кабинет, я услышал его разговор по телефону с продкомиссаром Московской губернии. Тоном, не терпящим возражений, сурово и властно Владимир Ильич приказывал продкомиссару обеспечить в тот же день московских рабочих хлебом.

— Имейте в виду, проверю. Лично проверю. Не выполняете — пойдете под суд. Так и знайте.

Зимой 1918 года докатилась до Москвы эпидемия тифа. На всех московских вокзалах начали срочно соору-

жать санпропускники. Вызывает меня как-то Ильич, да не к себе, а прямо к подъезду Совнаркома.

Я пошел.

Возле подъезда стоит машина, выходит Ильич.

— Поехали. На Николаевский вокзал. Посмотрим, как там санпропускник работает.

Стал было я его отговаривать: и народу там много, и заразиться можно. Куда там! Даже не слушает.

Доехали до вокзала. Владимир Ильич вышел из машины, я за ним.

Пошли искать санпропускник. А он, оказывается, хоть и сделан, но еще не открыт, какую-то формальность соблюсти не успели.

Услыхав, что по вокзалу ходит Ленин, прибежало на свою беду вокзальное начальство. Ну и дал же им Ильич жару! Такую баню устроил, лучше всякого санпропускника. Мигом пропускник открыли.

...Приезжает как-то из-за границы Фридрих Платтен, тот самый, который в марте 1917 года сопровождал Ленина из Швейцарии в Россию, а в январе 1918 года, в момент покушения на Ильича, заслонил его от пуль собственным телом.

Звонит мне ночью Владимир Ильич. Надо, говорит, устроить товарища Платтена с ночлегом.

Я отвечаю, что у меня сейчас нет ничего, поместить негде. Могу только взять к себе на квартиру, благо можно одну комнату освободить без особого ущерба.

— А это удобно, — спрашивает Владимир Ильич, — он вас не будет стеснять?

— Да ничего, как-нибудь устроимся.

Взял я Платтена к себе, а через полчаса стук в дверь. Владимир Ильич пришел. Интересуется, хорошо ли Платтену и не мешает ли он мне, не стеснил ли мою семью.

Если позволяло время, Владимир Ильич охотно ездил к своим товарищам, к старым членам партии. Играл в

шахматы, смеялся, шутил. Бывал он у П. Н. Лепешинского на Остоженке, несколько раз ездил к П. Г. Дауге в Архангельский переулок. Дауге, старого большевика, по профессии зубного врача, Владимир Ильич очень любил.

Однажды к Дауге ездил с Владимиром Ильичей и я. Приехали — дом большой, лифт не работает. Пришлось на пятый этаж пешком подниматься. Дауге тогда все убеждал Ильича, что пора начинать писать историю партии, очень, мол, нужно. Ильич соглашался.

А с какой любовью, с какой отеческой заботой относился Владимир Ильич к Максиму Горькому! Не раз мне доводилось заходить к Ильичу, когда у него сидел Горький, и я видел, как ласково, деликатно и одновременно настойчиво пытался Ленин помочь великому писателю разобраться в необычайно трудной и сложной обстановке тех лет.

Однажды вечером я сидел в комендатуре и работал, как вдруг звонит Яков Михайлович и спрашивает, не знаю ли я, где сейчас находится Владимир Ильич.

Я ничего толком не мог сказать.

— Не знаю, Яков Михайлович. А он не у себя дома? — высказал я первое пришедшее в голову предположение.

— Ну, если бы он был у себя дома, я бы это, наверное, выяснил и без вашей помощи. В том-то и дело, что дома его нет. Около трех часов тому назад он вызвал машину и уехал. Ни Бонч, ни Надежда Константиновна ничего не знают. Но вы — комендант Кремля, и если Ленин выехал из кремлевских ворот, то вы обязаны в ту же минуту знать об этом, обязаны знать, куда поехал Ленин, и, если это нужно, немедленно принять необходимые меры для его охраны.

— Но, Яков Михайлович...

— Никаких «но». Обзвоните всех, кто может знать, где Владимир Ильич, примите любые меры, но выясните, где он, не случилось ли с ним чего. Только действуйте спокойно, без шума.

Я положил трубку и на минуту задумался. Где искать Ильича, как искать? Ведь давалось указание посту у Спасских ворот, чтобы, если Ленин проедет, немедленно извещали. Ан нет, не известили!

Я позвонил секретарю Московского комитета партии, спросил, не заезжал ли случайно к ним Владимир Ильич. Нет, не заезжал. Позвонил на всякий случай секретарю Совнаркома Фотиевой. И она не знает. Тогда решил позвонить Анне Ильиничне Елизаровой, жившей напротив Кремля, на Манежной улице. Но и она сказала, что у нее Ильича нет.

— А вы позвоните-ка Горькому, — посоветовала Анна Ильинична. — Вероятно, Ильич у него.

Так оно и оказалось. Владимир Ильич поехал к Алексею Максимовичу, никого не предупредив, и у него засиделся.

Покушение

30 августа 1918 года Владимир Ильич был тяжело ранен. Случилось это в пятницу, в партийный день, когда, как и всегда по пятницам, по всей Москве проходили многолюдные митинги, на которых перед рабочими и красноармейцами выступали с докладами наркомы, члены Центрального Комитета партии, другие ответственные работники.

День 30 августа 1918 года начался скверно. Из Петрограда было получено мрачное известие — убит Моисей Соломонович Урицкий, кандидат в члены ЦК РКП(б), председатель Питерской ЧК. Всех, кто близко знал Урицкого, тяжело потрясла весть о его гибели. Феликс Эдмундович сразу же выехал в Петроград, чтобы лично руководить расследованием.

Владимир Ильич должен был выступать в этот день на заводе Михельсона. Близкие, узнав о гибели Урицкого, пытались удержать Ильича, отговорить его от поездки на митинг. Чтобы их успокоить, Владимир Ильич сказал за обедом, что, может, он и не поедет, а сам вызвал машину и уехал. Разве могло что-нибудь остановить Ленина, когда он знал, что его ждут рабочие?! А в это время среди тысячной толпы рабочих завода затаилась ничтожная кучка негодяев. После окончания митинга Ленин, сопровождаемый восторженными криками рабочих, вышел на улицу, направился к машине и... упал, пронзенный пулями бело-гвардейско-эсеровской террористки Каплан.

Я работал у себя в комендатуре, как вдруг тревожно, надрывно затрещал телефон. В трубке послышался глухой, прерывающийся голос Бонч-Бруевича:

— Скорее подушки. Немедленно. Пять-шесть обыкновенных подушек. Ранен Ильич... Тяжело...

Ранен Ильич?.. Нет! Это невозможно, этого не может быть!

— Владимир Дмитриевич, что же вы молчите? Скажите, рана не смертельна? Владимир Дмитриевич!..

Отшвырнув в сторону стул и чуть не сбив с ног вставшего навстречу дежурного, я вихрем вылетел из комендатуры и кинулся в Большой дворец. Там, в гардеробной Николая II, лежали самые лучшие подушки. Ворвавшись во дворец, ни слова не отвечая на расспросы перепугавшихся служителей, я вышиб ногой запертую на замок дверь гардеробной, схватил в охапку несколько подушек и помчался на квартиру Ильича.

В коридоре около квартиры растерянно толпился народ: сотрудники Совнаркома, кое-кто из наркомов. Обхватив руками голову, упершись лбом в оконное стекло, в позе безысходного отчаяния застыл Анатолий Васильевич Луначарский...

Всегда плотно прикрытая дверь в квартиру Ильича стояла раскрытой настежь. Возле двери, загораживая собою вход, держа винтовку наперевес, замер с каменно неподвижным лицом часовой. Увидев меня, он посторонился, и я передал находившемуся в прихожей Бонч-Бруевичу принесенные мною подушки. Потянулись томительные, долгие минуты. Я стоял словно прикованный, не в силах сдвинуться с места, уйти от этой двери. Взад и вперед проходили, пробегали люди, а я все стоял и стоял...

Вот в квартиру Ильича вбежала Вера Михайловна Бонч-Бруевич, жена Владимира Дмитриевича, чудесная большевичка и опытный врач. Ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, стремительно прошел необычно суровый Яков Михайлович Свердлов. В конце коридора показала, поддерживаемая под руку кем-то из наркомов, сразу постаревшая Надежда Константиновна. Она возвращалась с какого-то заседания и до приезда в Кремль ничего, ровно ничего не знала. Все расступились, храня скорбное молчание, и, прерывисто дыша, с трудом передвигая внезапно отяжелевшие ноги, Надежда Константиновна скрылась за дверью.

Наконец появился профессор Минц, еще кто-то из крупнейших специалистов... Наступил вечер, надвигались сумерки, надо было расходиться, а толком все еще никто ничего не знал, не мог сказать, что с Ильичем, насколько опасны раны, будет ли он жив.

Я вернулся в комендатуру, но работать не мог. Все валялось из рук. Мозг упорно сверлила одна неотступная мысль: как-то сейчас он, Ильич?

* * *

Ночь прошла без сна, да и думал ли кто-нибудь в Кремле в эту ночь о сне? Несколько раз за ночь я отправлялся к квартире Ильича. Все так же недвижно стоял перед дверью часовой. Царила глубокая, гнетущая тишина. Там, в

глубине квартиры, в комнате Ильича, шла упорная борьба со смертью, борьба за его жизнь. Там были Надежда Константиновна и Мария Ильинична, профессора и сестры. Как хотелось в эти минуты быть с ними, хоть чем-нибудь помочь, хоть как-то облегчить тяжкие страдания Ильича! Казалось, будь от этого хоть какая-нибудь самая малая польза, самое ничтожное облегчение, всю свою кровь до последней капли, всю жизнь до последнего дыхания я отдал бы тут же, с радостью, с восторгом. Да разве один я?

Но сделать я ничего не мог, даже в мыслях не решался переступить заветный порог и уныло бродил из конца в конец пустынного коридора мимо обезлюдившей в ночные часы приемной Совнаркома, мимо двери в кабинет Ильича. Из-под этой двери, за которой еще сегодня днем звучал такой знакомый, такой бодрый голос, в полутемный коридор пробивался слабый свет. Там, за столом Ленина, склонившись над бумагами, бодрствовал Яков Михайлович Свердлов. Жизнь продолжалась. Пульс революции дал глубочайший перебой, но ничто не могло остановить его мощного биения.

Уже в день покушения на Владимира Ильича, 30 августа 1918 года, было опубликовано знаменитое воззвание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Всем, всем, всем», подписанное Я. М. Свердловым, в котором объявлялся беспощадный массовый террор всем врагам революции.

Через день или два меня вызвал Варлам Александрович Аванесов: «Немедленно поезжай в ЧК и заberi Каплан. Поместишь ее здесь, в Кремле, под надежной охраной».

Я вызвал машину и поехал на Лубянку. Забрав Каплан, привез ее в Кремль и посадил в полуподвальную комнату под Детской половиной Большого дворца. Комната была просторная, высокая. Забранное решеткой окно находилось метрах в трех-четыреx от пола. Возле двери и против

окна я установил посты, строго наказав часовым не спускать глаз с заключенной. Часовых я отобрал лично, только коммунистов, и каждого сам лично проинструктировал. Мне и в голову не приходило, что латышские стрелки могут не усмотреть за Каплан, надо было опасаться другого: как бы кто из часовых не всадил в нее пулю из своего карабина.

Прошел еще день-два, вновь вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан — расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову.

— Когда? — коротко спросил я Аванесова.

У Варлама Александровича, всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул на лице ни один мускул.

— Сегодня. Немедленно.

— Есть!

Да, подумалось в тот момент, красный террор не пустые слова, не только угроза. Врагам революции пощады не будет!

Круто повернувшись, я вышел от Аванесова и отправился к себе в комендатуру. Вызвав несколько человек латышей-коммунистов, которых лично хорошо знал, я обстоятельно проинструктировал их, и мы отправились за Каплан.

По моему приказу часовой вывел Каплан из помещения, в котором она находилась, и мы приказали ей сесть в заранее подготовленную машину.

Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков, — собственноручно. И если бы история повторилась, если бы вновь перед дулом моего пистолета оказалась тварь, поднявшая руку на Ильича, моя рука не дрогнула бы, спуская курок, как не дрогнула она тогда...

На следующий день, 4 сентября 1918 года, в газете «Известия» было опубликовано краткое сообщение:

«Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

Заговор Локкарта

Было около часа ночи. Я сидел у себя в кабинете, в комендатуре Кремля, и старался вникнуть в накопившиеся за эти дни бумаги. Сосредоточиться, однако, никак не удавалось, и не потому, что шла вторая кряду бессонная ночь — это было не в диковинку, — но слишком сильно было потрясение от последних событий. Мысли невольно возвращались все к одному... Внезапно раздался резкий, пронзительный телефонный звонок. Я настолько глубоко задумался, что даже вздрогнул от неожиданности, поспешно хватая трубку.

— Мальков? — послышался глуховатый, неторопливый голос заместителя председателя ВЧК Петерса. — Приезжай сейчас в ЧК, ко мне. Есть срочное дело.

Положив трубку, я пристегнул к ремню свой неизменный кольт, вызвал машину и, предупредив дежурного по комендатуре, что еду в ЧК, к Петерсу, вышел на улицу. Было еще по-летнему тепло. Высоко в небе мерцали звезды, из-за Кремлевской стены доносился чуть слышный шелест листвы деревьев в Александровском саду. Под сводами Троицких ворот привычно светилась лампочка возле поста проверки пропусков, неярко горели уличные фонари. Свет виднелся и во многих окнах Потешного дворца, Кавалерского корпуса и других зданий, выходящих на Дворцовую улицу. Там, по-видимому, не спали. Над Кремлем нависла какая-то необычная, напряженная, тревожная тишина. Шла ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года...

Немногим более суток прошло с тех пор, как шофер Ленина — Гиль привез с завода Михельсона раненого Ильича. На нашу молодую, истекающую кровью Республику обрушился самый страшный, самый тяжелый удар...

Между тем положение в августовские дни 1918 года и без того было крайне тяжелым. Крым, Дон, Украина, северо-западные губернии России, Прибалтика были захвачены немецкими оккупантами. В Архангельске и Мурманске хозяйничали английские, французские и американские интервенты. Десятками и сотнями хватали коммунистов, рабочих, бросали их в тюрьмы, ставили к стенке. По Уралу и Сибири мутной волной катились белогвардейские восстания и белочешский мятеж. В руках белогвардейцев и контрреволюционных чехословацких частей оказались Уфа, Екатеринбург, Самара, Казань, Симбирск, Оренбург. Ожесточенная борьба развернулась и в нашем глубоком тылу, по всей территории Советской России. То тут, то там вспыхивали белогвардейско-эсеровские мятежи, горели продовольственные склады, взрывались железнодорожные мосты. От вражеских пуль пали в Петрограде Володарский и Урицкий. Под Балашовом был пущен под откос поезд Подвойского, и Николай Ильич уцелел чудом. Шпионаж, диверсия, вредительство, террор — все наиболее гнусные, отвратительные средства пустила в ход контрреволюция, стремясь задушить первое в мире государство рабочих и крестьян.

В борьбе против Советской власти русские белогвардейцы, меньшевики и эсеры объединились с немецкими, английскими, американскими, французскими, японскими империалистами. Самые подлые заговоры зарождались в тиши дипломатических кабинетов, вынашивались за стенами иностранных миссий. Сотрудники представительств бывших союзных держав России — Англии, Франции, США, — прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, нагло вмешивались в наши внутренние дела, тратили миллионы на подкуп советских граждан в контрре-

волюционных целях, на организацию диверсий, шпионажа, террора.

Чтобы пресечь преступную деятельность белогвардейских, эсеровских и иных заговорщиков, надо было ответить ударом на удар, обезглавить и уничтожить заговорщические центры. Накануне злодейского покушения на Ленина, 24—26 августа 1918 года, в Москве была раскрыта крупная белогвардейская контрреволюционная организация и арестовано свыше ста заговорщиков. Был ликвидирован и ряд других организаций, помельче. Следствие показало, что нити почти всех заговоров тянутся в британскую, американскую и французскую миссии. В руки ВЧК поступил за последние дни и новый материал, полностью изобличавший некоторых из находившихся в Москве иностранных дипломатов в организации контрреволюционного заговора с целью свержения Советской власти.

Кое-что об этом заговоре я слышал уже до звонка Петерса, но ни подробностей, заговора, ни как он был раскрыт не знал. Все это мне стало известно несколько позже. Не знал я, когда ехал по вызову Петерса в ЧК в ночь с 31 августа на 1 сентября, также и о том, что принято решение о ликвидации заговора и об аресте его главарей.

* * *

Подъехав к зданию ВЧК, я велел шоферу ждать, а сам быстро взбежал наверх, в кабинет Петерса. Навстречу мне из-за стола поднялся высокий, худощавый латыш с широким скуластым лицом. Говорил Петерс всегда не спеша, медленно, как бы с трудом подбирая каждое слово, с сильным латышским акцентом. Движения у него были тоже медлительные, скупые, зато спокойные и уверенные. И сейчас Петерс был нетороплив и немногословен.

— Поедешь брать Локкарта, — сказал он, — вот ордер. Ты ведь его знаешь, тебе и карты в руки. В помощь возьми одного чекиста и милиционера. Хватит?

Я ответил, что хватит.

— Учти, — продолжал Петере, — действовать надо решительно, но... культурно. Как-никак фактический глава британской миссии в России. Так что постарайся быть с ним повежливей, поделikatней. Однако обыск проводи как следует, а если попытается оказать сопротивление, ну, тогда...

— Да нет, — отвечаю, — Локкарта я знаю. Он сопротивляться не будет.

С минуту подумав, Петерс заметил:

— Сопротивляться Локкарт, пожалуй, действительно не будет. Не его это стиль, да и трусоват он к тому же. Корчит из себя этакого святошу, самую грязную часть работы перекладывает на своих помощников, чтобы у самого руки оставались чистыми. Однако предусмотреть надо все. Сам понимаешь.

Я, конечно, понимал Локкарт — не простой белогвардеец, эсер или бандит. Дипломат!

Взяв ордер, я вышел из кабинета Петерса. В приемной уже ожидал выделенный мне в помощь сотрудник оперативного отдела, крепкий, подтянутый чекист лет тридцати пяти — сорока, в штатском. Все в нем — чистый, опрятный, хоть и поношенный костюм, немного сдвинутая на затылок кепка, въевшаяся в кожу рук черная металлическая пыль, мозоли, чувствовавшиеся на его ладонях при крепком рукопожатии, — выдавало коренного рабочего, скорее всего токаря или слесаря, недавно оставившего станок.

Чтобы не терять времени попусту, я решил проинструктировать его в машине по дороге к Локкарту, и, обменявшись несколькими незначительными фразами, мы спустились вниз, вышли на улицу и сели в поджидавшую машину. Шофер, выбравшись из машины, достал из-под сиденья заводную рукоятку, повозившись с полминуты, приладил ее, несколько раз крутанул (стартеров тогда еще не было и в помине), и мотор заработал. Мы тронулись.

Локкарт жил в Хлебном переулке, в районе Поварской. Туда мы и направились. Миновав просторную Лубянскую площадь, машина помчалась вниз, пересекла Театральную площадь, Никитскую и свернула на Воздвиженку. Моховая, Воздвиженка, как и другие центральные улицы, уж не говоря об окраинах, еле освещались тусклыми фонарями, горевшими на большом отдалении друг от друга. Целые кварталы тонули в сплошном мраке. Желтые, дрожащие снопы света, бросаемые фарами нашей машины, вырывали из темноты то стены домов, то заколоченные витрины давно бездействовавших магазинов. Прохожих почти не попадалось.

Пока мы ехали через центр и по Воздвиженке, я успел вкратце посвятить своего спутника в существо предстоящей операции. Она не казалась мне сложной, поскольку с Локкартом я не раз ранее встречался, он знал меня, и я был уверен, что ни особого шума он не поднимет, ни скандала устраивать не будет. Вообще это был скорее интриган, способный исподтишка строить любые козни, наускивать других, но вряд ли пожелавший бы даже в случае крайней нужды рисковать собственной шкурой.

Впервые я встретился с Локкартом еще в Питере, в Смольном, в конце февраля 1918 года, как раз в те дни, когда немецкий генеральный штаб, нарушив перемирие с Советской Россией, двинул на нас свои войска. Ленин, Свердлов и некоторые другие члены ЦК потребовали принятия германских условий и немедленного заключения мира. Троцкий упорно возражал, выдвинув хитроумный лозунг, грозивший гибелью Советской Республике: войны не ведем, мира не подписываем. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным оголтело требовали «революционной войны», кричали о недопустимости «переговоров с империалистами», ведя, по существу, дело к срыву заключения мира с Германией. Вот тут-то и появился в Смольном глава британской миссии в Советской России господин Локкарт.

Локкарт приехал в Россию в конце января 1918 года в качестве агента Британского правительства и фактического руководителя британской миссии взамен уехавшего незадолго до этого в Англию посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена. Английские дипломаты, как и дипломаты США и Франции, стремились всеми силами и средствами воспрепятствовать выходу Советской России из войны, помешать заключению Брестского мира. Они были не прочь сыграть на внутрипартийных разногласиях и использовать в своих интересах противников Брестского мира, среди которых одним из наиболее ярых был Троцкий. Сам Локкарт в своих мемуарах впоследствии писал:

«Лондон неоднократно рекомендовал мне заняться исследованием вопроса о резких противоречиях между Лениным и Троцким, на которые наше правительство возлагало большие надежды».

* * *

Очевидно, с целью «расследования» и «использования» той политики, которую Троцкий и его сторонники пытались противопоставить Ленину, Локкарт накануне того, как ЦК должен был принять окончательное решение о Брестском мире, и явился в Смольный для личных переговоров с Троцким, занимавшим тогда пост Народного комиссара по иностранным делам.

Числа 23—24 февраля ко мне в комендантский отдел в Смольном часовые привели задержанного у входа высокого, худощавого иностранца, одетого в хорошо сшитую военную форму цвета хаки. Его внешнее спокойствие, военная выправка, сухое, энергичное лицо под густой шапкой темно-русых, зачесанных назад волос говорили, что человек это бывалый, хотя на вид ему и нельзя было дать более тридцати — тридцати пяти лет. По-русски он говорил совершенно свободно, без всякого акцента.

На мои вопросы, кто он такой, зачем сюда явился и откуда достал пропуск в Смольный, задержанный ответил, что он агент британского правительства, зовут его Локкарт, а явился он к «мистеру Троцкому», с которым предварительно сговорился по телефону и который «любезно предоставил» ему пропуск.

Я тут же позвонил «мистеру Троцкому», а тот, резко указав мне, что я не имел права задерживать «иностранного дипломата», велел немедленно провести Локкарта к нему. (Троцкий вообще говорил почти со всеми оскорбительно, свысока, по-барски. Впрочем, с Локкартом он был весьма любезен.) Сам я, конечно, Локкарта к Троцкому не повел, поручив это часовому, и Локкарт довольно вежливо, хотя и слегка иронически распрощился со мной и отправился к Троцкому. Так состоялось наше первое знакомство с мистером Локкартом.

Естественно, что этой мимолетной встречи было недостаточно, чтобы получить какое-то, кроме чисто внешнего, представление о Локкарте, однако в дальнейшем мне пришлось еще несколько раз пропускать его в Смольный к Троцкому, а затем и познакомиться с ним поближе. Произошло это в марте 1918 года при следующих обстоятельствах.

После отъезда Советского правительства в Москву я, как уже было сказано, по указанию Ильича задержался на несколько дней в Петрограде. Наконец все дела были закончены, можно было двигаться, а тут как раз ехал а Москву Троцкий. В поезде Наркоминдела мне и предоставили место. Ехал я просто пассажиром, к охране поезда никакого отношения не имел и кто, кроме Троцкого, едет в этом поезде, не знал.

В назначенное время я приехал на вокзал и забрался в свое купе. Поздним вечером, когда поезд уже тронулся, вышел я в коридор, вдруг вижу — Локкарт! Собственной

персоной. Стоит себе, улыбается и этак рукой меня приветствует. Да не один. С ним еще какой-то долговязый, худой, с узким лицом и пепельно-серыми волосами, бесцветный англичанин — как я узнал потом, помощник Локкарта — Гике — и тощая злобная секретарша.

Оказывается, Троцкий распорядился предоставить Локкарту и его ближайшим сотрудникам два купе в поезде Наркоминдела, и англичане разместились как раз по соседству со мной.

Вот тут-то у нас и состоялось более близкое знакомство с Локкартом. Хотя во время путешествия, длившегося около суток, Локкарт несколько раз по приглашению Троцкого бегал к нему в вагон и иногда подолгу там засиживался, он находил время и для того, чтобы (без всякого, конечно, приглашения) приходить ко мне в купе и приставать с бесконечными разговорами, расспросами, рассказами.

Говорун он был отменный. Занятно рассказывал о своих путешествиях, делился воспоминаниями о различных эпизодах из своей прошлой жизни в Москве, где, как оказалось, он работал в качестве английского консула еще до войны, чуть ли не с 1912 года, и откуда уехал уже после Февральской революции. Таким образом, в России Локкарт был далеко не впервые.

Рассказывая о себе, Локкарт заодно пытался осторожно расспрашивать и меня о моей службе во флоте (я не расставался с матросской формой), о работе в Смольном. Слушать-то его я слушал, а сам все больше помалкивал или отделивался односложными ответами. Так мы и беседовали.

В результате я попал в число «знакомых» Локкарта, а заодно составил себе о нем некоторое представление. Теперь, когда мне предстояло арестовать Локкарта, это знакомство могло пригодиться.

Захватив в районной милиции одного милиционера, мы свернули к Хлебному переулку и, немного не доезжая до дома № 19, где жил Локкарт, остановились. Было уже около двух часов ночи.

Без труда отыскав нужный подъезд, мы, освещая себе дорогу зажигалками — на лестнице стояла крошечная тьма, света, конечно, не было, — поднялись на пятый этаж, где находилась квартира Локкарта. Поставив на всякий случай своих помощников несколько в стороне, так, чтобы, когда дверь откроется, их из квартиры не было видно, я энергично постучал в дверь. Прошло минуты две-три, пока, после повторного стука, за дверью не послышались чьи-то шаркающие шаги. Загремел ключ, брякнула цепочка, и дверь слегка приоткрылась. В прихожей горел свет, и в образовавшуюся щель я увидел фигуру знакомой мне по путешествию из Петрограда в Москву секретарши Локкарта.

Попробовал потянуть дверь на себя, не тут-то было. Секретарша предусмотрительно не сняла цепочки, и дверь не поддавалась. Тогда я встал таким образом, чтобы свет из прихожей падал на меня, и, дав секретарше возможность рассмотреть меня со всех сторон, как мог любезнее поздоровался с ней и сказал, что мне необходимо немедленно видеть господина Локкарта. Секретарша не повела и бровью. Сделав вид, что не узнает меня, она ломаным русским языком начала расспрашивать, кто я такой и что мне нужно.

Вставив ногу в образовавшуюся щель, чтобы дверь нельзя было захлопнуть, я категорически заявил, что мне нужен сам господин Локкарт, которому я и объясню цель столь позднего визита. Секретарша, однако, не сдавалась и не выказывала ни малейшего намерения открыть дверь. Неизвестно, чем бы кончилась уже начавшая раздражать

меня словесная перепалка, если бы в прихожей не появился Гике, помощник Локкарта.

Увидев меня через щель, он изобразил на своей бесцветной физиономии подобие улыбки и скинул цепочку.

— Мистер Мальков? — так англичане меня называли. — Чем могу быть полезен?

Я немедленно оттеснил Гикса и вместе со своими спутниками вошел в прихожую. Не вдаваясь в объяснения с Гиксом, я потребовал, чтобы он провел меня к Локкарту.

— Но, позвольте, мистер Локкарт почивает. Я должен предупредить его...

— Я сам предупрежу, — заявил я таким решительным тоном, что Гике, поняв, как видно, в чем дело, отступил в сторону и молча указал на дверь, ведущую в спальню Локкарта. Все четверо — мои помощники, я и Гикс — вошли в спальню. Мы оказались в небольшой узкой комнате, обстановка которой состояла из двух удобных мягких кресел, карельской березы платяного шкафа, того же, что и шкаф, дерева туалетного столика, уставленного изящными безделушками, и широкой оттоманки, покрытой свисавшим до пола большим красивым ковром. Пушистый расписной ковер лежал и на полу. Кровати в комнате не было. Локкарт спал на оттоманке, причем спал настолько крепко, что не проснулся, даже когда Гике зажег свет. Я вынужден был слегка тронуть его за плечо. Он открыл глаза.

— О-о! Мистер Мальков?!

— Господин Локкарт, по постановлению ВЧК вы арестованы. Прошу вас одеться. Вам придется следовать со мной. Вот ордер.

Надо сказать, что ни особого недоумения, ни какого-либо протеста Локкарт не выразил. На ордер он только мельком глянул, даже не удосужившись как следует прочесть его. Как видно, арест не явился для него неожиданностью.

Чтобы не стеснять Локкарта, пока он будет одеваться, и не терять даром времени, я сообщил ему, что вынужден произвести обыск в его квартире, и, бегом осмотрев спальню, вышел вместе со своими помощниками и Гиксом в соседнюю комнату, смежную со спальней, — кабинет Локкарта.

Между прочим, Локкарт в своих мемуарах, о правдивости которых можно судить хотя бы по тому, как он описывает сцену своего ареста, изображает дело так:

«...В половине четвертого раздался грубый голос, приказывавший мне встать. Первое, что увидели мои глаза, было стальное дуло револьвера. В моей комнате стояло около десяти вооруженных людей. Предводителя их я знал, это был прежний комендант Смольного Мальков. На мой вопрос, что все это означает, он ответил отрывисто и сухо:

— Оставьте ваши вопросы и одевайтесь! Вы будете отвезены на Лубянку, № 11... Пока я одевался, чекисты перерыли всю нашу квартиру в поисках уличающих нас бумаг».

Бывает, что у некоторых от страха двоится в глазах, у Локкарта, очевидно, троилось, если три человека превратились в десять, да еще вооруженных, хотя ни у кого из нас, кроме милиционера, никакого оружия Локкарт видеть никак не мог, да и милиционер не вынимал, конечно, своего нагана из кобуры, у меня же кольт висел под матроской, у чекиста пистолет лежал в заднем кармане брюк. Как я уже сказал, предоставив Локкарту возможность спокойно одеться, мы перешли из спальни в кабинет. Кабинет Локкарта был немного побольше спальни. Там стояли письменный стол красного дерева, такой же книжный шкаф, небольшая кушетка, несколько стульев и кресел. Мебель была стильная, дорогая. Пол, как и в спальне, был покрыт пушистым ковром.

Обыск кабинета я взял на себя, а мои помощники обыскивали остальные комнаты квартиры Локкарта.

В ящиках стола оказалось множество писем, различных бумаг, пистолет и патроны. Кроме того, там была весьма значительная сумма русских царских и советских денег в крупных купюрах, не считая «керенок». Ни в шкафу, ни где-либо в ином месте я больше ничего не нашел. Ничего не обнаружилось и в других комнатах, хотя мы тщательно все осмотрели, прощупали сиденья и спинки мягких кресел, кушеток и Диванов, простукали стены и полы во всех комбатах. Искали внимательно, но, как и предупреждал Петерс, деликатно: не вскрыли ни одного матраца, ничего из мягкой мебели. Пока я обыскивал кабинет, Локкарт успел одеться. Я предложил ему присутствовать при обыске и предъявил переписку, деньги и оружие, которое забирал с собой для передачи Петерсу.

По окончании обыска мы все: Локкарт, мои помощники и я — вышли на улицу и сели в поджидавшую нас машину. Было уже около пяти часов утра, рассвело, на востоке, за видневшимися с Воздвиженки стенами Кремля, разгоралась заря, вот-вот должно было взойти солнце...

* * *

Сдав арестованного дежурному по ВЧК, я поспешил в Кремль. Зайдя на несколько минут к себе в комендатуру и узнав, что никаких происшествий за время моего отсутствия не произошло, я пошел в Совнарком, надеясь встретить Николая Александровича Семашко, наркома здравоохранения, Бонч-Бруевича, а то и Якова Михайловича и от них узнать, как чувствует себя Ильич.

Быстро поднявшись на третий этаж здания Совнаркома, я прошел сначала в приемную — там никого не было, затем, по пустому коридору, к квартире Ильича. Завидев меня, постовой возле входа в квартиру поднялся и шепотом доложил, что на его посту все в порядке. Я его расспросил, как прошла ночь, как себя чувствует Ильич, — уж он-то должен был хоть что-нибудь знать. Часовой ска-

зал мне, что вроде ничего тревожного за ночь не было. Спит, говорят, Ильич спокойнее, чем вчера, врачи, судя по выражению их лиц, вроде немного повеселели.

Побеседовав с часовым, я спустился вниз, на улицу, и пошел проверять посты. Поднялся возле Спасской башни на Кремлевскую стену и обошел по стене весь Кремль, проверив каждого из стоявших на стене часовых, затем обошел посты внутри Кремля. Все было в порядке.

Тем временем Кремль уже проснулся, начался день, кончилась еще одна бессонная ночь. Зайдя домой — жил я напротив комендатуры, возле Троицких ворот — и наскоро перекусив, я вернулся в комендатуру, решил самые неотложные вопросы и снова приехал в ВЧК к Петерсу. Было около десяти часов утра.

Дежурный по приемной сказал, что Петерс только часа два назад лег спать, однако просил в 10 часов его разбудить. Я вошел в кабинет. Петерс крепко спал на простом кожаном диване, стоявшем тут же, в кабинете. Мне пришлось чуть не стащить его за ногу на пол, чтобы добудиться. Это и понятно, ведь за трое суток заместитель председателя ВЧК впервые прилег отдохнуть, и то всего на два часа. Трудно ему было в эти дни. Феликс Эдмундович еще не вернулся из Петрограда, куда он уехал 30 августа, сразу по получении известия об убийстве Урицкого, и где, как мы знали, он лично руководил операцией по ликвидации крупного заговора, организованного помощниками Локкарта в Петрограде. Как раз в прошедшую ночь там, в Петрограде, чекисты окружили здание британского посольства и накрыли многочисленное конспиративное собрание заговорщиков.

Контрреволюционеры пытались оказать вооруженное сопротивление, и в перестрелке было убито и тяжело ранено несколько человек. Сопротивление было сломлено, и заговорщиков арестовали. Среди них оказались ряд белогвардейцев, в том числе офицер царской армии князь Ша-

ховской, и несколько сотрудников английского и американского посольств.

Я едва успел сообщить Петерсу подробности ареста Локкарта и выслушать его рассказ о событиях в Петрограде, как вошел дежурный и доложил, что «оттуда» привезли неизвестную женщину, задержанную засадой.

Я с недоумением посмотрел на Петерса. Он перехватил мой взгляд.

— Я велел на всякий случай возле квартиры Локкарта организовать засаду, — пояснил Петерс, — вот, по-видимому, кто-то и попался. Сейчас выясним. Пусть введут задержанную, — приказал он дежурному.

Дежурный впустил в кабинет двух молодых женщин и вышел, плотно прикрыв за собой двери. Одна из вошедших, чуть выше среднего роста, лет тридцати — тридцати двух, была очень хороша собой. Ее красивое лицо обрамляли густые каштановые волосы, с изящной небрежностью выбивавшиеся из-под модной шляпки. Одета она была в скромное, но очень элегантно, с большим вкусом сшитое платье, ловко облежавшее ее стройную фигуру. Через левую руку было перекинута легкое летнее пальто, а в правой она держала жестяной бидон, совсем не шедший ко всему ее облику. Держалась она спокойно, уверенно.

Вторая, строгая, подтянутая девушка, в хорошо пригнанном полувоенном костюме, держала в руке толстый пакет. Она шагнула вперед, протянула Петерсу пакет и спокойно, четко доложила, что около часа назад возле квартиры № 24 в доме № 19 по Хлебному переулку засада задержала неизвестную гражданку, пытавшуюся пройти в указанную квартиру (кивком она указала на женщину с бидоном). При ней был обнаружен запечатанный пакет без адреса или каких-либо надписей. Пакет изъят.

— Вот он, — показала она на переданный Петерсу пакет.

Петерс молча выслушал молодую разведчицу, не спеша поднялся из-за стола, пожал ей руку, поблагодарил за

бдительность и отпустил, а задержанной кивнул на стул, стоявший против стола. Затем, так же молча, вскрыл пакет, просмотрел содержащиеся в нем бумаги и протянул мне. Это были данные о дислокации частей Красной Армии и оперативные сводки с фронтов.

Во время всей этой немой сцены лицо Петерса оставалось хмурым и бесстрастным, словно было высечено из камня. Спокойно держалась и сидевшая напротив нас молодая женщина, и только легкий румянец, выступивший на ее лице, когда Петере начал читать содержимое пакета, да предательское дрожание нижней губы, которую она чуть прикусила, выдавали ее волнение (Я сидел рядом с Петерсом, возле края стола, прямо напротив задержанной).

— Имя, фамилия? — спокойно спросил Петерс.

— Мария Фриде.

— К кому вы шли в ту квартиру, возле которой вас задержали? Зачем?

— Понимаете, это просто недоразумение. Я никого в этой квартире не знаю...

— Не знаете? А откуда у вас этот пакет, — Петерс чуть приподнял лежавшей перед ним конверт, — тоже не знаете?

— Нет, почему же, это я знаю. Мне вручил его какой-то незнакомый человек, но что в нем находится, мне совершенно неизвестно.

— Неизвестно?.. — Петерс все не повышал голоса, и тем суровее, жестче звучали его вопросы.

— Да, да. Прошу мне верить. Я вышла утром поискать молока. Видите? — Слегка нагнувшись, она показала на бидон, который поставила на пол возле своих ног, когда садилась к столу. — Иду по Хлебному переулку, вдруг подходит ко мне какой-то человек и говорит, что ему нужно передать этот пакет в двадцать четвертую квартиру того дома, с которым я как раз поравнялась, а он очень спешит, так не смогу ли я оказать ему одолжение и занести

пакет. Просил он очень убедительно, производил впечатление вполне порядочного, интеллигентного человека, ну я и согласилась. Вот и все.

Она замолчала. Молчал, глядя на нее в упор, и Петерс. Прошла минута, две... Не выдержав, Мария Фриде начала вновь повторять с мельчайшими подробностями, как таинственный незнакомец вручил ей пакет, описывала его внешность, костюм.

— Врете, — внезапно, но все так же невозмутимо, по-прежнему не повышая голоса, перебил ее Петере.

Мария Фриде, словно споткнувшись с разбегу, прервала на полуслове:

— Что?

— Все. Все врете, — отрезал Петерс. — Откуда у вас пакет? Кому его несли?

— Но богом клянусь...

— Не клянитесь, в бога мы не верим. Родственники есть? Семья?

— Есть два брата.

— В Москве, работают в каком-то комиссариате, не знаю в каком.

— Так не намерены рассказывать правду? Надеетесь, что мы поверим нелепому вымыслу, будто вы сами не знали, куда, к кому и с чем шли?

— Я говорю все, как было.

Петерс вызвал дежурного:

— Уведите задержанную. Поместите в камеру, в одиночке. Пусть на досуге подумает...

В тот же день были арестованы оба брата Марии Фриде, оказавшиеся махровыми белогвардейцами. Один — подполковник, другой — капитан царской армии. Братья в качестве военных специалистов пробрались на работу в Комиссариат по военным делам, похищали там секретные оперативные документы и через сестру передавали их Локкарту и его помощникам. Игра Марии Фриде была проиграна.

После того как Фриде увели, Петерс сказал мне, что Локкарта он решил выпустить. Я даже опешил от неожиданности. Однако Петерс успокоил меня. Он сказал, что сейчас, побывав под арестом, Локкарт не опасен, так как вынужден будет на время свернуть активную контрреволюционную деятельность, да и большинство его помощников и агентов арестовано. Находясь же на свободе, Локкарт может, сам того не подозревая, принести кое-какую пользу. За ним будет организовано тщательное наблюдение, и, глядишь, кто-нибудь из его сообщников, еще не известный чекистам, попытается с ним связаться и будет выявлен. Имеются и некоторые дипломатические соображения, говорящие в пользу освобождения Локкарта. Деваться же он никуда не денется и в случае необходимости в любой момент вновь окажется за решеткой. По словам Петерса, он уже советовался с Яковом Михайловичем и с Чичериным, и получил соответствующие указания.

* * *

Рассказал, мне Петерс и некоторые подробности заговора Локкарта. Обстоятельнее я все узнал несколько позже от Аванесова. Довольно подробно писали о заговоре в первых числах сентября и наши газеты. Само собой разумеется, в газетах приводились не все подробности, не указывалось, как на самом деле был арестован Локкарт, тем более что для широкой публики, среди которой могли оказаться его сообщники, нужно было дать логичное объяснение его освобождению менее чем через сутки после ареста. Поэтому в газетных сообщениях указали, что Локкарта задержали будто бы случайно на конспиративной квартире и по установлении личности выпустили.

Заговор Локкарта был одним из самых крупных контрреволюционных заговоров в первые годы существования Советской власти и, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров необычайно наглого, беззастенчивого вмеша-

тельства иностранных держав в наши внутренние дела. В самом деле, ведь надо только подумать: официальный представитель иностранного государства в нашей стране, глава иностранной миссии, вопреки всем законам, нормам и правилам взаимоотношений между государствами, вопреки элементарным требованиям совести, чести и морали, пользуясь правами дипломатической неприкосновенности, готовит свержение того самого правительства, с которым поддерживает официальные отношения, и убийство его руководителей. Он подкупает граждан той страны, которая гостеприимно приняла его в качестве дипломатического представителя, и швыряет им миллионы, требуя, чтобы они свергли свое правительство и уничтожили признанных вождей советского народа. Что может быть циничнее и гнуснее? Причем ставится еще и цель — страну, вышедшую из войны и заключившую мир, вновь втянуть в бойню, вновь погнать ее народ на поля сражений. Такова в основных чертах была суть заговора Локкарта, раскрытого и обезвреженного благодаря мужеству советских людей, их беспредельной преданности делу революции.

Локкарт развернул подрывную работу сразу же после своего приезда из Англии в Советскую Россию. Уже весной, а особенно летом 1918 года он установил тесные связи с целым рядом контрреволюционных организаций, которым постоянно оказывал значительную финансовую поддержку. У него регулярно бывали представители белогвардейских генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, поднявших восстание на юге России. Он был связан с белогвардейско-эсеровской организацией террориста Савинкова. Локкарт выдал представителям Керенского подложные документы, снабдив их штампами и печатями британской миссии, при помощи которых Керенский пробрался в Архангельск и был с почетом вывезен оттуда в Англию. Но всего этого Локкарту и его помощникам

из британской миссии было мало. В конце Лета 1918 года они попытались сами организовать государственный переворот, свергнуть власть Советов и установить в России военную диктатуру.

Локкарт и его помощник Сидней Рейли, уроженец Одессы, а затем лейтенант английской разведки, намеревались осуществить свои дьявольские замыслы следующим образом. Они решили подкупить воинские части, несшие охрану Кремля и правительства, с тем чтобы при их помощи на одном из пленарных заседаний ВЦИК, в десятых числах сентября 1918 года, арестовать Советское правительство и захватить власть. Будучи заранее уверены в успехе, агенты Локкарта установили даже связь с тогдашним главой русской православной церкви патриархом Тихоном, который дал согласие сразу же после переворота организовать во всех московских церквях торжественные богослужения «в ознаменование избавления России от ига большевиков» и во здравие заговорщиков.

Сразу после переворота заговорщики намеревались, используя ими самими сфабрикованные фальшивые документы, расторгнуть Брестский мир и принудить Россию возобновить участие в мировой войне на стороне Англии, Франции и США.

Членов Советского правительства заговорщики собирались отправить после ареста в Архангельск, захваченный в начале августа 1918 года англичанами, там посадить на английский военный корабль и увезти в Англию. Так они намеревались поступить со всеми, кроме Ленина. Ленина же, поскольку, как они говорили, его воздействие на простых людей столь велико, что он и охрану в пути может сагитировать, решили уничтожить, то есть попросту убить при первой же возможности.

Для осуществления намеченных планов агент Локкарта англичанин Шмедхен в начале августа 1918 года попытался завязать знакомство с командиром артиллерийско-

го дивизиона Латышской стрелковой дивизии Берзиным и прощупать его настроение, чтобы определить возможность использования Берзина в качестве исполнителя планов заговорщиков.

Таковы были намерения Локкарта, и такое задание дал он Шмидхену.

* * *

При первых же разговорах с представителем Локкарта Берзин насторожился, хотя и не подал виду, но сразу же после встречи доложил обо всем комиссару Латышской стрелковой дивизии Петерсону, а тот сообщил в ВЧК Петерсу. Было решено проверить, чего добивается Локкарт, и Петерсон возложил это дело на Берзина, поручив ему при встрече с представителем Локкарта прикинуться человеком, несколько разочаровавшимся в большевиках. Берзин так и сделал, тогда Шмидхен с места в карьер повел его к своему шефу — Локкарту, встретившему командира советского артиллерийского дивизиона с распростертыми объятиями.

Эта встреча произошла 14 августа 1918 года на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт предложил Берзину 5—6 миллионов рублей: для него лично и на подкуп латышских стрелков. Дальнейшую связь Локкарт предложил Берзину поддерживать с лейтенантом Рейли, он же «Рейс» или «Константин», как быстро выяснила ВЧК.

Берзин, отказавшийся вначале от денег, держал себя настолько ловко и умно, что полностью провел Локкарта, выведав его планы. Комиссар дивизии Петерсон представил Я. М. Свердлову после ликвидации заговора Локкарта подробный доклад, в котором, в частности, о встрече Берзина с Локкартом писал, что опытный дипломат «культурнейшей страны» Локкарт на этом экзамене позорно срезался, а товарищ Берзин, впервые в жизни соприкоснувшийся с дипломатией а с дипломатами, «выдержал экзамен на пятерку».

17 августа Берзин встретился уже с Рейли, вручившим ему 700 тысяч рублей. Эти деньги Берзин тут же передал Петерсону, а Петерсон отнес их непосредственно Ленину, доложив ему всю историю в малейших подробностях. Владимир Ильич посоветовал Петерсону передать деньги пока что в ВЧК — там, мол, разберемся, как с ними поступить, — что тот и сделал.

Через несколько дней Рейли передал Берзину 200 тысяч, а затем еще 300 тысяч рублей, все на подкуп латышских стрелков и в вознаграждение самому Берзину. Таким образом, в течение двух недель англичане вручили Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Вся эта сумма надежно хранилась теперь в сейфах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

В конце августа Рейли поручил Берзину выехать в Петроград и встретиться там с питерскими белогвардейцами, также участвующими в заговоре. 29 августа Берзин, получив соответствующие указания от Петерсона и ВЧК, был уже в Петрограде. Там он повидался с рядом заговорщиков, явки к которым получил от Рейли, и помог раскрыть крупную белогвардейскую организацию, работавшую под руководством англичан, которая после отъезда Берзина в Москву была ликвидирована.

Всецело доверяя Берзину и рассчитывая осуществить переворот при его помощи, Локкарт и Рейли сообщили ему свой план ареста Советского правительства на заседании ВЦИК. Осуществление ареста, как заявил Рейли, возлагается на руководимых Берзиным латышских стрелков, которые будут нести охрану заседания. Одновременно Рейли поручил Берзину подобрать надежных людей из охраны Кремля и обязать их впустить в Кремль вооруженные группы заговорщиков в тот момент, когда будет арестовано правительство на заседании ВЦИК. Рейли сообщил также Берзину, что Ленина необходимо будет «убрать» раньше, еще до заседания ВЦИК.

Берзин тотчас же доложил Петерсону об опасности, грозившей Ильичу, и просил немедленно предупредить Ленина. Не теряя ни минуты, Петерсон отправился к Владимиру Ильичу и подробнейшим образом его обо всем информировал.

Так благодаря мужеству, находчивости и доблести Берзина, проникшего в самое логово заговорщиков, планы и намерения Локкарта, Рейли и их сообщников были раскрыты и заговор был ликвидирован, Англичане намеревались сыграть на национальных чувствах латышей, думали, что латыши с неприязнью относятся к русскому народу. Матерым английским разведчикам было невдомек, что латышские трудящиеся связаны многолетней дружбой с рабочими России, что в рядах латышских стрелков преобладали стойкие, закаленные пролетарии Латвии, среди них было много большевиков, и латышские стрелки были беззаветно преданы пролетарской революции.

Комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон, представив Я. М. Свердлову доклад о том, как был раскрыт заговор Локкарта, поставил вопрос: что делать с принадлежащими английскому правительству 1 миллионом 200 тысячами рублей, выданными Локкартом и Рейли Берзину «для латышских стрелков», которые по указанию Владимира Ильича до поры до времени находились в ВЧК (Владимир Ильич в это время еще не оправился от болезни, вызванной ранением). Что ж, ответил Яков Михайлович, раз деньги предназначались латышским стрелкам, пусть их и получают латышские стрелки. Надо использовать деньги так:

1. Создать фонд единовременных пособий семьям латышских стрелков, павших во время революции, и инвалидам — латышским стрелкам, получившим увечья в боях против контрреволюционеров всех мастей и в первую голову против английских и других иностранных интервентов. Отчислить в этот фонд из суммы, полученной от анг-

лийского правительства через господина Локкарта, 1 миллион рублей.

2. Передать 100 тысяч рублей из той же суммы Исполнительному Комитету латышских стрелков с условием, что эти деньги будут израсходованы на издание агитационной литературы для латышских стрелков.

3. Отпустить 100 тысяч рублей артиллерийскому дивизиону латышских стрелков, которым командует товарищ Берзин, на создание клуба и на культурно-просветительные надобности.

Так распорядился Яков Михайлович израсходовать деньги, «поступившие» от английского правительства через мистера Локкарта.

* * *

Сам Локкарт, просидев в ЧК менее суток, был, как я уже говорил, выпущен. Однако на свободе он оставался недолго. Уже 4 сентября Локкарта арестовали вновь. На этот раз я в его аресте не участвовал и подробностей не знаю, не интересовался.

Передав 1 сентября арестованного Локкарта дежурному по ВЧК, я, признаться, не думал, что мне придется еще иметь с ним дело, однако не прошло и полутора недель, как я вновь встретился с Локкартом, причем на этот раз наша встреча затянулась на довольно длительное время.

Числа 9—10 сентября мне опять позвонил Петерс, днем.

— Послушай, Мальков, придется тебе забрать Локкарта.

— Как забрать? — спросил я с недоумением. — Да ведь он уже с неделю как сидит, чего же его забирать?

— Сидеть-то он сидит, — ответил Петерс, — и все же тебе придется его забрать. К себе.

Я понял. Значит, решено содержать Локкарта в Кремле.

Само собой разумеется, никакого тюремного помещения в Кремле не было и в помине, каждый раз приходилось что-либо придумывать. Локкарта я решил поместить в так называемых фрейлинских комнатах Большого Кремлевского дворца. Фрейлинские комнаты, как и почти весь дворец, тогда пустовали. Расположены они были в одном из крыльев дворца, несколько на отшибе, и организовать их охрану было сравнительно легко.

Локкарту я отвел три небольшие комнаты: спальня, столовая, кабинет. Была там и ванная комната. Одним словом, целая квартира.

Уборку квартиры и наблюдение за порядком в ней я решил поручить старику швейцару, убиравшему мою квартиру.

В честности и неподкупности старика швейцара я не сомневался ни минуты. Он никогда не согласился бы передать от Локкарта кому-нибудь тайком записку, ни за что не взялся бы за какое-либо сомнительное поручение. Его нельзя было ни уговорить, ни подкупить, слишком высоко было развито у него сознание долга и чувство дисциплины.

Для охраны Локкарта я подобрал несколько латышских стрелков-коммунистов и тщательно их проинструктировал. Каждого из них я предупредил, что глаз с Локкарта не спускать и следить за ним всюду. Прогулки ему разрешать, когда он захочет и сколько захочет, но водить гулять только вниз, в Тайницкий сад, да и там не отходить далеко от Тайницкой башни. Ни на шаг от него во время прогулок не отходить, ни с кем не разрешать разговаривать и никуда, кроме сада, из отведенного ему помещения не выпускать.

Когда все было готово, я поехал в ВЧК, забрал Локкарта, привез его во дворец, в предназначенную ему квартиру, и выставил охрану.

Через несколько дней меня вызвал Феликс Эдмундович и спросил, как я устроил Локкарта. Я ему подробно доложил, и Дзержинский со всем согласился.

Пока Локкарт находился в Кремле, я почти каждый день заходил к нему: справлялся, есть ли жалобы, претензии. В подробные разговоры с ним не вступал. Локкарт постоянно ныл и брюзжал. То ему не нравилось питание (а обед ему носили из той самой столовой, где и наркомы питались. Ну да обеды-то были действительно неважные, только лучших в Кремле тогда не было), то он просил свидания со своей сожительницей, некоей Мурой, коренной москвичкой, то с кем-либо из иностранных дипломатов. На такие просьбы я ему отвечал, что это дело не мое, пусть обращается к Дзержинскому или Петерсу.

Прошло что-то около месяца, надоел мне Локкарт изрядно, и я искренне обрадовался, получив распоряжение доставить его обратно в ВЧК. Советское правительство обменяло Локкарта из нашего представителя в Англии Литвинова, задержанного там после того, как появилось сообщение о раскрытии заговора Локкарта. Максима Максимовича Литвинова англичане доставили в Советскую Россию, а мы передали им их Локкарта.

Охрана Ленина

...Десятки и сотни тысяч рабочих, миллионы тружеников села каждый день нетерпеливо ожидали газет, с трепетом вчитывались в скупые строки ежедневно публиковавшихся медицинских бюллетеней о здоровье Владимира Ильича Ленина. Эти бюллетени зачитывались до дыр, их читали вслух в цехах и мастерских заводов и фабрик, прямо на улицах и на вокзалах, в поле и в деревенских избах. Огромная страна жила единой мыслью, миллионы сердец бились единым порывом: Ильич! Родной! Поправ-

ляйся скорее. Выздоровливай! И день ото дня бюллетени делались радостнее, бодрее. Дело шло на поправку, Ильич справлялся с последствиями тяжелого ранения.

У Троицких ворот с утра выстраивались очереди. Десятки, сотни людей хотели пройти в Кремль, передать Ильичу привет, короткую записку, небольшое письмецо. Десятками и сотнями несли букеты цветов, и каждый хотел вручить сам, передать лично. Дежурные в Троицкой будке сбились с ног, потеряли голос, с утра до ночи разъясняли сотням и тысячам людей, что Ильич еще не вполне здоров, что к нему врачи никого пока не пускают, что лично ему передать ничего нельзя...

Пускать к Ильичу всех мы, конечно, не могли, но и не принимать цветы было невозможно. Я распорядился цветы брать у всех и к каждому букету прикладывать записку с указанием, от кого он. Затем букеты с записками переправлялись к Ильичу.

Прошла первая неделя сентября, и мне наконец разрешили самому отнести свой букет на квартиру Ильича. Когда я зашел в столовую, она вся, снизу доверху, была завалена цветами. Цветы лежали на столе, на стульях, на подоконнике, прямо на полу, везде.

Еще несколько дней, и Ильич начал вставать с постели. 16 сентября он впервые после болезни участвовал на заседании ЦК РКП(б) и в тот же вечер председательствовал на заседании Совнаркома. Ильич вернулся к работе!

«Нам сообщают, — писала «Правда», — что здоровье тов. Ленина настолько улучшилось, что вчера, 16 сентября, Владимир Ильич впервые принял участие в очередном заседании ЦК РКП(б).

Члены Центрального Комитета, для которых появление Ильича было неожиданным приятным сюрпризом, горячо приветствовали своего вождя и учителя, возвращающегося к любимой работе после вынужденного перерыва».

Но Ильич поторопился. Через несколько дней ему стало хуже. Необходим был основательный отдых. В эти дни меня вызвал Яков Михайлович. Я застал у него председателя Московского губисполкома. Яков Михайлович поручил нам вдвоем найти за городом приличный дом, куда можно было бы временно поселить Ильича, чтобы он мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть.

— Имейте в виду, — напутствовал нас Яков Михайлович, — никто об этом поручении не должен знать. Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоем и в курсе дела держите меня.

Задача стояла перед нами не из легких. Правда, под Москвой было немало заброшенных особняков, роскошных дач, просторных дворцов, но мы знали, что во дворец Ильич не поедет. Надо было найти удобный, по возможности хорошо сохранившийся, но не слишком роскошный дом.

Объездив пригороды и дачные места и осмотрев ряд особняков, мы остановились на имении бывшего московского градоначальника Рейнбота в Горках. Дом там был в полном порядке, хотя и несколько запущен. Поблизости от дома стоял небольшой флигелек.

Результаты поисков доложили Якову Михайловичу. Он одобрил наш выбор и велел подготовить Горки к приезду Ильича. Снова подчеркнул, что все нужно сохранять в строгой тайне, чтобы никто лишний не знал о будущем местопребывании Ильича.

Отправились мы с председателем губисполкома в Горки, просидели там несколько дней и все, как сумели, привели в порядок: вытащили из дома весь хлам и мусор, вычистили и вымыли полы, стены, окна, выколотили мебель. Когда все было готово, вернулись в Москву.

Я отправил в Горки постельное белье и посуду, заодно забросил и бочку нефти для топки — по ночам становилось уже прохладно, да и готовить на чем-то было надо.

Дзержинский выделил для охраны Горок десять чекистов, подчинив их мне. Я отвез их на место и поселил во флигеле, где ранее жил управляющий, а на следующий день перевез в Горки Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Было это числа 24—25 сентября 1918 года.

* * *

Как только привез я Владимира Ильича в Горки, он первым делом обошел весь дом, все осмотрел. В одной из комнат Владимир Ильич обратил внимание на запертую дверь.

— А там что? — спросил он.

Я объяснил, что эта дверь ведет на балкон.

— Почему же она заперта? — поинтересовался Владимир Ильич. — Ключей нет?

— Да нет, Владимир Ильич, — сказал я. — Ключи есть. Просто дверь разбухла, не отворяется. Надо столяра позвать.

Для убедительности я подергал за ручку двери.

— Ну-ка, ну-ка, — загорелся Владимир Ильич, — позвольте-ка я попробую.

У Владимира Ильича раненая рука еще висела на перевязи, но он уперся ногой в косяк, здоровой рукой дернул за ручку, дернул еще раз, и дверь распахнулась.

— Ну вот видите, — обрадовался Владимир Ильич. — И никакого столяра не надо. Незачем людей беспокоить.

Все три недели, что прожил Ильич в Горках, я ежедневно, а то раза по два, по три в сутки, ездил туда: проверял охрану, заодно возил Владимиру Ильичу почту, газеты.

Однажды второпях я забыл захватить газеты и явился к Ильичу с пустыми руками. Ильич ужасно рассердился:

— Не привезли газет, забыли? Да вы понимаете, что значит оставить меня без газет?! Если еще раз такое случится — пеняйте на себя.

Каждый раз, прежде чем ехать в Горки, я заходил к Якову Михайловичу. Он обычно поручал мне передать Ильичу что-либо устно или писал ему коротенькие записки, которые я и отвозил. Иногда пересылал те или иные документы, материалы. Как-то в начале октября я уехал, не доложившись Якову Михайловичу, а ему как раз нужно было что-то срочно сообщить Ильичу, и пришлось отправлять специального человека. Посыльный приехал, когда я был еще в Горках, и Ильич, укоризненно взглянув на меня, показал мне записку Якова Михайловича, начинавшуюся словами: «К сожалению, Мальков уехал, не поставив меня в известность...»

Ну, подумал я, будет же мне на орехи, когда вернусь, и не ошибся!

Неоднократно Яков Михайлович и сам ездил в Горки. Однажды я сопровождал его, обычно же он ездил один, без меня. Задерживался он в Горках по часу, по полтора, не больше, оберегая покои Ильича. Один раз я возил к Ильичу Сталина, вернувшегося из-под Царицына.

Ездили без меня Дзержинский, Бонч-Бруевич. Бывали еще кто, не знаю, если и бывал, то мало кто — редко и ненадолго. Меня многие спрашивали, где Ильич, куда уехал? Я не говорил. Отмалчивался.

После отъезда Владимира Ильича в Горки начали ремонт его кремлевской квартиры. К середине октября Владимир Ильич стал чувствовать себя много лучше и все чаще начал интересоваться, как идет ремонт и скоро ли он сможет вернуться в Москву. Я говорил об этом Якову Михайловичу, а он отвечал:

— Тяните, тяните с ремонтом. Иначе не удержать Владимира Ильича за городом, все бросит, не долечившись как следует. Пусть подольше побудет на воздухе, пусть отдыхает, пока врачи не дадут согласия на его возвращение.

Однако не так просто было удержать Ильича за городом. Ленин рвался в Москву, к работе. Недели через три

после переезда в Горки Владимир Ильич встретил меня при очередном моем посещении с какой-то особенной, подчеркнутой любезностью.

— Ну как, товарищ Мальков, ремонт в моей квартире скоро закончится?

— Да знаете, Владимир Ильич, туго дело идет. То материалов нет, то того, то другого... Сами понимаете.

— Так, так!.. — понимающе усмехнулся Ильич. — Значит, говорите, материалов нет? Того да другого? Так, так.

Он вдруг посуровел.

— Дипломат вы, товарищ Мальков, никудышный! Ремонт в Кремле уже два дня как закончен, я это выяснил. (Оказалось, проговорился Бонч-Бруевич, приезжавший передо мной.) Завтра же я возвращаюсь в Москву и приступаю к работе. Да, да. Завтра. Передай те, между прочим, об этом Якову Михайловичу. Я ведь знаю, кто вас инструктирует. Так запомните — завтра!

И, круто повернувшись ко мне спиной, Владимир Ильич ушел в свою комнату.

На следующий день он вернулся в Москву.

* * *

Теперь, когда Владимир Ильич полностью возобновил работу, стал опять постоянно выезжать из Кремля, выступать на бесчисленных митингах и собраниях, бывать на московских заводах, фабриках, в воинских частях, вопрос об его охране был поставлен со всей серьезностью. Ильичу предложили не покидать Кремль без охраны. Ответственность за организацию охраны возложили на меня.

Дело это оказалось необычайно трудным, и в первую очередь потому, что сам Владимир Ильич считал охрану не обязательной.

В результате не раз случалось, что Владимир Ильич уезжал из Кремля всего лишь вдвоем с шофером, без необходимого сопровождения. Я не раз жаловался и членам Оргбюро ЦК, и Феликсу Эдмундовичу, все со мной согла-

шались, поддерживали меня, но переубедить Владимира Ильича было невозможно.

Тогда, было это весной 1919 года, я написал докладную записку в Оргбюро ЦК и попросил рассмотреть этот вопрос. Записку передал Елене Дмитриевне Стасовой.

Уже через день или два Елена Дмитриевна вызвала меня и говорит: «Оргбюро обязало вас организовать дело так, чтобы Владимир Ильич без охраны из Кремля не выезжал».

Ну, думаю, меня-то обязали, это правильно, хорошо, а вот как Владимир Ильич, его-то как обязать?

Так и выходило, Я принимаю все меры, чтобы Ильич не уехал из Кремля без охраны, а он уезжает и меня же ругает, если я его спрошу насчет охраны: чего, мол, с пустяками пристаєте?

Охраняли Владимира Ильича после его возвращения из Горок те же чекисты, что были с ним в Горках. Чтобы организовать охрану надлежащим образом, я велел устроить специальную сигнализацию. От поста, расположенного у входа в квартиру Ильича, был проведен звонок: в общежитие, где жили сотрудники охраны. Они посменно несли дежурство, и часть из них постоянно находилась в готовности. Как только Ильич намеревался покинуть здание Совнаркома, часовой у дверей его квартиры нажимал кнопку, и дежурные сотрудники охраны выходили к совнаркомовскому подъезду, там ожидали Ильича и следовали за ним, если он покидал Кремль. В их распоряжении была машина, на которой они и должны были сопровождать Ильича.

В загородные поездки должен был ездить с Ильичей я сам. Еще по указанию Якова Михайловича мне была предоставлена для этого быстроходная машина. Только пользовался я ею редко. Уж если мне удавалось укараулить Ильича и не отпустить его одного, то он никогда не разрешал гонять отдельную машину и заставлял садиться в автомобиль вместе с ним.

По воскресеньям Владимир Ильич нередко ездил с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной за город. Загородные прогулки он очень любил, особенно любил район Барвихи, по Можайскому шоссе. Причем и там гулял обычно одни, зачастую покидая своих спутников.

Очень любил Владимир Ильич охоту. Он считал, что нигде так хорошо не отдохнешь, как в лесу, бродя с ружьем. Прогулка — вот что было для него главным. Он не стремился настрелять как можно больше дичи. Нередко возвращаясь с охоты с пустыми руками, Владимир Ильич был весел и доволен.

— Воздух, воздух какой чудесный! — говаривал он. — Побудешь пару часов в лесу, надышишься на целую неделю!

Владимир Ильич рассказывал, что пристрастился к охоте еще в ссылке, в Шушенском. Он приводил различные случаи, приключившиеся с ним в Сибири, весело подшучивал над своими неудачами, тепло отзывался о жителях Шушенского — первоклассных стрелках.

— Белку в глаз дробинкой бьют, — восхищался Владимир Ильич. — А как знают повадки зверя!

Когда в Подмоскovie начинался охотничий сезон, Владимир Ильич старался выкроить час-другой и, захватив ружье, уезжал за город.

Как-то однажды, ранней весной, Владимир Ильич, взяв с собой Владимира Александровича Обуха, работавшего тогда заведующим Мосздравотделом, поехал на охоту на вальдшнепов в район Архангельского.

Погода стояла чудесная — светлая, солнечная. Но до вечерней зорьки оставалось еще время, и мы вволю побродили по лесу.

Владимир Ильич был хорошим ходоком, он мог без усталости отшагать десяток-другой километров.

— Мы же на охоту приехали, а не на прогулку, — ворчал вконец уставший Обух, Он был страстным охотником и очень переживал каждую неудачу.

А Владимир Ильич не унывал.

— Чудесно, чудесно! — повторял он, любясь лесом. — Так бы и ходил с утра до вечера.

Но Владимир Александрович уже не мог успокоиться.

— Ходим, ходим, только ноги зря бьем. Так и выстрелить не придется.

— Вижу, ходок вы неважный, — улыбнулся Владимир Ильич. — Посмотрим, какой из вас стрелок. Товарищ Мальков, не найдется у вас старенькой газеты?

— Есть, Владимир Ильич, — сказал я, доставая из кармана газету. — Такая подойдет?

— Подойдет, — согласился Владимир Ильич. — Прикрепите ее, пожалуйста, к дереву.

Мы к этому времени вышли на опушку соснового бора. Я укрепил на дереве щепочками развернутый газетный лист.

Владимир Ильич отмерил пятьдесят шагов и, весело смеясь, предложил Владимиру Александровичу:

— Ну-ка, дорогой товарищ Обух, покажите свое умение. Может быть, вас и на охоту-то не стоило брать?

Владимир Александрович встал на рубеж, зарядил ружье.

— Давненько я в шашки не играл, — пошутил он и, тщательно прицелившись, выстрелил.

Все поспешили к мишени. Первым около нее оказался Владимир Ильич.

— Недурно, недурно, — проговорил он, — стрелок вы, оказывается, неплохой.

— М-да, — огорченно хмыкнул Владимир Александрович, разглядывая отверстия от нескольких дробинок, попавших в газетный лист. — Что-то я сегодня не в ударе...

Теперь была очередь стрелять Владимиру Ильичу. Вскинув ружье, он быстро выстрелил. Весь заряд точно и кучно попал в газету. Владимир Александрович только руками развел:

— Отлично, Владимир Ильич. Вы отменный стрелок. С вами тягаться трудно.

* * *

Весной 1919 года, уже после того, как Елена Дмитриевна сообщила мне решение Оргбюро ЦК, несколько воскресений подряд Владимир Ильич уезжал за город без охраны, пользуясь тем, что дежурные сотрудники не успевали выйти вовремя. Тогда, решившись на крайнее средство, я отдал посту у Спасских ворот приказ не выпускать Ленина из Кремля, если он поедет без охраны.

Распорядился, а сам сижу в комендатуре и жду — что будет?

Часов около 10 утра подкатывает к комендатуре машина Ильича. В ней он сам, Надежда Константиновна, Мария Ильинична.

Я следил в окошко и, как увидал машину, сразу выскочил на улицу. Владимир Ильич уже открыл дверцу и шагнул на тротуар. Вид у него не то рассерженный, не то растерянный, не то даже слегка виноватый, сразу не разберешь. Напустился он на меня, во всяком случае, грозно:

— Будьте любезны, товарищ Мальков, объясните, что происходит? Часовой наотрез отказался выпустить меня из Кремля. Это что еще за фокусы?

— Нет, — говорю, — Владимир Ильич, это не фокусы, а решение Оргбюро Центрального Комитета партии — не выезжать вам из Кремля без охраны. Я поеду следом за вами, и вас сразу выпустят.

— Гм, гм! Решение? Что-то я этого решения не видел. Может, потому, что я не член Оргбюро? Так что же, в решении сказано, чтобы давать часовым приказ задержи-

вать председателя Совнаркома у кремлевских ворот? Это уж, батенька, не решение, а самоуправство.

— Позвольте...

— Не позволю! Именно самоуправство, И за это вы будете строго наказаны. Немедленно. Тут же. На месте. Извольте сесть в мою машину и отменить ваше нелепое распоряжение, а потом останетесь вместе со мной в машине, под арестом. А насчет решения Оргбюро... Насчет решения там посмотрим.

Тон сердитый, грозный, а в глазах — лукавая ильичевская усмешка.

— Зачем же я буду вас беспокоить? У меня машина наготове, — я показал рукой на стоявший невдалеке автомобиль, — вы поезжайте, а я — следом.

Владимир Ильич решительно открыл дверцу своей машины.

— Ну уж это совсем ерундистика. Будьте любезны, садитесь. Гонять вторую машину, жечь зря государственный бензин, заставлять напрасно работать шофера — ведь это же просто глупо. Нет, не глупо. Это преступно. Да, да, что вы на меня смотрите? Именно преступно. Транжирить народные деньги — преступление. Нам всем вполне хватит места в одной машине. Кроме того, не забывайте — вы под арестом! Поехали.

И все же, несмотря на все наши ухищрения, Владимир Ильич нет-нет, а уезжал из Кремля без охраны. Впрочем, однажды не помогла и охрана. Одна из поездок Ильича чуть не кончилась трагически. Случилось это в январе 1919 года.

Зима в тот год стояла морозная, вьюжная. Снег в Москве почти не убирали — некому было, и московские улицы утопали в сугробах. Расчищали только трамвайные пути, отбрасывая снег в сторону, и вдоль путей выросли высоченные снежные валы, а сами пути превратились в узкие траншеи. Но и в этих траншеях рельсы лежали в глубоких, будто каменных, колеях, пробитых колесами трам-

важных вагонов. Попадешь в такую колею и не скоро выберешься.

В конце 1918 года серьезно заболела Надежда Константиновна. Ей необходим был длительный отдых, полный покой, чистый воздух. Поскольку санаториев под Москвой тогда не было (да и какие могли быть санатории в 1918 году?), Надежда Константиновна поселилась в Сокольниках, в детской лесной школе. Ведь Сокольники были тогда чуть не дачным местом, воздух там был, во всяком случае, настоящий загородный, лесной, особенно зимой.

Владимир Ильич чуть не ежедневно навещал Надежду Константиновну, возил ей продукты, возил подарки ребятам. Ездил он чаще всего с Марией Ильиничной в сопровождении сотрудника охраны.

Как-то в один из январских вечеров зашел я в приемную Ильича. Смотрю — дверь в кабинет распахнута, Ильича нет, все в растерянности. Сотрудники секретариата СНК хватают то одну, то другую телефонную трубку, кричат, шумят, бьют тревогу. Оказывается, Владимир Ильич поехал с Марией Ильиничной в Сокольники, а по дороге на них напали бандиты. Из машины высадили, машину угнали. Пешком они добрались до Сокольнического районного Совета, находившегося, по счастью, вблизи от места происшествия, с трудом добыли там машину и в конце концов приехали в школу, где уже начала волноваться Надежда Константиновна.

Адрес лесной школы был мне прекрасно известен, раздумывать было нечего. Я мигом вызвал машину — и скорее в Сокольники. Приехав в школу, первым делом взял за бока сотрудника охраны Ильича, уныло сидевшего внизу, в прихожей.

— Что же ты, — говорю, — шляпа!..

— Понимаете, Павел Дмитриевич, молоко! Если бы не молоко...

— Молоко? Какое молоко?

Я никак не мог сообразить, о чем речь. Оказывается, когда они отправлялись из Кремля, Владимир Ильич вручил сотруднику охраны бидончик с молоком для Надежды Константиновны и просил держать его как можно осторожнее, предупредив, что крышка закрывается неплотно. Ну, он и держал этот бидон, руки были заняты. Да поначалу еще не сообразил, что произошло, потом уже было поздно.

Бандиты, как он рассказал, бросились наперерез машине. Пришлось остановиться. Все думали, что это просто проверка документов. Такие проверки устраивались в те тревожные времена постоянно. Ильич вышел из машины и предъявил свое удостоверение, а ему приставили револьвер к виску, удостоверение отобрали, даже не прочитав, высадили остальных пассажиров и шофера из машины, сели в машину и удрали. Хорошо еще, обошлось без стрельбы.

Пока мы разговаривали, по лестнице спустился Ильич. Поняв, как видно, о чем мы беседуем, он сказал, что винить товарища из охраны нечего, обстоятельства сложились так, что ничего поделать было нельзя.

— Вообще, когда стоит выбор: кошелек или жизнь и сила на стороне напавших разбойников, надо быть окончательным идиотом, чтобы выбрать кошелек! — заметил Ильич.

Узнав, что Ильич пробудет у Надежды Константиновны еще не менее часа, я решил отправиться на розыски машины, благо до места происшествия было недалеко. Машин в этом районе почти не бывает, следов мало, дай, думаю, поищу, авось что и выйдет.

След машины Ильича нашел без труда, вылез на подножку, лег на крыло и поехал по следу. Рукой шоферу знаки подаю: налево, направо. Однако след вскоре пропал: проехав версты полторы-две, бандиты направили машину в трамвайную колею. Пришлось возвращаться ни с чем.

Между тем вся ЧК, вся московская милиция были поставлены на ноги. По городу пустили патрули, снабдив их приметами угнанной машины.

Вскоре после нашего возвращения в Кремль, в начале ночи, мне сообщили, что машину Владимира Ильича заметили в районе храма Христа. Она мчалась на большой скорости. Попытались ее остановить, не вышло. Отстреливаясь, бандиты скрылись, Организована погоня. Задержали машину только возле Крымского моста, однако захватить преступников не удалось. Они бежали, перебравшись через Москву-реку по льду.

В ту же ночь по Москве была проведена массовая облава на бандитов, и среди арестованных оказались такие, которым история с угоном машины была известна. Одно-го они не знали: чья это машина, и удивлялось, почему ее ищут так упорно, с таким рвением.

Кто-то из задержанных сообщил, что история с машиной — дело рук Королькова, известного тогда в Москве уголовного рецидивиста. За поимку Королькова взялся Уткин, мужественный и инициативный чекист, бывший питерский рабочий. Ему-то и удалось вскоре выследить и захватить этого бандита.

Всех подробностей я не знаю, но, как мне рассказывали, Корольков оказал при аресте отчаянное сопротивление. Его взяли лишь после того, как он расстрелял всю обойму своего маузера, и то пришлось бросить гранату. При обыске у Королькова нашли записку, подтверждающую, что бандиты не знали, кто едет в машине, и не узнали Ильича.

Дзержинский

Бывая постоянно в Военно-революционном комитете с первых дней Октября, я чаще всего из членов Центрального Комитета партии встречал там Якова Михай-

ловича Свердлова и Феликса Эдмундовича Дзержинского. Затем, когда функции ВРК стали все более сводиться к борьбе с контрреволюцией, когда Яков Михайлович был избран председателем ВЦИК, и стал реже бывать в ВРК, я почти каждый раз заставлял в Военно-революционном комитете Дзержинского, в котором постепенно стал видеть фактического руководителя ВРК. Наконец, когда ВРК был упразднен и 20 (7) декабря 1917 года была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, во главе ее встал Феликс Эдмундович Дзержинский.

В те дни и годы, когда все приходилось создавать заново в ожесточенной борьбе с врагами трудящихся, все работали безумно много, по 16, 18, 20 часов в сутки, не зная сна, отказывая себе в отдыхе. Иначе было нельзя. Этого требовали интересы революции. И даже в тех условиях среди железных людей той эпохи выделялся Дзержинский. Казалось, Феликс Эдмундович вообще обходился без сна. Бывая у него в Петрограде на Гороховой, в Москве на Большой Лубянке, днем ли, глубокой ли ночью, я всегда заставлял Феликса Эдмундовича бодрствующим, всегда за работой.

Особенно часто мне доводилось бывать у Дзержинского в Москве, на Б. Лубянке, 11, где помещалась тогда Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Феликс Эдмундович работал в небольшом, скромно обставленном кабинете, где не было ничего лишнего, никаких украшений, никакого убранства. В этом же кабинете Феликс Эдмундович фактически и жил вплоть до конца 1918 года. Здесь, за невысокой ширмой, стояла узкая скромная койка, покрытая простым солдатским одеялом. Стены этой комнаты были свидетелями неустанного труда Дзержинского, они слышали признания в совершенных и затеваемых злодеяниях врагов революции, отступавших перед необычайной проницательностью и несокрушимым напором железно-

го Феликса, лично допрашивавшего десятки и сотни наиболее оголтелых контрреволюционеров. Здесь, в этих стенах, раскрывались самые мрачные заговоры, самые чудовищные преступления.

Только поздней осенью 1918 года Феликс Эдмундович впервые подумал о собственном быте, впервые, да и то изредка, стал ночевать не в своем кабинете, а дома, в Кремле. Случилось это так. По настоянию Владимира Ильича и Якова Михайловича Дзержинский в октябре 1918 года, измотанный нечеловеческим напряжением, уехал на несколько дней в Швейцарию, где находилась его семья — жена Софья Сигизмундовна и маленький сын Ясик.

Поехал Феликс Эдмундович, конечно, не под своей фамилией. Уезжая, он сбрил бороду и изменил свою внешность на случай неожиданных встреч с белогвардейской нечистью, бежавшей за границу, среди которой могли оказаться такие, что лично встречали Дзержинского. Увидав Феликса Эдмундовича на улице в канун отъезда без бороды, я в первый момент даже не узнал его: настолько бритый Дзержинский не был похож на того Дзержинского, каким все мы его знали.

Вскоре после возвращения Феликса Эдмундовича из Швейцарии приехала оттуда и его семья, и зажили Дзержинские в Кремле, в крохотной трехкомнатной квартире. Будучи по-спартански прост, на редкость скромен и нетребователен, Дзержинский отказывал себе во всем, никогда не думал о каких-либо жизненных удобствах или особых материальных благах. Такой же была и его семья. Зимой 1918/19 года свирепые вьюги не раз заматали Кремль, наваливая такие сугробы снега, что по Кремлю нельзя было ни пройти, ни проехать. Расчищать снег было некому, рабочих не хватало. Однажды, когда несколько суток неистовствовала отчаянная метель, Яков Михайлович, с трудом добравшись от своей квартиры до ВЦИК, вызвал меня.

— Ну, товарищ комендант, что будем делать?

— Прямо не знаю, Яков Михайлович. И так на ноги поставлено все, а не справляюсь...

— Все, говорите? А жителей Кремля полностью используете на уборке снега?

— Кого можно — использую: штат комендатуры, курсантов школы ВЦИК, швейцаров, рабочих — всех мобилизовал, кого же еще?

— Да, трудновато. Только, товарищ Мальков, вы про жен наших ответственных товарищей забыли, надо их тоже привлечь. Кое-кто из них не работает, вот и пусть снег чистят. В случае чего, сошлитесь на меня. Пусть уж я буду в ответе.

В Кремле тогда жило много ответственных работников. У большинства жены были старыми членами партии и, конечно, работали.

Но были и такие, которые нигде не работали. Их вполне можно было использовать на уборке снега, и я поспешил воспользоваться советом Якова Михайловича.

Не все, однако, приняли мое предложение с энтузиазмом. Кое-кто начал отказываться, а некоторые попытались попросту улизнуть. Тогда я составил список тех, кого считал возможным мобилизовать на расчистку снега, и дал команду на посты у Троицких и Спасских ворот не выпускать их из Кремля ни пешком, ни на машине.

Сразу же разыгралась настоящая буря: начались звонки — почему, по какому праву не выпускаете жен из Кремля? Кричит один, звонит другой, возмущаются, протестуют. Правда, стоило только ответить особо яростно наседавшему на меня мужу, что это распоряжение Свердлова, обращайтесь, мол, к нему, как тот моментально стихал и молча клал трубку. Одним словом, жены были мобилизованы, расчистка снега пошла ускоренным порядком.

Софья Сигизмундовна Дзержинская только что приехала в Москву и еще не начала работать, однако ее я в список

не включил. Ничего не подозревая, она спокойно ушла из Кремля, а вскоре раздался звонок Феликса Эдмундовича:

— Товарищ Мальков, я только сейчас узнал, что вы поставили жен ряда товарищей на уборку снега и тех, кто отказывается, не выпускаете из Кремля. Это верно?

— Верно, Феликс Эдмундович. Только Софью Сигизмундовну я выпустил...

— Вот, вот. По этому поводу я и звоню. Я не понимаю, почему, если все работают, моя жена должна быть освобождена от этой работы? Считаю ваше решение совершенно неправильным. Если бы Софья Сигизмундовна знала, она никогда не ушла бы из Кремля. Прошу вас впредь моей семье не предоставлять никаких привилегий.

Мелкий эпизод, а в нем весь Феликс Эдмундович со своей суровой требовательностью к себе, и своим близким.

* * *

Феликс Эдмундович был на редкость проницателен. Ничто, казалось, не могло укрыться от его пристального взгляда. Человека он видел насквозь, и редко, очень редко кому-либо удавалось его провести. Его проницательность сыграла огромную роль в деле комплектования кадров чекистов, что было отнюдь не легкой задачей. Кому-кому, а уж мне-то постоянно приходилось иметь дело с чекистами, и я каждый раз изумлялся, с каким великим мастерством подбирал Феликс Эдмундович работников для ВЧК, как неустанно он их воспитывал.

А как комплектовались кадры чекистов?

Рабочие-большевики, которых партия посылала на трудную и почетную работу в органы ВЧК, никакого опыта следственной работы не имели. Они весьма смутно представляли себе, что такое разведка и контрразведка, а враг был хитер, ловок, изворотлив. ВЧК на первых порах приходилось использовать кое-кого из старых юристов, от некоторых из них можно было ждать подлости и пре-

дательства. На работу в ВЧК всячески стремились пробраться враги рабочего класса, туда лезли всякие авантюристы, прикрываясь поддельными документами и вымышленными биографиями.

Умение Феликса Эдмундовича разобраться в людях, его превосходные душевные качества помогали в самый короткий срок сделать превосходных разведчиков и контрразведчиков из вчерашних токарей, слесарей, кузнецов.

Врагам революции редко удавалось пробраться в ВЧК.

Проницательность Феликса Эдмундовича способствовала раскрытию ряда самых запутанных дел, самых зловещих заговоров.

В один из весенних дней 1919 года в Троицкую будку явился изможденный человек в драной солдатской шинели и потребовал, чтобы его пропустили к секретарю ВЦИК Аванесову. Дежурный позвонил мне, я — Варламу Александровичу. Он велел пропустить. Я отдал дежурному распоряжение выдать пропуск, а сам пошел к Варламу Александровичу: дай, думаю, сам посмотрю, кто его так настойчиво добивается. В случае чего лучше быть самому на месте.

Через несколько минут неизвестный уже входил к Аванесову. Как раз в это время у Варлама Александровича сидел Феликс Эдмундович.

Едва войдя в кабинет Аванесова, неизвестный скинул шинель, распорол гимнастерку и вынул зашитый в шов кусок материи, испещренный мелкими буквами. Это было удостоверение, свидетельствовавшее, что податель его, Иван Петренко, является представителем подпольной большевистской организации, работающей в тылу деникинской армии на Украине.

Варлам Александрович и Феликс Эдмундович не раз принимали людей, снабженных подобными документами, и подлинность удостоверения Петренко не вызывала сомнения. Начался обстоятельный, задушевный разго-

вор. Петренко подробно, со знанием дела рассказывал о работе пославшей его организации, просил денег, оружия, помощи в установлении связи с другими организациями, действовавшими на захваченной белогвардейцами Украине. Все было так, как бывало не раз, когда являлись в Москву из вражеского тыла посланцы героического большевистского подполья.

Выслушав Петренко, Дзержинский и Аванесов пообещали решить в ближайшее время все поставленные им вопросы. Поскольку, как сказал Петренко, пристанища у него в Москве не было, Варлам Александрович написал записку, чтобы его поместили в 3-м Доме Советов, на Садовой, где тогда постоянно останавливались приезжавшие в Москву товарищи.

— Ну, какое впечатление? — спросил Феликс Эдмундович Аванесова, когда Петренко ушел.

— Знаешь, Феликс, что-то этот Петренко не нравится мне, хотя оснований к тому как будто и никаких нет.

— Есть, Варлам, есть основания. Тон у него нехороший; когда он о Советской власти говорит, нет-нет, а какие-то нотки недружелюбия прорываются. Да и глаза скверные: бегают. Надо к нему повнимательнее присмотреться.

Дзержинский дал указание организовать за Петренко тщательное наблюдение. Через несколько дней Феликсу Эдмундовичу доложили, что Петренко бросил в несколько почтовых ящиков свыше десятка писем. По распоряжению Феликса Эдмундовича их изъяли. На нескольких письмах значились московские адреса, другие были адресованы в Петроград. Петренко сообщал, что все идет удачно, что он проник в Кремль, добился свидания с секретарем ВЦИК и завоевал его доверие. Проверили тех, кому были адресованы письма, оказалось — бывшие офицеры. Теперь сомнений не было, Петренко арестовали. Вскоре выяснилось, что никакой он не Петренко, а белогвардей-

ский офицер, участник контрреволюционного заговора. Белогвардейская контрразведка захватила подпольщика Ивана Петренко, зверски расправилась с ним, а с его документами направила в Москву матерого врага, поручив ему пробраться в Кремль, а также узнать явки и адреса подпольных большевистских организаций на Украине.

* * *

Разгадывая с непревзойденным мастерством уловки врагов революции, Дзержинский яростно обрушивался на тех из чекистов, кто готов был обвинить человека на основе одних лишь подозрений, без убедительных доказательств. В каждом деле он требовал проведения самого тщательного расследования, решительно отделял виновных от невиновных.

Однажды вызывает меня Феликс Эдмундович к себе на Лубянку:

— Слушай, Мальков, неприятная история. Поступают сигналы, что комиссар Бутырской тюрьмы безобразничает: берет взятки, пьянствует. Расследуй.

Поехал я в Бутырки. Побеседовал с рядом сотрудников охраны, допросил кое-кого из арестованных. Картина была ясная: комиссар тюрьмы разложился. За взятки он незаконно разрешал подследственным арестованным свидания, передачи, а нескольких человек, родственники которых поднесли ему особо большой куш, и вовсе выпустил из тюрьмы.

Доложил я Феликсу Эдмундовичу все как есть. Тут же, при мне, он велел арестовать комиссара и предать его суду Революционного трибунала.

Одновременно я выяснил в Бутырках, что кое-кого из арестованных, находящихся под следствием, держат по месяцу-полтора не допрашивая, и освобождать не освобождают, и судить не судят. Ох, и рассердился же Феликс Эдмундович! Вызвал он начальников отделов и такую устроил им баню — сказать страшно.

Все планы серьезных операций Дзержинский разрабатывал обычно сам и зачастую лично руководил ликвидацией наиболее крупных контрреволюционных организаций. Мужество его было поразительно. Чувство страха, сознание опасности были, казалось, вовсе чужды ему. Взять, к примеру, левоэсеровский мятеж. Получив сообщение о том, что германский посол в Москве Мирбах смертельно ранен левыми эсерами, Дзержинский немедленно выехал на место преступления.

Предполагая, что убийца — бывший сотрудник ЧК левый эсер Блюмкин — скрылся в отряде ВЧК, которым командовал также левый эсер Попов, Феликс Эдмундович отправился туда. Он еще не знал, что левые эсеры подняли мятеж, выступили с оружием в руках против Советской власти. С Дзержинским было всего три чекиста, а они очутились в окружении открыто враждебной толпы свыше чем в тысячу человек, того и гляди готовой пустить в ход оружие. И, несмотря на это, Феликс Эдмундович ни на мгновение не растерялся. Когда левоэсеровские вожаки отказались выдать убийцу Мирбаха, Дзержинский решительно заявил им: «Вы арестованы, следуйте за мной!»

Столько силы, столько твердости было в его голосе, что главари мятежников растерялись и покорно двинулись сквозь растерявшуюся толпу своих сообщников к машине, вслед за уверенно шагавшим Дзержинским. Еще мгновение, и Феликс Эдмундович увез бы главарей мятежа из их логова на глазах у ошарашенных мятежников. Однако те спохватились, кинулись на Дзержинского и его спутников, разоружили их и посадили под замок.

Один из чекистов, сопровождавших Дзержинского во время его поездки в отряд Попова и находившихся вместе с Феликсом Эдмундовичем в течение суток в плену у левых эсеров, рассказывал мне на следующий день после ликвидации мятежа, как разговаривал безоружный, сидевший под арестом Дзержинский с вооруженным до зубов главарем тысячной банды мятежников предателем Поповым.

Попов каждые полчаса забегал в комнату, где находился Феликс Эдмундович и его товарищи, и сообщал «новости», одну нелепее другой, вроде того, что все московские войска перешли на сторону левых эсеров, что Кремль вот-вот капитулирует, и тому подобное.

Наконец выведенный из себя Дзержинский резко бросил Попову в лицо:

— Эй, вы, отдайте немедленно ваш револьвер!

— Револьвер? Зачем? — растерялся Попов.

— Чтобы вам, мерзавцу и изменнику, пустить пулю в лоб!

* * *

Наряду с беззаветным мужеством и потрясающей личной храбростью у Дзержинского было необычайно высоко, как мало у кого другого, развито чувство дисциплины. Решения Центрального Комитета, указания Ленина были для Феликса Эдмундовича законом. Очень считался Феликс Эдмундович и с Яковом Михайловичем, постоянно наблюдавшим за работой ВЧК. Варлам Александрович не раз рассказывал мне, что Яков Михайлович, бывало, пишет Феликсу Эдмундовичу товарищескую записку: в ЧК, мол, такие-то и такие-то непорядки, следовало бы сделать то-то и то-то. Феликс Эдмундович берет эту записку и, не меняя в ней ни единого слова, не переставляя ни одной запятой, сняв лишь обращение и поставив свою подпись, рассылает ее органам ВЧК в качестве директивы.

Если возникали какие-либо осложнения с организацией охраны Кремля, я часто обращался к Дзержинскому, и всегда Феликс Эдмундович приходил мне на помощь.

Вышло у меня однажды столкновение с председателем Верховного суда Галкиным. И в самый серьезный момент вмешался Феликс Эдмундович. Галкин все требовал, чтобы я в Кремле поликлинику устроил, да пообширнее. А у меня с помещением резрез, Амбулатория-то в Кремле была, только маленькая, но и ее я временно закрыл —

срочно понадобились комнаты. Ну, Галкин и устроил скандал, перенес вопрос в Оргбюро ЦК.

Вызвали меня на Оргбюро. В 1919 году, после смерти Якова Михайловича, оно заседало на его квартире. Так уж повелось. Прихожу — народу много: Дзержинский, Елена Дмитриевна Стасова, другие члены Оргбюро, Варлам Александрович Аванесов, Клавдия Тимофеевна Свердлова (она заведовала секретариатом ЦК), еще кто-то, ну и Галкин, конечно. Начал он меня честить на все корки: и то у Малькова плохо, и другое, и поликлиники в Кремле нет, и охрана бездействует. Тут поднялся Варлам Александрович:

— Насчет охраны вы зря, товарищ Галкин. Как у Малькова охрана поставлена, мы знаем, в дни левоэсеровского мятежа убедились, да и не только тогда.

Мне слово предоставили. Я говорю, что боевую защиту Кремля обеспечиваю. Это моя главная задача. В две минуты все части в боевую готовность приведу, хоть сейчас проверьте.

Галкин начал было реплики подавать, тогда заговорил Феликс Эдмундович:

— Не с того конца, товарищ Галкин, подходите, главного не понимаете. Мальков прав. Его задача — Кремль охранять, и тут он на высоте. А от всяких хозяйственных дел его вообще давно пора бы освободить, не его дело поликлиниками заниматься. Ну, с Дзержинским, конечно, все согласились. Кто же лучше Феликса Эдмундовича знал, насколько важна организация охраны Кремля!

Свердлов

Если по всем текущим вопросам своей работы я постоянно имел дело с Варламом Александровичем Аванесовым, если часто мне приходилось выполнять указания

Феликса Эдмундовича Дзержинского, то общее руководство всей деятельностью комендатуры Кремля неизменно находилось в руках Якова Михайловича Свердлова. Невзирая на свою огромную занятость, председатель ВЦИК и секретарь ЦК РКП(б) постоянно занимался делами комендатуры. Яков Михайлович всегда был в курсе всей нашей работы, постоянно сам непосредственно или через Аванесова ставил перед работниками комендатуры те или иные задачи, давал практические указания, распоряжения.

То и дело бывая у Якова Михайловича по различным вопросам, наблюдая его на заседаниях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (а я не раз избирался в состав ВЦИК первых созывов), на различных съездах, собраниях, митингах, совещаниях, я воочию видел, какое огромное участие принимал Яков Михайлович Свердлов в строительстве Советского государства, в строительстве нашей партии, на плечи которой легла теперь вся ответственность за судьбы Республики Советов.

Я не раз слушал Владимира Ильича, когда он говорил о Якове Михайловиче, а кто же лучше Ленина знал Свердлова, мог его характеризовать.

Владимир Ильич был очень близок с Яковым Михайловичем, очень ценил его. Уж я-то это знал! Каждое утро, обходя посты, я встречал Якова Михайловича, шагающего к подъезду Совнаркома, к Ленину. На голове летом — фуражка, зимой — круглая шапка, в руках — большой портфель желтой кожи, до отказа набитый бумагами. И я знал, что рабочий день Свердлова начинается беседой с Ильичем, что редко он направлялся в свой кабинет, не побывав предварительно у Ильича. А сколько раз я видел их вместе в президиуме различных съездов, конференций, совещаний, на заседаниях ВЦИК и его большевистской фракции!

Заседания эти то и дело протекали куда как бурно. Страстные споры вспыхивали не только на общих заседа-

ниях ВЦИК, в который входили в 1918 году левые эсеры и даже несколько анархистов и меньшевиков, но и внутри большевистской фракции.

Особенно неистовствовал среди большевиков Рязанов. Он постоянно был «против», без конца сыпал острыми, язвительными репликами беспрестанно просил слова и высказывал на трибуну.

Яков Михайлович твердой рукой вел самые бурные заседания, и, чем сильнее разгорались страсти, тем спокойнее и невозмутимее он казался.

Чего стоит хотя бы то заседание ВЦИК в июне 1918 года, когда из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета изгоняли меньшевиков!

Меньшевики к этому времени перешли к вооруженной борьбе против Советской власти, и церемониться с ними дальше было нечего. Они полностью разоблачили себя перед рабочим классом как враги революции.

Провести, однако, решение об исключении меньшевиков из ВЦИК и провести его с тактом было не так просто. С одной стороны, меньшевиков поддерживали левые эсеры, которые составляли еще довольно солидную группу в составе ВЦИК, с другой стороны, поведение меньшевиков было столь вызывающе и возмутительно, что у большевиков лопнуло последнее терпение, и дело могло дойти чуть не до рукопашной.

Заседание происходило в «Метрополе», как и все заседания ВЦИК в 1918—1919 годах. Я сидел в зале, когда на высоченной трибуне появился президиум и Яков Михайлович открыл заседание.

Как только на обсуждение был поставлен вопрос о выводе меньшевиков из состава ВЦИК, в зале поднялось нечто невообразимое. Крик, шум, оглушительный свист — ничего не разберешь. Все повскакали с мест, машут руками, вот-вот кинутся врукопашную. Меньшевики жмутся жалкой кучкой, боятся поднять головы. Сочувственные

возгласы левых эсеров тонут в грохоте всеобщего негодования большевиков.

И в этот момент, когда схватка казалась неминуемой, Яков Михайлович заглушил все крики своим могучим голосом и с такой внутренней силой потребовал восстановить порядок, что разбушевавшийся зал начал стихать. Еще минута — и воцарилась полная тишина. Не произнося ни слова, Яков Михайлович указал на дверь, и жалкие и пришибленные меньшевики один за другим покинули зал заседания, а ВЦИК перешел к деловым вопросам.

Но какого бы накала ни достигали страсти, как бы ни были остры споры, будь то заседание ВЦИК или большевистской фракции, Яков Михайлович Свердлов неизменно был вместе с Лениным, плечом к плечу с Владимиром Ильичем. В середине мая 1918 года был случай, когда выступив на проходившем чрезвычайно бурно объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета с докладом о внешней политике, Ильич вынужден был уехать, не дождавшись окончания прений, и с заключительным словом по докладу выступил вместо него Яков Михайлович. Я не знаю, был ли еще хоть один случай, чтобы Владимир Ильич кому-нибудь другому поручил выступать вместо себя с заключительным словом по собственному докладу.

* * *

7 ноября 1918 года, в первую годовщину Советской власти, Ленин, Свердлов, Аванесов, Владимирский, Луначарский, Подвойский, другие члены ВЦИК, наркомы вышли из Троицких ворот, направляясь к Большому театру, где строилась колонна делегатов VI Всероссийского съезда Советов для участия в демонстрации. Я шел чуть поодаль, сзади Владимира Ильича.

Как раз в тот момент, когда мы выходили из Кремля, с Троицкими воротами поравнялась колонна ребятишек лет десяти — двенадцати, которые задорно пели звонкими голосами:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

Владимир Ильич, Яков Михайлович, другие товарищи остановились, их лица расцвели улыбками. Слышу, Яков Михайлович обращается к Ильичу:

— Да, дело наше непобедимо! Если мы и погибнем, они, вот эти ребята, пойдут вперед и вперед. Если в десять лет они поют наши песни, то вырастут настоящими революционерами и совершат все то, чему мы положили начало! Хорошо!..

— Хорошо! — ответил Владимир Ильич.

Не раз, бывая у Владимира Ильича по какому-либо вопросу, я слышал, как он говорил в телефонную трубку тому или иному товарищу, особенно когда речь шла об организационных делах или назначении работников на ответственные посты:

— Посоветуйтесь со Свердловым. Столкнитесь с Яковом Михайловичем...

Нередко Владимир Ильич, говоря, что-то или иное дело надо бы поручить Свердлову, вдруг перебивал сам себя с легкой усмешкой:

— Впрочем, у Якова Михайловича, наверное, «уже» У него всегда «уже сделано».

Когда после злодейского покушения 30 августа 1918 года Владимир Ильич был болен, Яков Михайлович часами работал в его кабинете, решая ряд вопросов по Совнаркому. Ни до этого, ни после никто, кроме Якова Михайловича, в кабинете Ильича не работал.

Не раз в эти тревожные дни я бывал у Якова Михайловича в кабинете Ильича и ни разу не заметил у него и тени растерянности, ни малейших следов усталости, а я знал, что Яков Михайлович, если и спал в эти дни, то часа

два-три, не больше, прямо в кабинете. Домой он не ходил. И, невзирая на это, Яков Михайлович был бодр, тверд, решителен, непреклонен. Но какое огромное волнение, какое беспредельное уважение и горячая любовь слышались в его голосе, как только речь заходила об Ильиче.

Через два дня после покушения на Ильича, 2 сентября 1918 года, я пошел в «Метрополь» на заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Большой ресторанный зал, где заседал ВЦИК, с нелепым фонтаном посередине, казавшимся теперь особенно неуместным, был переполнен. На трибуну поднялся Яков Михайлович. Не раз я его слушал, но, пожалуй, никогда так страстно не звучал его голос, как в тот день, когда заговорил он об Ильиче, заговорил о том, что каждый из нас, сидящих в зале, всегда рос и работал в качестве революционера под руководством Ленина, что Ленина в партии заменить не может никто.

Прошел день или два. Состояние Владимира Ильича было еще тяжелое, исход не был ясен. Яков Михайлович вызвал меня по какому-то срочному вопросу. Когда я зашел к нему, он разговаривал с Каменевым и Рыковым. Несколько поодаль молча сидел Аванесов. Разговор, как видно, был крутой. Начала я не слышал, но заключительные слова Якова Михайловича, которые он произнес как раз в тот момент, когда я открывал дверь, говорили о многом. Подробнее об этом разговоре я узнал позже, от Варлама Александровича Аванесова. Суть дела была такова. После покушения на Ильича Каменев и Рыков, вконец растерявшись и разуверившись в скором выздоровлении Ильича, явились к Якову Михайловичу и поставили вопрос об избрании временного председателя Совнаркома.

— Согласия на подобные предложения я не дам никогда, — непреклонно заявил Яков Михайлович, — и буду самым категорическим, самым решительным образом возражать против каких бы то ни было попыток избрать

кого-то другого на пост, принадлежащий Ильичу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить подобного решения, а ответственностью пугать меня нечего. Ответственности я не боюсь. Меня поставила сюда партия, народ, и перед партией, перед народом я отвечаю за каждое свое решение, за каждый поступок.

* * *

Авторитет Якова Михайловича был непререкаем. Я постоянно в этом убеждался, выполняя различные указания и распоряжения Якова Михайловича, связанные с теми или другими учреждениями.

Взять, к примеру, Московский Совет. Мне нередко приходилось бывать в Моссовете по разным хозяйственным вопросам. Далеко не всегда и не во всем работники Моссовета шли навстречу. Часто приходилось «воевать» с Михаилом Ивановичем Роговым, с другими членами президиума Моссовета, чтобы получить требуемое. Но совсем иначе обстояло дело, когда я шел, заручившись согласием Якова Михайловича. Стоило сказать, что есть распоряжение Якова Михайловича, как все, будь то член президиума или рядовой сотрудник Моссовета, становились на редкость покладистыми и сговорчивыми. Причем Яков Михайлович редко давал письменные распоряжения — разве черкнет несколько слов на листке своего блокнота, — он терпеть не мог лишней писанины.

— Скажите, — говорил он обычно, — что это мое распоряжение.

И этого было достаточно.

В конце октября 1918 года был такой случай. Яков Михайлович уезжал на фронт. Он вызвал меня и поручил подобрать из реквизированных у буржуазии товаров теплую одежду для подарков красноармейцам.

Я отправился в Моссовет, в ведении которого находились реквизированное имущество, склады и магази-

ны. Прихожу прямо к председателю Моссовета (там еще кто-то из членов президиума сидел) и говорю, что нужны шубы и зимние куртки, прошу срочно отпустить.

— А у вас что, требование есть или распоряжение о выдаче?

— Нет, письменного требования у меня нет.

— Ну вот! Всегда вы так: не оформив документы, требуете то да се. Без письменного требования, товарищ Мальков, ничего не дадим.

— Товарищи, — попытался я убедить, — дело срочное, оформлять документы некогда. Оформлю потом. Не себе же беру...

Нет и нет, уперлись руководители Моссовета.

— Не можем без письменного требования. Да и вообще надо проверить, есть ли у нас шубы и сколько. Может, их совсем немного, тогда и требование не поможет, все равно не дадим.

— Ладно, — говорю, — не давайте! Так и передам Якову Михайловичу. Это его распоряжение.

— Распоряжение Якова Михайловича? Так бы сразу и говорили. Тогда, конечно, дело другое...

Сняв телефонную трубку, председатель Моссовета соединился с кем-то из заведующих делами:

— К вам сейчас зайдет товарищ Мальков. Да, да, комendant Кремля. Немедленно поезжайте с ним на Кузнецкий мост, там в одном из меховых магазинов, что недавно реквизирован, была, помнится, теплая одежда. Отберите все, что нужно, и выдайте. Если окажется не достаточно, поищите в другом месте, но требование должно быть выполнено полностью. Что? Как оформить? Возьмите у товарища Малькова расписку, вот все оформление. Это распоряжение Якова Михайловича.

Часа через полтора или два я уже въезжал в Кремль на машине, набитой шубами и куртками.

Разгрузив одежду, я позвонил Якову Михайловичу, что его распоряжение выполнено. Вскоре они пришли с Ава-

несовым посмотреть, что отобрано. На Якове Михайловиче, между прочим, было драповое демисезонное пальто, изрядно поношенное, а холода стояли уже основательные, надвигалась зима. Я знал, что, кроме этого пальто и неизменной кожаной куртки, верхней одежды у Якова Михайловича нет, поездка же ему предстояла дальняя.

Пока Яков Михайлович и Варлам Александрович осматривали привезенные мною богатства, я подобрал хорошую шубу, скромную по виду, но очень теплую.

— Яков Михайлович, посмотрите, вот эта шуба как раз по вашему росту, словно на заказ шита.

— Что, что? Взять шубу? Для себя? Вы это что придумали?

— Так вам же ходить не в чем, зима на носу...

— Запомните раз и навсегда, — сурово перебил меня Яков Михайлович, — мы реквизируем у буржуазии для народа, для рабочих, для наших красноармейцев, а не для того, чтобы снабжать ответственных работников.

* * *

К себе Яков Михайлович был очень требователен, но и другим, когда надо, спуска не давал. Уж это все знали. Однажды направляюсь я к Якову Михайловичу, навстречу Аванесов.

— Ты к нему? — Он кивнул на дверь кабинета. — Лучше сейчас не ходи. Там такое идет, дым коромыслом.

Дело в том, что между двумя членами коллегии одного из наркоматов, товарищами весьма уважаемыми, разгорелась несусветная склока. Один отменял распоряжения другого, писали друг на друга жалобы в Совнарком, в ЦК. Каждый, утверждал, что другой не желает с ним считаться, подрывает его авторитет. Аппарат наркомата лихорадило, нарком был не в силах обуздать развоевавшихся членов коллегии. Тогда вмешался Яков Михайлович, пригласив их к себе вместе с наркомом.

Ожидая, пока Яков Михайлович освободится, мы с Аванесовым задержались в приемной. Прошло каких-нибудь пятнадцать — двадцать минут, как дверь из кабинета распахнулась и на пороге показались донельзя сконфуженные «вояки», а за ними их нарком с не менее смущенным видом.

— Да-а! — уныло протянул один из членов коллегии, когда дверь за их спиной закрылась. — Вот ерунда-то. И как такая ерунда получилась?

Другой сокрушенно махнул рукой:

— И не говори! Уж до того скверно, до того скверно...

Они вместе направились к выходу. Нарком чуть задержался, и Аванесов подошел к нему:

— Ну что, было дело?

Нарком тяжело вздохнул.

— Ох, брат, ну и история! — Внезапно он расхохотался. — Такое было, что и ума не приложить. Ну и Михалыч (так звали Свердлова подпольщики). Ты думаешь, он ругался?

Аванесов недоуменно посмотрел на него.

— Судя по вашему виду, вам всем влетело по первое число, а ты радуешься.

— В том-то и дело, Варлам, что влетело — это не то слово. Совсем не влетело. Хуже, куда хуже. Пришли мы, понимаешь, к Якову Михайловичу, уселись. Он им и говорит — выкладывайте, мол, слушаем. Ну, те и пошли и пошли. Как два петуха. Кроют друг друга на чем свет стоит.

Михалыч молчит, слушает, покуривает. Потом перебил их, да так тихо, спокойно, но таким тоном, что даже мне не по себе стало.

— Нельзя ли, говорит, — по существу? Прошу изложить ваши принципиальные разногласия. О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, мне известно. Читал. У Гоголя.

А принципиальных-то разногласий и нет. Просто склочничают. Ну, они тут сразу тон поубавили, Михалыч и спрашивает: «Что, бояре, выговорились?». Один было вскинулся:

— Бояре? Как это бояре?

— Непонятно? Попробую пояснить, — все так же спокойно продолжает Михалыч. — В давние времена в боярской думе шла борьба за место, кому выше сесть. Слыхали?

— Слыхали.

— Может, и слыхали, да запомятовали, вот и приходится вам напоминать, — говорит Яков Михайлович. — Друг друга сейчас внимательно слушали? Думу-то боярскую часом не вспомнили?

Они молчат. Сказать нечего. Все и так как на ладони. А Михалыч продолжает:

— Рабочий класс, партия доверили вам посты членов коллегии, чтобы вы проводили партийную линию, создавали советский аппарат, а вы никак разобраться не можете кому «выше сесть», из-за «места» передрались, работу разваливаете. Наркомат в боярскую думу превратить хотите? Не выйдет, не позволим! А с вами пусть рабочий класс разберется: в очередной партийный день мы и попросим вас обоих на одном из московских заводов доложить на митинге, как это у вас получается.

Оба в голос: увольте, Яков Михайлович! Слово даем, больше такого не повторится.

Вот и весь разговор. Подействовало, лучше не надо. А перед пролетариатом-то ребятам придется еще выступить, там им не такая баня будет. Ну, да это на пользу!

Мне тоже порой доставалось от Якова Михайловича. Его суровую требовательность знали все, но это не пугало. Работать с ним было легко. И не просто легко — радостно. Всегда он был справедлив, во все, чем бы он ни занимался, вносил кипучую революционную страсть, неистре-

бимый большевистский жар, ну прямо зажигал всех, кто его окружал. Он мог быть строг, порою суров, когда этого требовали интересы революции, но никогда ни к чему и ни к кому не был равнодушен, никогда ничего не делал без сердца.

* * *

Яков Михайлович был беспощаден к врагам революции, но к рабочим, к крестьянам был неизменно внимателен и чуток, к товарищам же по партии всегда относился с исключительным доверием и теплотой. Каждый знал — случись какая неприятность, Яков Михайлович разберется, не допустит несправедливости.

Когда я уезжал из Питера, Манаенко, мой боевой товарищ и помощник, ненадолго задержался в Смольном. А как приехал в Москву, сразу явился ко мне, в Кремль.

— Ну, Павел, дело табак. Не пойму, почему, но в Смольном в твоих бумагах ЧК копается.

Пытался было я выяснить, что им надо, куда там! Слова не вытянешь. Вроде обвиняют тебя в том, что не то ты посадил кого незаконно, не то в расход пустил.

Я возмутился. Как, думаю, так? Мне никто ни слова, обвиняют черт знает в чем, и все за спиной.

Снял телефонную трубку, звоню Якову Михайловичу:

— Разрешите зайти...

— Заходите.

Пришел и брякнул с места в карьер:

— Прошу освободить от обязанностей коменданта Кремля. Раз меня подозревают, проверяют, комендантом Кремля не могу оставаться.

Ну и отчитал же меня Яков Михайлович! Ему-то вся история была великолепно известна. Оказывается, еще в бытность мою в Питере арестовали нескольких студентов и одного незаконно расстреляли. Конечно, началось расследование. Поскольку арестованных держали в Смоль-

ном, проверили и мои архивы. Разобрались, видят — я не причастен, доложили в Москву, и на том все закончилось. А мне ничего не говорили, чтобы зря не дергать. Зато теперь, когда я устроил скандал, Яков Михайлович задал мне перцу.

— Вы что, — говорит, — виноваты в чем-нибудь? Нет? Так что же тут комедию с отставкой устраиваете? Другое дело — была бы ваша вина. Вот за разговор об отставке надо бы вас наказать, да покрепче.

А я уж и так готов язык себе откусить, сам не рад, что начал. Понял Яков Михайлович мое состояние, отпустил. Только велел в другой раз крепко подумать, прежде чем словами бросаться.

Несколько месяцев спустя, осенью 1918 года, стряслась беда с одним моим близким товарищем, Ароновым, старым членом партии, прошедшим в годы царизма через ссылки и тюрьмы. Летом 1918 года его направили в Ярославль на подавление белогвардейского мятежа. Действовал он там энергично, решительно, но то ли с кем там не поладил, то ли еще что, во всяком случае, нашлись такие, кто обвинил его в самоуправстве, превышении власти и прочих смертных грехах. Время было горячее, и, толком не разобравшись, работники ЧК арестовали Аронова.

Я ни минуты не сомневался в Аронове, был глубоко уверен, что это недоразумение, и считал, что держать его в тюрьме нет никакой нужды. Можно расследовать и не арестовывая товарища, тем более когда речь идет о коммунисте, старом члене партии.

Решил обратиться к Якову Михайловичу.

— Яков Михайлович! ЧК арестовала моего товарища, друга. Я его знаю много лет, он настоящий большевик. Может, сгоряча и сделал что не так, но человек он честный, партии предан, зачем же его держать в тюрьме? Нельзя ли, пока будут вести следствие, отдать его мне на поруки? Пусть живет у меня на квартире, не убежит же.

Яков Михайлович спрашивает:

— Знаете его? Ручаетесь?

— Головой ручаюсь.

— Ну, что ж. Ручательство большевика — штука серьезная и, учтите, ответственная. Поговорю с Феликсом Эдмундовичем.

Проходит день-два, и Аронова прямо из ЧК приводят в Кремль, ко мне на квартиру. Говорят — по распоряжению Якова Михайловича.

Аронов, надо сказать, мужик был грамотный, образованный, а у нас в Кремле на курсах как раз лекторов не хватало.

Я опять к Якову Михайловичу.

— Можно, — спрашиваю, — мой «арестант», пока суда дело, лекции будет курсантам читать?

Яков Михайлович расхохотался.

— Эх ты, — говорит, — адвокат. Ладно, семь бед — один ответ, пусть читает.

И начал Аронов читать лекции кремлевским курсантам по политэкономии. Здорово читал! Тем временем с делом его разобрались, и все обвинения отпали. Не вмешайся Яков Михайлович, сколько пришлось бы Аронову ни за что просидеть в тюрьме!

Или был такой случай. Как-то в конце сентября или начале октября 1918 года, когда Владимир Ильич жил в Горках, часа в два-три ночи вызывает меня Яков Михайлович:

— Товарищ Мальков, вот вам пакет, немедленно поезжайте в Горки, к Ильичу, и передайте ему в руки. Ответ получите сейчас же и скорее возвращайтесь. Дело неотложное. Учтите, документ особо секретный, будьте осторожней. Возьмите лучше с собой кого-нибудь из охраны.

Я было замялся.

— Поздно, — говорю, — Яков Михайлович. Удобно ли Ильича будить?

— Знаю, что поздно, но раз посылаю, значит надо. Поезжайте немедленно, — повторил Яков Михайлович и протянул мне пакет. А пакет-то не запечатан.

— Яков Михайлович, вы забыли запечатать пакет.

Яков Михайлович пристально посмотрел на меня.

— А если пакет не запечатан, так вы вынете документы и прочитаете?

Я обиделся:

— Как вы могли такое подумать? Разве я когда стану читать то, что меня не касается, тем более документы, предназначенные Ильичу?!

— Я и не думал, что станете читать, — смеется Яков Михайлович, — это вы меня упрекнули, что я вам дал незапечатанный пакет. Я-то знаю, кому вручаю документы, поэтому и не стал зря сургуч тратить.

* * *

Внимательно и любовно относился Яков Михайлович к бойцам, охранявшим Кремль, часто с ними беседовал, интересовался их бытом, условиями службы. Спрашивал, что пишут им из дому, выступал на собраниях. Недаром красноармейский клуб в Кремле называли клубом имени Я. М. Свердлова.

Сию я как-то и комендатуре, вдруг двери настежь, на пороге Яков Михайлович, а за ним часовой с винтовкой наперевес. Не успел я и рта раскрыть, как боец рапортует:

— Товарищ комендант Кремля! Мною задержана подозрительная личность без пропуска возле квартиры председателя ВЦИК товарища Свердлова. Означенная личность доставлена в ваше распоряжение. Я вскочил.

— Да ты, — говорю, — такой-сякой, кого задержал? Ведь это же и есть Яков Михайлович, председатель ВЦИК товарищ Свердлов!

Часовой оторопел. На лбу у него даже пот выступил. Стоит, переминается с ноги на ногу, смотрит то на меня,

то на Якова Михайловича, вконец растерялся. А Яков Михайлович хохочет.

— Ну, — говорю часовому, — придется тебя, голубчик, суток на десять посадить за такое дело, чтобы знал в другой раз, как председателя ВЦИК водить по Кремлю, напавив ружье в спину.

Яков Михайлович сразу посерьезнел.

— Пойдите, товарищ Мальков, пойдите. За что вы, собственно говоря, собираетесь товарища наказывать? Он прав. Ведь у меня на лбу не написано, что я председатель ВЦИК, а пропуска с собой действительно не было. Товарища надо не наказывать, а объявить ему благодарность за революционную бдительность.

Так-то!

Я вытянулся:

— Слушаю, Яков Михайлович. Есть объявить часовому благодарность за революционную бдительность.

— Ну вот, это другое дело, — улыбнулся Яков Михайлович.

— Так, как, товарищ конвоир, — повернулся он к часовому, — могу я теперь идти?

И, пожав часовому руку, Яков Михайлович вышел из комендатуры.

Бесконечное количество народу шло к Якову Михайловичу с разнообразнейшими делами. Бывая у него, я постоянно встречал в его приемной секретарей губкомов, уездных и районных комитетов партии, руководителей низовых партийных организаций. К Якову Михайловичу шли вожаки рождавшегося в те годы комсомола, председатели губернских и уездных исполкомов Советов, командующие армиями и дивизиями, председатели совнархозов и директора предприятий, партийные, советские, хозяйственные, военные руководители всех степеней и рангов, десятки рядовых членов партии, бесчисленные делегации рабочих и крестьян.

Здесь, в кабинете Якова Михайловича, рабочий-большевик становился комиссаром полка или дивизии, руководителем Советской, сласти: района или уезда; старый член партии — руководителем главка, членом коллегии наркомата, членом Реввоенсовета армии или фронта.

За бесконечной грудой важных дел Яков Михайлович ни на минуту не упускал из поля своего зрения повседневных вопросов кремлевского обихода, постоянно оказывал помощь нуждавшимся товарищам, следил за жизненным укладом Кремля. Чуть не ежедневно раздавались телефонные звонки Якова Михайловича, и я получал четкие, конкретные указания, задания, распоряжения. Зачастую мне вручали коротенькие записки:

«20 сентября 1918 г.
Коменданту Кремля.

Считаю целесообразным мебель для квартир в Вознесенском монастыре получать из дворцового имущества. Предлагаю за мебелью и обращаться туда.

Я. Свердлов».

Или:

«1 октября 1918 г.
Коменданту Кремля.

Прошу предоставить кремлевский оркестр для похорон т. В. М. Бонч-Бруевич.

Я. Свердлов».

Еще:

«11 декабря 1918 г.

Тов. Мальков.

Необходимо, предоставить квартиру т. Бокию. С т. Бонном сговоритесь сейчас же.

Я. Свердлов».

И еще:

«6 февраля 1919 г.
Коменданту Кремля.

Прошу выдать подателям делегатам жел.-дор. рабочих 25 фунтов хлеба.

Я. Свердлов».

Сколько их было, таких немногословных, лаконичных записок...

* * *

Постоянное, живое участие Якова Михайловича в делах комендатуры стало таким привычным, что казалось, будто иначе и быть не может. Но вот, вернувшись в первых числах марта 1919 года из поездки на Украину, Яков Михайлович тяжело заболел.

Днем 16 марта 1919 года я заканчивал уборку помещения круглого зала в помещении ВЦИК, где должен был открыться VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Ну что ж, кажется, все готово. Стены увиты гирляндами зелени, празднично алеют знамена, плакаты, тяжелыми складками свисает со стола президиума пунцовая скатерть. В глубине сцены — бюсты Маркса и Ленина.

Да, готово все. Вот еще телефон. Закончена ли подводка? Подхожу к аппарату. Звонок. Ага, значит, уже работает. Снимаю трубку.

— Павел, ты?

Чей это голос? Аванесов? Не может быть! Никогда так не дрожал, не прерывался голос Варлама Александровича.

— Что случилось? — кричу в телефон, охваченный внезапной тревогой.

В ответ слышится глухой, сдавленный голос:

— Да, это я, Аванесов... Яков Михайлович... Пять минут назад...

Без сил, без мыслей я рухнул на стул. Горло свела мучительная спазма, глаза застлали какой-то туман.

...Два дня спустя, 18 марта 1919 года, мы хоронили Якова Михайловича Свердлова. У подножия Кремлевской стены, в самом центре Красной площади, зияла свежая могила. Замерли в горестном молчании десятки тысяч людей, заполнивших из края в край огромную площадь. На могильный холм поднялся Владимир Ильич Ленин.

— Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы...

В Кремле, в круглом зале здания ВЦИК, названном отныне Свердловским, я увивал черным крепом алые полотнища знамен и лозунгов. Открывался VIII съезд РКП(б). В гробовой тишине зазвучали скорбные слова Ильича:

— Товарищи, первое слово на нашем съезде должно быть посвящено товарищу Якову Михайловичу Свердлову...

Калинин

Две недели спустя, 30 марта 1919 года, председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был избран Михаил Иванович Калинин.

Прошло еще несколько дней, и Михаил Иванович переехал из Питера, где до этого работал, в Москву. Квартиру для него в Кремле подобрали сразу, в Кавалерском корпусе, но она была не в порядке, требовала ремонта, и Калинин поначалу поселился у одного из своих товарищей, тоже из старых питерцев.

Прямо надо сказать, ремонт двигался не очень быстро: то рабочих нет, то материалов. День проходит, другой, неделя, квартира Калинина все не готова. А Михаил Иванович молчит. Хоть бы раз позвонил, напомнил, обругал

кого-нибудь, так нет! Живет с семьей в одной комнатке у товарища и молчит. Очень деликатный и обходительный человек. Никогда для себя ничего не требовал.

Прошла этак неделя с небольшим — звонок. Калинин вызывает. Ну, думаю, будет мне за ремонт! Заранее ответ подготовил — дело-то действительно по тем временам не простое.

Пришел к Михаилу Ивановичу, только он о квартире ни слова: пойдём, говорит, по Кремлю, покажи, как у тебя охрана организована, где какие посты стоят, как бойцы живут, на чем спят, чем питаются.

Пошли. Михаил Иванович все обошел, все облазил, на стену кремлевскую взбирался, всюду побывал. Возле курсантов, стоявших на часах, не раз останавливался и с некоторыми подолгу беседовал, расспрашивал обстоятельно, дотошно: и про то, как несут службу, не трудно ли, и про учебу, и что кому из дому пишут, и про харч кремлевский.

Разговаривал Михаил Иванович с курсантами здорово. Ему было все едино: рабочий ли перед ним, одетый в красноармейскую шинель, крестьянин ли. И с тем и с другим Калинин моментально находил общий язык. Он великолепно знал жизнь, условия труда, всякие там профессиональные тонкости любого собеседника, будь то слесарь, токарь или крестьянин. Обстоятельно, с большой мудростью и неизменным юмором отвечал на любой, порой самый заковыристый вопрос. Я видел, как прямо расцветали лица курсантов во время беседы с Калининым.

И только когда мы кончили обход, Михаил Иванович как бы невзначай спросил:

— Ну, а как там с квартирой моей, скоро ремонт закончат?

Я стал было объяснять, а он руками замахал:

— Да ведь я так, к слову, мне что? Вот только перед товарищем неудобно. У него семья, квартира небольшая, а тут еще я с целой оравой. Живу и живу.

Еще дня три-четыре прошло, вызывает Ильич:

— Что там у Калинина с квартирой? Скоро ремонт закончите? Знаю я вас — на вас не нажмешь, без конца копать будете. Калинин — человек скромный, он небось не требует, а просит, вот вы и тянете. Кончать ремонт надо...

Только мы зря не тянули. Действительно трудно было с ремонтом, делали, как могли, в, чуть закончили, я сразу доложил Михаилу Ивановичу, и он переехал в свою квартиру.

Прием у Калинина был очень большой — бесчисленные делегации и ходоки шли со всей страны к Всероссийскому старосте. Особенно много приезжало крестьян. Каждый хотел повидаться непременно с «самим Калининым», и почти каждого Михаил Иванович стремился сам принять.

Дежурные в бюро пропусков у Троицких ворот сбились с ног. Пойди разбери: кому давать пропуск, кому нет. Вроде каждому, кто идет к Калинин, надо дать пропуск, но давать каждому нельзя, мало ли кто под видом ходока пролезет в Кремль? Выход из положения нашел сам Михаил Иванович. Он перенос свою приемную из Кремля на Моховую, в 4-й Дом Советов, что против Троицких ворот, где и сейчас находится приемная Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Туда к Калинин мог прийти каждый, у кого была нужда в председателе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, кто хотел встретиться, побеседовать с Всероссийским старостой.

Ежедневно, энергично постукивая по тротуару своей неизменной палочкой, шагая быстро и решительно, направлялся Михаил Иванович Калинин из Кремля в свою приемную, ежедневно сюда стекались десятки и сотни людей со всей страны, рассказывали, искали совета, просили помощи. И ни один вопрос, ни одна просьба не оставались без ответа.

Как-то месяц или два спустя после избрания Калинина председателем ВЦИК я вошел к нему, чтобы доложить кое-какие дела по комендатуре.

— Знаешь, Мальков, — перебил меня Михаил Иванович, — ты уж докладывай лучше все свои вопросы секретарям ВЦИК. Они знают все твои дела досконально, сами разберутся, а мне со всем этим наново знакомиться надо. Не возражаешь?

Так и пошло: делами комендатуры Калинин заниматься не стал, и я докладывал все больше секретарям ВЦИК, или Феликсу Эдмундовичу.

Взрыв в Леонтьевском переулке

...25 сентября 1919 года в помещении Московского комитета РКП(б), в Леонтьевском переулке, собрался московский партийный актив, Заседание открыл секретарь МК РКП(б) Владимир Михайлович Загорский. Первым был заслушан доклад одного из руководителей московских большевиков в 1917 году, старейшего члена партии, заместителя Народного комиссара просвещения, крупного советского ученого-историка Михаила Николаевича Покровского о вражеской деятельности и ликвидации «Национального центра».

Я был на заседании актива. Когда Покровский закончил доклад и актив перешел к очередным делам, мне пришлось уйти. Надо было возвращаться в Кремль, сегодня же решить ряд срочных вопросов.

Когда я вышел из здания МК, уже стемнело, наступил вечер. Разыскав в темноте свою машину (уличные фонари не горели, переулок освещался слабым светом, падавшим из окон близлежащих домов), стоявшую невдалеке, я уселся на переднее сиденье. Шофер вылез и принялся ожесточенно крутить заводную рукоятку. Машина, открытый «Паккард», как назло, не заводилась.

Я собрался было выйти из машины и помочь шоферу, как вдруг блеснула ослепительная вспышка и вечернюю тишину рванул оглушительный грохот. Из окон соседних домов с дребезгом посыпались стекла.

Ничего еще не соображая, не поняв еще толком, что произошло, я рывком махнул через дверцу машины и кинулся к зданию МК, откуда вышел всего несколько минут назад, где остались мои товарищи, мои боевые друзья, актив московской партийной организации большевиков...

Ни в одном из окон Московского комитета РКП(б) свет не горел. Да и были ли окна, был ли дом?.. В сгустившемся внезапно мраке передо мной высилась страшная, изуродованная стена, зиявшая пустыми глазницами выбитых окон. На голову, на плечи оседало густое облако кирпичной пыли, трудно было дышать, под ногами хрустело стекло. Из глубины дома неслись приглушенные стоны, крики о помощи, чьи-то рыдания...

Я попытался проникнуть в здание — тщетно. Вход засыпало, ничего в темноте нельзя было разобрать. Тогда я бросился к машине. Шофер, дрожа, сидел за рулем. Motor работал. Когда он его завел, ума не приложу. Я велел ему мчаться в Моссовет — ведь рядом! — позвонить в ЧК Дзержинскому, в Кремль, вызвать пожарных и скорее возвращаться назад, а сам побежал в ближайший дом в надежде раздобыть хоть какую-нибудь лампу.

Между тем безлюдный до того переулочек ожил. Со всех сторон раздавались голоса, неистово хлопали двери соседних домов, по тротуарам, по мостовой к месту катастрофы бежали десятки людей.

Я торопился, медлить было нельзя. Кто знает, не скрываются ли в густевшей толпе преступники, совершившие злодеяние, не готовят ли они новый удар, стремясь добить тех, кто чудом уцелел в полуразрушенном здании Московского комитета?

Ворвавшись в первую попавшуюся квартиру, я крикнул:

— Лампу, скорее давайте лампу!

Какая-то старушка, открывшая мне дверь, на мгновение застыла от ужаса, затем спохватилась, поспешно засеменила в одну из комнат и через минуту вернулась, неся керосиновую лампу. Я тут же ее зажег и выскочил на улицу.

Расталкивая встречных, я подбежал к зданию МК. Вновь сунулся к дверному тамбуру, быстро прошел вдоль стены. Нет, света моей лампы было недостаточно, пробраться внутрь здания не было возможности. А оттуда все неслись и неслись стоны и крики, и я ничем, ровно ничем не мог помочь.

К, счастью, в этот момент в конце переуллка замаячили фары стремительно мчавшейся машины, второй, третьей... Оглушительно рявкнул сигнал, заскрежетапи тормоза. Из первой машины выскочил председатель МЧК Манцев, за ним еще люди, еще. Со стороны Тверской раздался топот множества бегущих людей. К месту катастрофы мчались бегом, прямо с заседания, члены пленума Московского Совета, все в полном составе.

Замелькали огни карманных фонариков. Как на штурм, кидались к дому, карабкались друг другу на плечи, лезли в окна члены Моссовета, чекисты, добровольцы. Большая группа рассыпалась по переулку в цепь, оттесняя любопытных, охватывая кольцом дом, квартал.

Вдалеке пронзительно взвыли сирены. Все ближе, ближе, и вот уже несутся по переулку огромные пожарные машины. Десятки пожарников, с ярко пылающими факелами в руках с ходу устремляются в развалины.

Закипела бешеная работа. Чекисты, пожарники разбирали обрушившиеся балки, стены, извлекая из-под обломков жертвы ужасного преступления. Одних несут на руках, другим помогают идти, третьи, освободившись из-под развалин, идут сами. Их много, очень много. Ведь на

активе присутствовало свыше ста человек, лучшие из московских большевиков.

Вот, тяжело опираясь о плечо рослого пожарника, прихрамывая, шагает Михаил Степанович Ольминский.

Под руки ведут раненого Мясникова. Бодрится и пытается вмешаться в общую работу легко раненный Емельян Ярославский... Живы, живы товарищи, целы! А где же Загорский, где Владимир Михайлович? Его нет. Нет среди живых, нет среди мертвых. Нашли Загорского только некоторое время спустя, а на следующий день выяснились подробности гибели секретаря Московского комитета партии большевиков Владимира Михайловича Загорского.

* * *

...Александр Федорович Мясников, председательствовавший на собрании, только что предоставил слово очередному оратору, как в окне, выходящем в небольшой сад, с треском лопнуло стекло и в гущу собравшихся грохнулась, шипя и дымя, большая бомба. Все на мгновение оцепенели, затем шарахнулись к двери, давя и толкая друг друга. Моментаً образовалась пробка.

В этот момент прозвучал спокойный, решительный голос Загорского:

— Спокойно, товарищи, спокойно. Ничего особенного не случилось. Сейчас мы выясним, в чем дело...

Загорский стремительно встал, вышел из-за стола президиума и уверенно, твердыми шагами направился к дымящемуся чудовищу. При звуках его голоса суета и давка прекратились, восстановился порядок. Многие успели выйти в дверь, другие отодвинулись подальше, а он шел в мертвой тишине, решительный и неустрашимый, прямо на бомбу.

Все это заняло считанные секунды. Загорского отделило от бомбы пять шагов, три, два... Он протянул руку,

стремясь вышвырнуть за окно шипящую смерть, уберечь товарищей от страшной гибели, и тут грохнул взрыв...

Почти никто из находившихся в президиуме не пострадал, ведь стол президиума стоял в отдалении от места падения бомбы, а Загорский... Труп Загорского опознали лишь через несколько часов после взрыва. Он был изуродован больше, чем какой-либо другой.

Владимир Михайлович Загорский был на редкость обаятельным, мужественным человеком, закаленным революционером, большевиком. Он был совсем молод, ему едва исполнилось 36 лет, из них восемнадцать он отдал партии, вступив в ее ряды еще в 1901 году. За плечами у него были тюрьмы, ссылки, каторга, годы вынужденной эмиграции после одного из удачных побегов...

Загорский приехал в Москву в 1918 году и вскоре был избран секретарем МК. Я его чаще всего встречал у Якова Михайловича, с которым Загорский был очень дружен еще с давних времен, с мальчишеских лет.

...Я и не заметил в горячке, когда приехал Феликс Эдмундович, всего вернее одним из первых, когда я вместе с другими разгребал развалины. Мы извлекли из-под обломков девять трупов, еще трое вскоре умерли от ран. Двенадцать человек было убито, погибло двенадцать большевиков: Загорский, Игнатова, Сафонов, Титов, Волкова... Пятьдесят пять человек было ранено, многие — серьезно.

Сразу по прибытии на место Феликс Эдмундович возглавил работы по спасению жертв катастрофы и одновременно начал расследование обстоятельств злодейского преступления. В сопровождении группы чекистов он тщательно обследовал садик, прилегавший к зданию МК со стороны Большого Чернышевского переулка, осмотрел все вокруг. Постепенно восстанавливалась вся картина.

Преступники, как видно, хорошо знали обстановку. Они проникли в сад через небольшую калитку, которая обычно была заперта, предварительно взломав замок.

Очутившись в саду, террористы метнули бомбу именно в то окно, против которого сидело больше всего народу, и поспешно скрылись. Бомбу они изготовили сами, начинив ее взрывчаткой страшной разрушительной силы.

Все это выяснилось, но кто подготовил взрыв, кто совершил это чудовищное злодеяние, кто повинен в гибели наших товарищей — ответа на эти вопросы пока не было. Правда, кое-какие факты говорили о многом. Не вызывало сомнения, что преступники неоднократно бывали в здании до взрыва, отлично знали дом, знали расположение комнат. Иначе чем объяснить, что бомба так точно была брошена?

Бывший особняк графини Уваровой, где помещался в 1919 году Московский комитет большевиков, ранее, в 1918 году, занимали ЦК и МК левых эсеров. Кто же, как не они, мог в совершенстве знать дом? Не среди ли левых эсеров следовало искать преступников? Так и поступила ЧК.

Вскоре было установлено, что одним из организаторов взрыва в Леонтьевском переулке является бывший член ЦК левых эсеров Донат Черепанов.

Шаг за шагом распутывали чекисты зловещий клубок. Оказалось, что взрыв был осуществлен преступной бандой так называемых «анархистов подполья», насчитывавшей около тридцати человек, занимавшихся грабежами, политическим бандитизмом, распространением антисоветских листовок. Были в составе банды и два меньшевика, а направлял ее борьбу против Советской власти эсер Черепанов.

Спустя некоторое время после взрыва вся банда была выявлена и ликвидирована.

* * *

Жизнь между тем шла своим чередом, каждый день выдвигая все новые вопросы, ставя новые задачи. Гибель товарищей вызывала не растерянность, не уныние,

а стремление работать еще плодотворнее, еще больше на благо общего дела, которому отдали свою жизнь товарищи, друзья, еще крепче защищать завоевания пролетарской революции. Врагов революции, пытавшихся организовать в Москве заговоры и мятежи, неизменно настигала суровая кара, со многими контрреволюционерами было покончено, но до полного разгрома белогвардейцев и интервентов было еще далеко, еще вовсю пылало пламя Гражданской войны.

В эти дни, осенью 1919 года, рвался к Москве Деникин. Белые захватили Курск, взяли Орел, подступали к Туле. Московская партийная организация объявила мобилизацию коммунистов на фронт. Становились под ружье коммунисты Питера, Иваново-Вознесенска, Тиери, Саратова, Симбирска... Сотни и тысячи коммунистов вливались в Красную Армию, цементируя и сплачивая ее ряды, увлекая бойцов личным примером, закладывая основы грядущей победы.

Вызвал меня как-то Николай Ильич Подвойский и предложил, чтобы я выделил сто человек курсантов на фронт. Я запротестовал. Не могу, говорю, мне тогда Кремль не с кем будет охранять... Подвойский, однако, настаивал, и я решил обратиться к Владимиру Ильичу. Выслушав мою жалобу, Ильич глянул на меня и покачал головой:

— Эх вы, чудаки-люди! Конечно, надо курсантов дать. Сейчас фронт — главное. Если белые дойдут до Москвы, Кремль поздно будет защищать, да и незачем. Нас с вами тогда рядом на телеграфных столбах повесят. Непременно.

Ильич на минуту задумался. Потом хитро улыбнулся, поманил меня пальцем и вполголоса, тоном заговорщика произнес:

— А знаете, батенька, что я думаю? Ведь контрреволюционерам-то у нас внутри, в Москве, Питере, по всей

стране, все труднее становится. Народ против них стеной идет. Да и основные кадры заговорщиков мы повыбили, а где же им новых, таких же матерых взять? Негде! Не в ту сторону жизнь идет! Остались, конечно, враги, и не мало. Будут нам пакостить и дальше, но чем дальше, тем меньше их будет. Глядишь, скоро сможем отказаться от крайних мер, будем все решительнее водворять законность. Думаю, что и Кремлю теперь не угрожает такая опасность, как прежде, а скоро, очень скоро никакая опасность не будет угрожать Кремлю. Так-то.

Владимир Ильич встал, вышел из-за стола, несколько раз прошелся по кабинету, остановился возле окна. Потом повернулся ко мне:

— Был тут у меня вчера один товарищ, весьма ответственный. Трудно, говорит, тяжело. Что-то дальше будет, удержимся ли? Смотришь на него, слушаешь и дивишься: до чего же у человека нервы расшалились! Трудно, конечно, и впереди тяжелого немало, только разве в этом главное? Главное в том, что каждый день, каждый час миллионы рабочих и крестьян на собственном опыте убеждаются в нашей правоте, и этот опыт — лучший учитель большевизму. Буржуазия старается затемнить сознание трудящихся силой и обманом, но все ее труды разлетаются, как карточный домик, перед растущим сознанием пролетариата и беднейшего крестьянства, и в этом вернейший залог нашей неминуемой победы.

Я молча стоял и, как зачарованный, слушал Ленина...

С.К. Гиль

ШЕСТЬ ЛЕТ С ЛЕНИНЫМ

Знакомство

Мое знакомство с Владимиром Ильичом произошло на третий день после Октябрьского переворота — 9 ноября 1917 года.

Вышло это так. Я работал в Петрограде в одном из крупных гаражей. Вечером 8 ноября меня вызвали в профессиональную организацию работников гаража и заявили:

— Товарищ Гиль, выбирай в своем гараже машину лучше и отправляйся утром к Смольному. Будешь работать шофером товарища Ленина!

От неожиданности я на время лишился языка. Имя Ленина было в то время у всех на устах. Питерские рабочие, которым посчастливилось услышать или увидеть Ленина, с гордостью рассказывали об этом, как о великом событии в своей жизни. И вдруг меня, беспартийного, — к Ленину в шоферы!

— Ну как, согласен? — спросили в комитете, видя мое замешательство.

— Конечно, согласен! — ответил я, хотя был охвачен сомнением: справлюсь ли я, не берусь ли за непосильное дело?

Но сомнение длилось недолго. Я был молод, полон энергии, отлично владел своей профессией. Октябрьскую революцию встретил с восторгом.

Я обещал оправдать доверие и ушел домой.

Все же меня всю ночь мучила тревога. Я мысленно готовился к первой встрече с Лениным.

Ровно в 10 часов утра мой лимузин «Тюрка-Мери» стоял уже у главного подъезда Смольного. Приближалась первая встреча с Лениным.

Небольшая площадь у Смольного представляла собой пеструю, оживленную картину. Стояло множество автомобилей и грузовиков. Тут же стояло несколько орудий и пулеметов. Кругом сновали вооруженные рабочие и солдаты. Были молодые, почти подростки, были и пожилые, бородачи. Все были возбуждены, суетились, куда-то торопились... Шум стоял невероятный.

В эти дни Петроград жил тревожной и лихорадочной жизнью. Боевые отряды рабочих и солдат двигались по всем направлениям. На улицах не смолкала беспорядочная стрельба, иногда слышались залпы, на которые, впрочем, мало кто обращал внимание.

Я сидел за рулем автомобиля и ждал. Какой-то человек в штатском приблизился ко мне и спросил:

— Вы к Ленину?

Получив утвердительный ответ, он добавил:

— Заводите машину, сейчас выйдет.

Через несколько минут на лестнице Смольного показались три человека: двое — крупного роста, из них один в военной форме, и третий — невысокий, в черном пальто с каракулевым воротником и шапке-ушанке. Они направились ко мне.

В голове пронеслась мысль: кто из них Ленин? К машине первым подошел невысокий в черном пальто, быстрым движением открыл дверцу моей кабины и сказал:

— Здравствуйте, товарищ! Как ваша фамилия?

— Гиль, — ответил я.

— Будем знакомы, товарищ Гиль, — и он протянул мне руку, — вы будете со мной ездить.

Он приветливо заглянул мне в глаза и улыбнулся. Первое впечатление, говорят, врезается в память на всю жизнь, и ни время, ни события не способны его выветрить. Это верно. Первого рукопожатия и первых слов Владимира Ильича мне не забыть никогда.

Усевшись в автомобиле со своими спутниками, Владимир Ильич попросил свезти его в Соляной городок. Там происходило большое собрание рабочих и интеллигенции.

Подъехав к месту, Владимир Ильич вышел из машины и быстро направился к собранию. Толпа узнала Ленина. Со всех сторон раздались возгласы: «Ленин приехал! Ленин!»

Выступление Владимира Ильича было встречено овацией; речь его часто прерывалась бурей аплодисментов, заглушавших отдельные выкрики врагов советской власти — меньшевиков и эсеров, — присутствовавших на собрании.

На обратном пути Владимир Ильич сел рядом со мною. Изредка я бросал на него взгляды. Несмотря не только что пережитое возбуждение, он был спокоен и немного задумчив.

Подъехав к Смольному, Владимир Ильич быстро вышел из машины и сказал:

— Пойдите, товарищ Гиль, закусите, выпейте чайку, я задержусь здесь еще. Ну, пока!

Это короткое «ну, пока!» Ленин неизменно говорил всякий раз, покидая автомобиль.

* * *

Так началось мое знакомство с Владимиром Ильичем Лениным, так началась моя работа при нем, продолжавшаяся до последних дней его жизни. Вскоре, однако, произошло событие, временно прервавшее мою работу при Ленине.

Однажды в полдень, возвращаясь с какой-то поездки, я подвез Владимира Ильича к зданию Смольного. Владимир Ильич отправился к себе; я же пошел в свою комнату завтракать. За машину я был вполне спокоен: я оставил ее по обыкновению у главного подъезда Смольного, во дворе, охраняемом круглые сутки красногвардейцами и вооруженными рабочими. Выхать со двора можно было, только имея специальный пропуск. Автомобиль Ленина знали все красногвардейцы.

Прошло менее получаса, я еще не допил свой чай, как в комнату вбежал кто-то из товарищей и крикнул

— Бегите вниз! Угнали машину Ленина!

Я опешил... Угнать машину со двора Смольного. И среди белого дня, на глазах у охраны. Нет, это какая-то ошибка!

— Уверю вас, товарищ Гиль, машины нет...

Я помчался вниз, к тому месту, где полчаса назад оставил автомобиль. Увы, это оказалось правдой. Машина действительно исчезла. Меня охватило возмущение и отчаяние. Это был беспрецедентный по своей наглости воровской поступок.

Я бросился к красногвардейцам и узнал, что минут пятнадцать назад машина Ленина беспрепятственно выехала со двора: сидевший за рулем предъявил, как потом выяснилось, подложный пропуск и умчал машину в неизвестном направлении.

«Как воспримет эту новость Владимир Ильич? — подумалось мне. — Ведь скоро снова ехать надо! Что будет?»

Я отправился к управляющему делами Совнаркома. Узнав о случившемся, он схватился за голову.

— Угнали! Что я скажу Владимиру Ильичу? И прибавил категорически:

— Докладывать не буду. Идите сами. Сознаюсь, меня не восхищала такая перспектива.

Бонч-Бруевич открыл дверь кабинета, и я очутился перед Лениным. Мой вид, очевидно, не предвещал ничего радостного.

— Это вы, товарищ Гиль? Что случилось?

Я стал рассказывать. Владимир Ильич терпеливо выслушал меня, не перебивая, без тени раздражения. Затем сощурил глаза, поморщился и начал прохаживаться по комнате. Он был явно огорчен.

— Безобразнейший факт, — сказал он наконец. — Вот что, товарищ Гиль: машину надо найти. Ищите ее, где хотите. Пока не найдете, со мной будет ездить другой.

Это было суровое наказание. Меня мучило сознание, что я не оправдал доверия Владимира Ильича. Кроме того, я испытывал чувство, очень похожее на ревность: ведь автомобиль может исчезнуть навсегда и место личного шофера Ленина тогда займет другой... Но больше всего угнетала мысль, что из-за моей оплошности Владимир Ильич остался без машины, к которой привык.

Было мало надежды отыскать машину в огромном Петрограде. Охрана города была не налажена, врагов и просто жуликов было множество. В те дни практиковался простой способ угона машин: украденный автомобиль переправлялся в Финляндию, а там без труда продавался.

Я забил тревогу. Надо было первым делом устранить возможность переправы автомобиля в Финляндию. На мостах и проездах была поставлена охрана. Начались энергичные поиски, не давшие, однако, в первые дни никаких результатов. Машину Ленина не удавалось найти.

С рассвета до ночи я был на ногах, обошел и объездил многие районы Петрограда. Несмотря на трудности поисков, я не терял надежды снова увидеть свою лимузин «Тюрка-Мери».

В моих розысках мне помогали чекисты, красногвардейцы и знакомые шоферы. Долгое время наши действия были похожи на поиски иголки в стоге сена. Наконец

удалось напасть на след, и наши розыски увенчались успехом. Автомобиль был обнаружен на окраине города, в сарае одной из пожарных команд. Машина была хорошо запрятана и завалена рухлядью. В тот же день были найдены и арестованы организаторы этого наглого воровства. Они оказались работниками той же пожарной команды. Их план был задуман довольно хитро: выждать, пока прекратятся поиски, затем перекрасить автомобиль и угнать в Финляндию.

Машина оказалась почти без повреждений. Я сел в нее и во весь дух понесся к Смольному. Счастливый, вбежал я к Бонч-Бруевичу:

— Владимир Дмитриевич, полная победа! Машина найдена и стоит внизу!

Бонч-Бруевич обрадовался не меньше, чем я.

— Пойдемте вместе докладывать Владимиру Ильичу, — сказал он.

Увидев нас, Владимир Ильич сразу понял, с чем мы явились.

— Ну, поздравляю вас, товарищ Гиль, — сказал Ильич, как только мы вошли в кабинет. — Нашли, ну и прекрасно! Будем снова ездить вместе.

Я вернулся к своим обязанностям.

* * *

В первой половине марта 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву.

В первые месяцы Владимир Ильич иногда разрешал себе удовольствие: после напряженного дня в одиночку, без охраны, гулять по затихшим от суеты улицам.

Однажды в полночь Ленин приехал к зубному врачу на Чистые пруды. Выходя из машины, он сказал мне:

— Поезжайте домой, машина мне не нужна.

Но я не уехал и, стоя в отдалении, ждал Ильича. Вскоре он вышел и, не замечая меня, медленно пошел по Мясницкой улице в сторону Кремля. Я следовал за ним на расстоянии, не выпуская его из виду.

Идет по улице Владимир Ильич, смотрит по сторонам, останавливается у витрин магазинов, у объявлений и театральных афиш. Прохожие не замечают его.

Двое мужчин остановились, и я услышал голос:

— Смотри — никак Ленин! — и глядят ему, вслед. — Ей-богу, Ленин!

А Владимир Ильич все шел и шел не торопясь. Так и дошел он до ворот Кремля и исчез во тьме.

А на следующий день он делился впечатлениями о вчерашней ночной прогулке: с удовольствием погулял.

Покушение на Ленина

...Шел 1918 год. Очень тревожное было время. Советская Россия жила лихорадочной и донельзя напряженной жизнью, — жизнью страны в первый год величайшей в мире революции.

В стране был жестокий голод. После только что закончившейся империалистической войны началась гражданская война. Рабочие и крестьяне, уставшие и изголодавшиеся, сражались на фронтах, отстаивая грудью завоевания Великой Октябрьской социалистической революции от контрреволюционных армий интервентов. Белогвардейцы бросали бомбы из-за угла, устраивали восстания, покушения. Их пули отняли у революции Володарского и Урицкого.

В те дни Владимир Ильич почти ежедневно выезжал на многочисленные открытые митинги. Проходили они на заводах, фабриках, площадях, военных частях. Случалось,

что Ленин в течение одного дня выступал на двух-трех митингах.

Митинги были открытые в буквальном смысле слова: ворота предприятия, где они происходили были широко распахнуты для всех и каждого. Больше того: у ворот вывешивались огромные плакаты с гостеприимным приглашением посетить митинг, на котором выступит с речью Ленин.

Жизнь Владимира Ильича по несколько раз в день подвергалась смертельной опасности. Эта опасность усугублялась еще тем, что Владимир Ильич категорически отказывался от какой бы то ни было охраны. При себе он никогда не носил оружия (если не считать крошечного браунинга, из которого он ни разу не стрелял) и просил меня также не вооружаться. Однажды, увидев у меня на поясе наган в кобуре, он ласково, но достаточно решительно сказал:

— К чему вам эта штука, товарищ Гиль? Уберите-ка ее подальше!

Однако револьвер я продолжал носить при себе, хотя тщательно скрывал его от Владимира Ильича. Наган находился у меня под рубашкой за поясом, без кобуры.

В тот роковой день — 30 августа 1918 года — мы совершили с Владимиром Ильичом несколько выездов. Побывали уже на Хлебной бирже, где состоялся митинг. Народу собралось очень много. Владимир Ильич выступил по обыкновению с большой и горячей речью. Никто не подозревал, что уже здесь, на Хлебной бирже, за Лениным шла слежка и готовилось покушение. Это выяснилось через несколько дней на следствии.

Часов в шесть вечера мы покинули Хлебную биржу и поехали на завод бывший Михельсона, на Серпуховской улице. На этом заводе мы бывали и раньше несколько раз.

Владимир Ильич был спокоен, ровен, как всегда, только иногда озабоченно щурил глаза и морщил лоб. И неуди-

вительно! Этот день был у него особенно занят. Утром — прием в Совете Народных Комиссаров, затем — совещание, за ним — только что состоявшийся митинг, после него — другой митинг, куда мы мчались, а через два часа в кабинете Ильича должно было начаться под его председательством заседание Совета Народных Комиссаров.

Когда мы въехали во двор, митинг на заводе Михельсона еще не начался. Все ждали Ленина. В обширном гранатном цехе собралось несколько тысяч человек. Как-то получилось, что никто нас не встречал: ни члены завкома, ни кто-либо другой.

Владимир Ильич вышел из автомобиля и быстро направился в цех. Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я. Она нервно засмеялась и сказала:

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода.

Мелькнула мысль: — Что она ко мне привязалась? Такая настойчивая!» Но так как любопытствующих узнать,

кто приехал, бывало всегда много, иногда даже обступали машину со всех сторон, то я не обратил особого внимания на поведение и слова этой женщины.

Спустя примерно час из завода вышла первая большая толпа народу — главным образом рабочие — и заполнила почти весь двор. Я понял, что митинг кончился, и быстро завел машину. Владимира Ильича еще не было.

Через несколько минут во дворе появилась новая большая толпа народа, впереди нее шел Владимир Ильич. Я взялся за руль и поставил машину на скорость, чтобы можно было двинуться в любую секунду.

Направляясь к машине, Владимир Ильич оживленно разговаривал с рабочими. Они засыпали его вопросами, он приветливо и обстоятельно отвечал и, в свою очередь, задавал какие-то вопросы. Очень медленно подвигался он к автомобилю. В двух-трех шагах от машины Владимир Ильич остановился. Дверка была открыта кем-то из толпы.

Владимир Ильич разговаривал с двумя женщинами. Речь шла о провозе продуктов. Я хорошо расслышал его слова:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий заградительных отрядов, но это все, безусловно, устранился.

Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич хотел сделать последние шаги к подножке машины, вдруг раздался выстрел.

Я в это время смотрел на Владимира Ильича. Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась в грудь Владимира Ильича.

Раздался еще один выстрел. Я мгновенно застопорил мотор, выхватил из-за пояса наган и бросила к стреляв-

шей. Рука ее была вытянута, чтобы произвести следующий выстрел. Я направил дуло моего нагана ей в голову. Она заметила это, рука ее дрогнула, и в ту же секунду раздался третий выстрел. Третья пуля, как потом выяснилось, попала в плечо одной из стоявших там женщин.

Еще миг, и я бы выстрелил, но злодейка, стрелявшая в Ленина, кинула свой браунинг мне под ноги быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом было много народу, и я не решился стрелять ей вдогонку: можно было убить кого-нибудь из рабочих.

Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, в тут и голове мелькнула мысль: «А как же Владимир Ильич?.. Что с ним?» Я остановился. Несколько секунд стояла страшная мертвая тишина. Потом вдруг раздался голос со всех сторон: «Убили! Ленина убили!» Вся толпа разом бросилась со двора догонять убийцу. Образовалась страшная давка. Я обернулся к автомобилю и замер: Владимир Ильич лежал на земле в двух шагах от машины. Я бросился к нему. За эти секунды битком набитый двор опустел, а стрелявшая скрылась в толпе.

* * *

Я опустился перед Владимиром Ильичом на колени, наклонился к нему. Какое счастье: Ленин был жив, он даже не потерял сознания.

— Поймали его или нет? — спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина.

Говорил Владимир Ильич с трудом, изменившимся голосом, с каким-то хрипом. Я сказал ему:

— Не говорите, вам тяжело...

В эту секунду поднимаю голову и вижу, что из мастерской бежит к нам какой-то мужчина в матросской фуражке. Левой рукой он неистово размахивал, а правую держал в кармане. Бежал он стремглав, прямо на Владимира Ильича.

Его фигура и весь его вид показались мне крайне подозрительными, и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно его голову, почти лег на него.

— Стой! — закричал я изо всех сил, направив на бежавшего револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я еще раз крикнул:

— Стой! Стреляю!

Не добежав нескольких шагов до Владимира Ильича, он круто повернул налево и бросился бегом в ворота, не вынимая руки из кармана. В это время ко мне подбежала сзади какая-то женщина с криком:

— Что вы делаете? Не стреляйте!

Очевидно, она думала, что я хочу стрелять во Владимира Ильича.

Не успел я ей ответить, как у мастерских раздался крик:

— Это свой, свой!

Я увидел троих мужчин, бегущих ко мне с револьверами в руках. Я опять закричал:

— Стойте! Кто вы? Стрелять буду!

Они тотчас же ответили:

— Мы — заводской комитет, товарищ, свои...

Присмотревшись, я узнал одного из них: я видел его раньше, когда мы приезжали на завод. Они подошли к Владимиру Ильичу. Все это произошло очень быстро, в одну-две минуты.

Кто-то из них настаивал, чтобы я вез Владимира Ильича в ближайшую больницу. Я решительно ответил:

— Ни в какую больницу не повезу. Везу домой.

Владимир Ильич, услышав наш разговор, сказал:

— Домой, домой...

Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам с нашей помо-

щью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Раньше чем сесть за руль, я остановился и посмотрел на Владимира Ильича. Лицо его было бледно, глаза полужакрыты. Весь он притих. Сердце сжалось у меня, как от физической боли, к горлу подступило что-то... С этой минуты он стал для меня особенно близким и дорогим, как становятся нам дороги родные люди, которых мы вдруг можем навеки потерять.

Но размышлять было некогда, надо было действовать. Жизнь Владимира Ильича должна быть спасена.

Двое товарищей сели в машину: один со мной, другой рядом с Ильичом. Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога.

По пути я несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. Он с половины дороги откинулся всем туловищем на спинку сиденья, но не стонал, не издавал ни одного звука. Лицо его становилось все бледнее. Товарищ, сидевший внутри, немного поддерживал его. Въезжая в Троицкие ворота, я не остановился, а только крикнул часовым: «Ленин!» — и проехал прямо к квартире Владимира Ильича.

Чтобы не привлекать внимания людей, проходивших и стоявших неподалеку от парадных дверей дома, где жил Владимир Ильич, я остановил машину у боковых дверей, за аркой.

Здесь мы все трое помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Он вышел при нашей поддержке, видимо страдая от боли. Я обратился к нему:

— Мы вас внесем, Владимир Ильич...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и убеждать его, что ему трудно и вредно двигаться, особенно подниматься по лестнице, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал:

— Я пойду сам...

И, обращаясь ко мне, прибавил:

— Снимите пиджак, мне так легче будет идти.

Я осторожно снял с него пиджак, и он, опираясь на нас, пошел по крутой лестнице на третий этаж. Поднимался он совершенно молча, я не слышал даже вдоха. На лестнице нас встретила Мария Ильинична. Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня.

Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойся, ничего особенного... Немного ранен в руку.

Из другой комнаты я позвонил управляющему делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевичу и стал ему рассказывать о случившемся. Он едва дослушал меня — надо было, не теряя ни секунды, принимать меры.

В квартиру Ленина пришел Винокуров, народный комиссар социального обеспечения, приехавший на заседание Совета Народных Комиссаров. Скоро прибежал и Бонч-Бруевич.

Владимир Ильич лежал на правом боку и очень тихо стонал. Разрезанная рубашка обнажала грудь и левую руку, на верхней части которой виднелись две ранки. Винокуров смазал ранки йодом.

Владимир Ильич открыл глаза, болезненно посмотрел вокруг и сказал:

— Больно, сердцу больно...

Винокуров и Бонч-Бруевич пытались успокоить Ильича:

— Сердце ваше не затронуто. Раны видны на руке и только. Это отраженная нервная боль.

— Раны видны?.. На руке?

— Да.

Он затих, закрыв глаза. Через минуту он застонал очень тихо, сдержанно, точно боясь кого-то побеспоко-

ить. Лицо его стало еще бледней, и на лбу появился желтоватый восковой оттенок. Присутствующих охватил ужас: неужели Владимир Ильич покидает нас навеки? Неужели смерть?..

* * *

Бонч-Бруевич позвонил в Московский Совет и попросил дежурного члена Совета и бывших там товарищей тотчас же ехать за врачами. Передал по телефону: нужны немедленно врачи — Обух, Вейсброд и еще хирург. Кому-то было поручено привезти подушки с кислородом, разыскав их в московских аптеках. В Кремле еще не была организована медицинская помощь: не было ни аптеки, ни больницы, и за всем надо было посылать в город.

Позвонил Я. М. Свердлов, которому только что сообщили о ранении Владимира Ильича. Бонч-Бруевич рассказал ему в нескольких словах о случившемся и попросил пригласить немедленно опытного хирурга. Яков Михайлович сообщил, что сейчас же пошлет за профессором Минцем, и вскоре сам пришел.

Мария Ильинична обратилась ко мне с просьбой сообщить Надежде Константиновне о несчастье как можно осторожней. Надежда Константиновна была в Народном комиссариате просвещения и ничего еще не знала. Когда я спускался во двор, меня догнал кто-то из Совета Народных Комиссаров, чтобы вместе идти предупредить Надежду Константиновну.

Мы ждали ее во дворе. Вскоре она подъехала. Когда я стал приближаться к ней, она, видимо догадавшись по моему взволнованному лицу, что случилось нечто ужасное, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите — жив или убит?

— Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен, — ответил я.

Она постояла секунду и пошла наверх. Мы молча провозжали ее до самой постели Владимира Ильича. Он лежал в беспамятстве.

Пришла Вера Михайловна Величкина — жена Бонч-Бруевича, врач. Она выслушала пульс Ильича, вприснула ему морфий и посоветовала не трогать его до прихода хирургов, только снять обувь и, поскольку возможно, раздеть.

Случилось так, что, передавая друг другу пузырек с нашатырным спиртом, его уронили и разбили. Комната быстро наполнилась острым запахом нашатыря, Владимир Ильич вдруг очнулся и сказал:

— Вот хорошо...

Он вздохнул и опять забылся. Очевидно, нашатырь его освежил, а морфий несколько успокоил боль.

Появился профессор Минц. Не здороваясь ни с кем, не теряя ни одной секунды, он прямо подошел к Владимиру Ильичу, взглянул ему в лицо и отрывисто сказал:

— Морфий!

— Уже вприснут, — ответила Вера Михайловна.

Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минут задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Где другая? Крупные сосуды не тронуты. Другой нет. Где же другая?..

Вдруг глаза профессора сосредоточенно остановились, лицо застыло. Отшатнувшись и страшно побледнев, он стал торопливо ощупывать шею Владимира Ильича.

— Вот она!

Он указал на противоположную, правую, сторону шеи. Доктора переглянулись, многое стало им ясно. Возцарилось гнетущее молчание. Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он.

Вскоре я покинул квартиру Ленина. Хотя ранение было тяжелое и положение раненого очень серьезное, я старался успокоить себя: врачи помогут, организм у Владимира Ильича крепкий, сердце выносливое. Я и мысли не хотел допустить о смерти Ленина.

Через два-три дня стало окончательно известно: Владимир Ильич будет жить!

* * *

В первую же ночь после покушения выяснились некоторые подробности этого события.

Стрелявшая Фанни Каплан оказалась членом группы эсеров-террористов. Руками этой же злодейской шайки были убиты в Петрограде Урицкий и Володарский.

После выстрелов во Владимира Ильича покушавшаяся выбежала вместе с толпой со двора завода. Люди бежали, не зная сначала, кто стрелял во Владимира Ильича. Смешавшись с толпой, террористка рассчитывала незаметно скрыться. На улице, неподалеку от завода, ее ожидал рысак. Но воспользоваться рысаком ей не удалось. Ребятишки, бывшие во дворе во время покушения, гурьбой бежали за Каплан и кричали, указывая на нее:

— Вот она! Вот она!

Благодаря сметливости ребятишек удалось задержать убийцу. Несколько человек догнали ее у трамвайной стрелки и привели на заводской двор. Толпа была воз-

мущена, многие рвались к ней с угрожающим видом, она была бы тут же растерзана, но группа рабочих сдерживала натиск. Кто-то увещевал:

— Что вы делаете, товарищи? Ее надо допросить!

Через час бандитка Каплан была уже в ВЧК.

Мужчина в матросской фуражке, бежавший Владимиру Ильичу после выстрелов Каплан, тоже был вскоре арестован. Он оказался сообщником террористки.

Здоровый организм Ленина и исключительна уход за ним во время болезни сделали свое дело: через две-три недели Владимир Ильич уже снова председательствовал на заседаниях Совета Народных Комиссаров.

Через несколько месяцев Владимир Ильич, вполне здоровый и бодрый, снова выступал на митинге перед рабочими того же завода бывшего Михельсона. Радости рабочих не было границ. Первый их вопрос был:

— Как ваше здоровье, Владимир Ильич?

— Спасибо. Очень хорошо, — ответил, улыбаясь, Ленин.

Митинг начался. Рабочие снова слышали пламенную, вдохновенную речь своего вождя...

Ответственные сотрудники Совета Народных Комиссаров решили тайком от Ленина заснять его на киноплёнку. Ильич только что оправился после ранения, и было важно показать народу, что Владимир Ильич здоров и бодр. Съёмки были поручены опытному кинооператору. Ему предложили заснять Владимира Ильича так, чтобы он этого не заметил. Все знали, что иначе из всей затеи ничего не получится. Ильич ни за что не согласится сниматься для кино.

Был солнечный день, когда было решено осуществить «операцию». Главный кинооператор и его помощники разместились в разных уголках Кремля по маршруту асфальтовой дорожки, а также у Царь-пушки и у здания арсенала. Здесь намечалась прогулка Владимира Ильича.

Сопровождал Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома и старый друг Ильича. Бонч-Бруевич старался увлечь Владимира Ильича разговором, дабы тот не заметил наведенных на него аппаратов.

Когда съемки были наполовину сделаны, Ленин круто повернулся, чтобы вернуться в свой кабинет и вдруг заметил кинооператоров с их треножниками.

— Что это? — недоуменно спросил Владимир Ильич. — Куда они бегут? И что это у них за плечами? Погодите, да ведь это киношники!

Бонч-Бруевич не мог отпираться и подтвердил, что это действительно «киношники».

— Так это меня снимать вздумали? Вот еще что! Кто им разрешил? И почему меня не предупредили?

— Очень просто, Владимир Ильич, — вы не согласились бы сниматься, а это совершенно необходимо.

— Да, это верно, — сказал Владимир Ильич, я бы не согласился. Выходит, вы меня надули?

Он посмотрел кругом и прибавил:

— Да тут, вижу, целый киношный заговор! Ловко-ловко вы меня провели, — и добродушно расхохотался. — Ну, если это нужно, — так и быть, прощаю вас.

Спустя некоторое время в Кремле был показан маленький фильм «Прогулка Владимира Ильича в Кремле». Ильич шутил и смеялся, глядя на экран, и вспоминал, как «ловко его опутали» и все-таки сняли.

Вскоре киножурнал был выпущен на экраны Москвы и других городов. Зрители всюду встречали образ Владимира Ильича с бурным восторгом и аплодисментами.

* * *

А в начале 1919 года произошло еще одно очень неприятное происшествие.

Это случилось 19 января 1919 года. Зима бы в том году вьюжная, Москву замело снегом. На улицах образовались снежные сопки и ухабы.

В тот памятный воскресный вечер мы отправили в Сокольники. Владимир Ильич ехал в одну из лесных школ, где отдыхала Н. К. Крупская. Там был детский праздник и Владимира Ильича с нетерпением ждали.

Мы ехали в Сокольники не через Красные ворота, а по Орликову переулку. В нескольких саженях от Каланчевской площади мы вдруг услышали грозный крик:

— Стой!

Кричал какой-то субъект в шинели. Я прибавил ходу и круто взял поворот. Владимир Ильич спросил:

— В чем дело?

Я ответил, что какой-то неизвестный, должно быть, пьяный, преградил нам путь. Проехали благополучно вокзалы, но когда стали подъезжать к Калининскому заводу, на середину дороги выскочило несколько человек с револьверами в руках.

— Стой! Машину остановить! — раздался крик.

Я вижу, что по форме не патруль, и продолжаю ехать прямо на них. Неизвестные повторили свой окрик:

— Стой! Будем стрелять!

Я хотел «проскочить», но Владимир Ильич потребовал, чтобы я остановил машину. Он думал, что это милиционеры, проверяющие документы.

Поравнявшись с мостом, я затормозил. Машина остановилась. К нам подбежали несколько возбужденных типов с револьверами в руках и приказали:

— Выходите! Живо!

Владимир Ильич приоткрыл дверцу и спросил:

— В чем дело?

Один из нападавших крикнул:

— Выходите, не разговаривайте!

Бандит схватил Владимира Ильича за рукав и резко дернул к себе. Выйдя из машины, Ильич недоуменно повторил свой вопрос:

— В чем дело, товарищи? Кто вы? — и достал пропуск.

Мария Ильинична и Чебанов, сопровождавшие Ленина, также вышли из машины, еще не понимая, что происходит. Двое бандитов стали около Владимира Ильича, по бокам, направив дула револьверов в висок.

— Не шевелись!

Один из бандитов зашел спереди, схватил Владимира Ильича за лацканы пальто, распахнул его и мигом, профессиональным жестом, выхватил из боков кармана бумажник, в котором хранились документы Ленина, и маленький браунинг.

Я в это время сидел на своем месте за рулем, держа в руке заряженный пистолет. Приходилось сдерживать себя, чтобы не стрелять в бандитов. Мои пули уложили бы одного из двух налетчиков, но неизбежно кончилось бы пальбой с их стороны. Подвергать опасности жизнь Владимира Ильича я мог.

Мария Ильинична, не сообразив сразу, что это грабители, возмущенно обратилась к ним:

— Какое право вы имеете обыскивать? Ведь это же товарищ Ленин! Предъявите ваши мандаты!

— Уголовным никаких мандатов не надо, — ответил один из налетчиков. — У нас на все право есть.

Очевидно, они не расслышали слов Марии Ильиничны и слово «Ленин» прошло мимо их ушей.

Бандиты заметили меня, сидящего за рулем, потребовали, чтобы я немедленно вышел наружу. Свои требования они подкрепили угрозой револьвера. Было обидно, что я, вооруженный и достаточно сильный, не могу противиться наглым преступникам. Я сознавал одно: жизнью Ленина рисковать нельзя.

Один из бандитов сел на мое место, остальные вскочили на подножку машины. Она стремительно сорвалась с места. За рулем сидел, по-видимому, очень опытный шофер — это я заметил по его движениям. Машина скрылась из виду.

— Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину.

И тут же добавил:

— Верно поступили вы, товарищ Гиль, что не стреляли. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись.

Тут только мы обратили внимание, что Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, мы все расхохотались.

* * *

Решили отправиться в Совет Сокольнического района и оттуда позвонить в Кремль, в ВЧК.

— Неужели Совет находится неподалеку? — удивился Владимир Ильич.

Нам указали на двухэтажный дом за мостом. Ильич развел руками и после короткой паузы сказал:

— Грабят под боком у Совета. Просто чудовищно!

Мы отправились к Совету. Как и следовало ожидать, часовой наотрез отказался впустить нас без пропусков. Владимир Ильич попытался сломить упорство часового:

— Я не могу удостоверить свою личность, у меня отобрали все документы. Ограбили, отняли машину в двух шагах от вас. Мы хотим только позвонить, чтобы нас доставили на место.

Но часовой продолжал упорствовать. Владимир Ильич начал терять терпение.

— Я — Ленин, — решительно заявил он, — но доказать это ничем не могу. Вот мой шофер, у него документы, вероятно, уцелели, и он удостоверит мою личность.

Часовой опешил. Он опустил винтовку и застыл на месте. Я показал ему свои документы, он механически потрогал их руками, посмотрел несколько раз на Владимира Ильича и безмолвно пропустил нас в здание.

В Совете никого не было. Я прошел несколько пустых комнат и очутился в коммутаторной. Там дремал телефонист. Я спросил его, нет ли кого-нибудь дежурных. Оказалось — ни души. Я попросил вызвать председателя или заместителя.

Через некоторое время пришел председатель и обратился к нам:

— Кто вы? Чем могу вам служить?

Владимир Ильич назвал себя и сказал:

— Хорошие у вас порядочки — грабят людей на улице, под носом у Совета, — и прибавил: — Разрешите позвонить по телефону, вызвать машину.

— Пожалуйста в кабинет, товарищ Ленин, — взволнованно сказал председатель.

Владимир Ильич поручил мне позвонить лично Дзержинскому. Я вызвал Феликса Эдмундовича. Его не было. К телефону подошел его заместитель. Я рассказал о происшедшем. Потом передал трубку Владимиру Ильичу. Он просил принять срочные меры для задержания машины и выразил возмущение скверной охраной города. Из ВЧК, видимо, задали вопрос, не политическое ли это дело.

— Только не политическое, — категорически ответил Ленин, — иначе они меня застрелили бы. Они хотели просто ограбить нас.

Я позвонил на автобазу Кремля и вызвал машину с охраной.

Ожидая автомобиль, Владимир Ильич прохаживался по комнате и говорил вполголоса:

— Терпеть такое безобразие дальше нельзя. Надо энергично взяться за борьбу с бандитизмом. Немедленно!

И обратился ко мне:

— А машину, товарищ. Гиль, надо найти. Всеми средствами!

Я высказал уверенность, что пропажа будет найдена еще этой ночью. Владимир Ильич остановился, сощурился и сказал:

— Сомневаюсь!

— А я уверен в этом. Им некуда скрыться из города. Дороги сейчас не проезжие, они будут кружить по городу, завязнут в снегу. Все машины проверяются.

— Ну, посмотрим, — улыбнулся Ильич.

Вскоре подошла ожидаемая машина, и Владимир Ильич с Марией Ильиничной уехали в Сокольники. Я отправился на поиски автомобиля.

В ВЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена в противоположной части города — у Крымского моста. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. В эту ночь было схвачено много различных преступников.

На допросе бандиты говорили, что, отъехав немного от ограбленных, они стали рассматривать документы и, сообразив, что в их руках был Ленин, повернули якобы назад, чтобы убить его. За убийство Ленина была обещана врагами Советской страны крупная сумма. Один из бандитов, Яков Кошельков, будто рассказывал, как они ругали себя за «промах»:

— Что мы сделали, ведь это ехал сам Ленин! Догоним и убьем его! Будут обвинять не уголовных, а политических, может и переворот произойти!..

Встречи с народом

С первых же дней пребывания Советского правительства в Москве Владимир Ильич стал часто высылать на многолюдных митингах, собраниях, и встречах с рабочими, крестьянами, учеными, военными. Были дни, когда он

выступал перед москвичам по два и даже по три раза в день. Сожалею, что не вел дневника наших поездок и многое позабыл, но все же кое-что осталось в памяти.

Выступая в августе 1918 года на собрании рабочих кунцевских предприятий, Ленин говорил о необходимости тесного союза рабочего класса с крестьянством, об укреплении власти Советов и призывал трудящихся Кунцева оказывать всемерную помощь воюющей с врагами революции Красной Армии.

К Владимиру Ильичу подошла группа юношей. Впереди — молодой кудрявый парень. Он обратился к гостю:

— Просим прощения, товарищ Ленин, хотим обратиться к вам с важным делом...

Владимир Ильич насторожился:

— Пожалуйста, говорите, я слушаю вас. Вы кто?

— Мы, значит, местные парни, из рабочих, — начал кудрявый, — хотим объединиться и пойти на фронт гражданской войны. Не скажете, куда обратиться. Или, может, зря беспокоим вас, товарищ Ленин?

Владимир Ильич помолчал, обвел пристальным взглядом всех пареньков и ободряюще улыбнулся:

— Нет, друзья мои, не зря вы обратились ко мне. Мысль наша хорошая, дельная, и я помогу вам. Вы настоящие пролетарские сыновья, и защищать наши революцию — ваш прямой долг.

Владимир Ильич вырвал из записной книжки листок, что-то быстро написал карандашом и передал кудрявому пареньку. Тот поблагодарил и отошел в сторону.

Весной 1919 года Владимир Ильич дважды приезжал в Кунцево. На большом собрании рабочих Ленин и на этот раз рассказывал о положении на фронтах. Он призывал рабочих защищать Советскую страну от интервентов. Речь его, как всегда, была пламенной, страстной и в то же время простой и доходчивой.

После выступления Владимира Ильича рабочие Кунцева сформировали и отправили на фронт несколько отрядов добровольцев.

В 1920 году Владимир Ильич присутствовал на собрании рабочих и крестьян Кунцевской волости. Он выступил с речью о международном и внутреннем положении страны.

По окончании собрания к Ленину приблизилась группа крестьянок и попросила разрешения прислать ему в Кремль немного продуктов.

— Москва-то голодает! — говорили крестьянки. — Слышали мы, что и вы, товарищ Ленин, недоедаете. Правда это? Позвольте прислать вам кое-чего, угостить вас, если не обидитесь.

Владимир Ильич рассмеялся и успокоил женщин:

— Спасибо, спасибо, но должен отказаться. В Москве действительно не густо с продовольствием, как и во всей стране, но что поделаешь. Уж лучше вы, если располагаете излишками, угостите детвору, в детские дома, в ясли присылайте. Вот за это скажу вам спасибо. А я обойдусь!

Женщины пообещали прислать муку и крупу в детскую больницу и пригласили Владимира Ильича вновь приехать.

Вскоре Ленин уехал в Москву, провожаемый огромной толпой.

* * *

Осенью 1919 года Владимир Ильич посетил московский госпиталь, расположенный где-то в районе Грузинских улиц.

В тяжелом положении находилась тогда молодая Советская республика. В стране голод, холод, свирепствовал сыпной тиф. Белогвардейские полчища Деникина подходили к Туле, банды Юденича рвались к Петрограду.

Партия мобилизовала все силы народа, чтобы отбить яростные атаки контрреволюции. Вся страна превратилась в военный лагерь. Фабрики и заводы посылали своих лучших людей на фронт. У всех одна мысль — выстоять, во что бы то ни стало защитить завоевания великого Октября.

Все больницы и госпитали Москвы были переполнены больными и ранеными. Несмотря на отсутствие медикаментов и плохое питание, медработники делали все, чтобы больные и раненые воины быстро поправлялись.

Владимир Ильич постоянно интересовался жизнью госпиталей, их нуждами, положением больных и медицинского состава. Он часто посещал госпитали и больницы, и каждый его приезд, естественно, превращался в большое и памятное событие для лечебного учреждения — для больных и врачей.

Однажды к Ильичу явилась делегация военного госпиталя и попросила посетить раненых воинов. Ленин выслушал делегацию и просил передать раненым красноармейцам, что их просьбу он охотно исполнит.

И вот, несколько дней спустя, в госпиталь приехал наркомздрав Н. А. Семашко и сообщил, что скоро сюда прибудет Владимир Ильич.

И действительно, часов в шесть вечера к подъезду госпиталя подъехала автомашина. Я привез Владимира Ильича Ленина и Надежду Константиновну Крупскую. Их встретили у дверей и проводили в госпиталь. Пригласили и меня.

— Как чувствуют себя красноармейцы, — спросил Ленин, — много ли раненых командиров, как кормят больных, где получают продукты, во что одевают выздоравливающих, когда они выписываются, где и как хранится одежда?

Затем Владимир Ильич расспросил о работе коммунистической ячейки. Интересовался он всем подробно.

А когда ознакомился с положением в госпитале, пожелал побеседовать с ранеными воинами. Ему доложили, что сейчас будет ужин, а после ужина всех, кто в состоянии ходить, соберут в красном уголке.

Ленин вместе с ранеными пошел в столовую, попросил подать себе ужин из общего котла. На ужин в тот день была перловая каша с сахаром. Масла бы достать трудно, и его заменяли сахаром.

Надежда Константиновна расспрашивала, чем здесь кормят слабых больных. Ей ответили, что дают манную кашу или морковь с сахаром. Она посоветовала готовить перловую кашу без сахара, а сахар давал отдельно, а манную кашу и морковь хорошо приготавливать с сахаром.

Завязалась общая беседа: Ильичу наперебой выкладывали все нужды. Ленин внимательно всех выслушивал, давал советы, обещал помочь, чем сумеет.

Тут же он высказал мысль, что следовало бы создать журнал «Раненый красноармеец», который отражал все нужды раненых воинов.

После ужина в красном уголке собрались все раненые. Даже некоторых тяжело больных, по их требованию, пришлось принести сюда на носилках. Владимира Ильича встретили бурными аплодисментами, которые долго не смолкали, возобновляясь каждый раз с новой силой.

Обращаясь к больным и раненым воинам, комиссар госпиталя сказал, что товарищ Ленин порадовал их своим приходом, и предоставил ему слово. Опять вспыхнула долго не смолкавшая овация. Наконец успокоились.

Владимир Ильич вышел вперед и сказал:

— Дорогие товарищи, ваш комиссар неправильно доложил: не я вас порадовал своим приездом, а вы меня. Я счастлив, что имею возможность сегодня быть с вами. И рад побеседовать с вами, узнать о ваших нуждах, рассказать вам о положении нашей республики.

Полтора часа продолжалась оживленная беседа В. И. Ленина с ранеными красноармейцами.

Владимир Ильич рассказал об успехах нашей армии на фронте, о разгроме Юденича под Петроградом и первых победах над войсками Деникина.

Останавливаясь на трудностях, Ленин сказал, что наш героический народ сейчас терпит нужду и голод. Все, что есть, отдается Красной Армии, все идет для обеспечения победы, чтобы отстоять завоеванную свободу. Но как только мы разделаемся с контрреволюцией и Антантой, а это уже не за горами, наш народ будет самый счастливый. Все, что мы переживаем и терпим сейчас, — это борьба за счастье и свободу народа.

После выступления Владимир Ильич тепло прощался с больными и ранеными красноармейцами, пожелал им скорейшего выздоровления. Но он не уехал из госпиталя. Ленин внимательно просмотрел список тяжело больных и, хотя времени осталось мало, он все же зашел к ним в палаты.

Провожать Ленина вышел весь медицинский персонал. В вестибюле, будучи уже одетым, Ленин обратился к ним:

— Вам выпала большая историческая миссия, вы лечите защитников революции и свободы. Сделайте все, чтобы они быстрее выздоравливали и покинули госпиталь. Этим вы внесете свой большой вклад в дело революции. Советская власть и сами красноармейцы и командиры будут вам благодарны.

Затем Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Н. А. Семашко уехали. А вскоре вышел декрет Совнаркома о создании Чрезвычайной комиссии по улучшению дела в военных госпиталях и об обеспечении больных и раненых красноармейцев.

Созданная В. И. Лениным Чрезвычайная военная санитарная комиссия при Реввоенсовете республики проде-

лала большую работу и улучшила постановку лечебного дела и питания в госпиталях страны.

* * *

Крестьяне деревни Кашино Волоколамского уезда пригласили однажды Владимира Ильича на торжество открытия электростанции, построенной жителями двух деревень.

Было это 14 ноября 1920 года. Владимир Ильич в сопровождении Надежды Константиновны поехал в Кашино. Дорогу мы не знали. Проезжая через Волоколамск, я остановил машину около постового милиционера, чтобы узнать, куда ехать дальше. Невдалеке стоял красноармеец. Владимир Ильич обратился к нему и спросил, знает ли он дорогу в Кашино. Получив утвердительный ответ, Владимир Ильич попросил его доехать с нами, обещав доставить его обратно в Волоколамск.

Красноармеец, кажется Семенов по фамилии, узнав из нашего разговора с постовым милиционером, что с ним говорит Ленин, с радостью согласился, и мы поехали.

Когда мы остановились в Кашино, нас со всех сторон окружили крестьяне.

Ленин и Крупская вышли из машины и вошли в избу. Я следовал за ними. Владимир Ильич со всеми поздоровался за руку. Кто-то хотел помочь ему снять пальто, но Владимир Ильич не позволил этого:

— Ничего, ничего, я сам разденусь.

Разделся, помог снять пальто Надежде Константиновне, сел за стол и завел беседу с крестьянами.

Он всех внимательно выслушивал, отвечал на вопросы, сам спрашивал.

За столом ему предложили закусить. Председатель сельхозартели подал ему стакан браги.

— А что, — спросил Владимир Ильич, — не хмельное?

— Нет, — ответили ему.

Владимир Ильич чокнулся с председателем артели, отпил немного и закусил кусочком студня. На просьбу крестьян еще закусить Владимир Ильич ответил, что он сыт, так как поел перед тем, как ехать в Кашино.

Перед митингом пришел фотограф и предложил Владимиру Ильичу сняться с крестьянами. Ленин согласился. Набралось много народу, особенно много было ребятишек. Взрослые хотели их отодвинуть, но Владимир Ильич не дал. Посадил детей около себя, расспрашивал их, гладил по головкам. Ребятишки были в восторге.

Владимир Ильич вышел на трибуну, сердечно благодарил крестьян за приглашение, сообщил о победах Красной Армии над Врангелем.

Ф. Феофанов, фотограф, присутствовавший на митинге и снимавший Ленина в кругу крестьян, приводил в своих воспоминаниях запомнившиеся ему слова Владимира Ильича:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическую станцию. Это только начало. Нужно, чтобы электрические станции были не единичные, а районированные. Наша задача в том, чтобы наша республика буквально вся была залита электричеством.

Речь Ленина была встречена криками восторга.

Перед отъездом Ленин напомнил мне о красноармейце Семенове, я его разыскал, и мы довезли его до Волоколамска.

* * *

Любил Ильич приезжать на предприятия Краснопресненского района, в том числе и на Трехгорную мануфактуру. Он высоко ценил революционные традиции рабочих Трехгорки. И сейчас еще можно найти рабочих и работников, слушавших Ленина, близко видевших его.

Ленин, как известно, был бессменным депутатом Моссовета от рабочих Трехгорной мануфактуры.

Мне довелось несколько раз привозить Владимира Ильича на Трехгорку, и всегда рабочие и работницы фабрики встречали его с восторгом. Трехгорцы очень любили Ильича, и стоило ему только появиться на трехгорной фабрики, как сотни людей стекались к нему.

Выступления вождя трехгорцы слушали, затаив дыхание, запоминая каждое его слово, каждый жест. Речи Ленина призывали к борьбе, к преодолению трудностей, вселяли в сердца рабочих уверенность в победе. Каждой фразе Ильича народ глубоко верил, каждое слово его дышало удивительной силой и мудростью.

Мне не раз доводилось видеть, как Ленин беседовал с рабочими и работницами, отвечал на все их вопросы, в свою очередь, задавал вопросы — его интересовал их труд, быт, их настроение и взгляды на будущее.

Однажды, желая помочь трехгорцам в их тяжком продовольственном положении, Владимир Ильич дал им практический совет:

— Советую вам поступить вот как: приведите в порядок вагоны, почините паровозы и привозите себе хлеб. И не откладывайте, товарищи!

Трехгорцы поступили так, как советовал Ильич. В последующие приезды вождя на Трехгорку рабочие с благодарностью вспоминали его советы, принесшие реальные плоды.

Припоминаю посещение Владимиром Ильичом Трехгорки в день Всероссийского первомайского субботника 1920 года. Этот субботник трехгорцы проводили в Хорошове, причем ввиду большого количества участников субботника им было выдано продовольствие в половинном размере. После субботника состоялся многолюдный митинг, на который приехал Владимир Ильич. Он вышел, помню, из машины, приблизился к рабочим и запросто присел на бревно. Ленина окружили, и началась заду-

шевная беседа. Люди рассказывали о фабричных буднях, о радостях и огорчениях. Кто-то пожаловался на нехватку продуктов, на «голодный паек».

Ленин слушал, не перебивая, и в знак согласия, кивал головой.

Затем Владимир Ильич объяснил, что нехватка продуктов произошла не по вине организаторов субботника. Дело в том, что по всей Москве на субботник вышло гораздо больше народу, чем предполагали и свой паек, сказал он, каждый обязательно дополучит через два-три дня.

Какой-то пожилой рабочий попросил Ленина разъяснить значение Всероссийского коммунистического субботника и осветить международное положение. Воцарилась тишина: все напряженно слушали Ильича. В глазах рабочих и работниц засияла надежда; разговоры о хлебе и пайках отошли на задний план.

Люди продолжали забрасывать Владимира Ильича вопросами: когда кончится война, как дела на Украине, в Донбассе, на Дальнем Востоке, какие перспективы с довольствием и т. д.

На все Ленин обстоятельно отвечал, не забывая вставить меткое, смешное слово, приободрить энтузиаста и высмеять паникера.

На память приходит последнее посещение Лениным Трехгорки осенью 1921 года. Приезд был связан с собранием, посвященным четвертой годовщине Октябрьской революции. Обширная столовая фабрики была битком набита. Все стулья, столы, подоконники, проходы были заняты.

После выступлений ряда товарищей, участников Октябрьского переворота, председатель поднялся и негромко сообщил:

— Внимание, товарищи! Слово предоставляется депутату Моссовета от нашей фабрики Владимиру Ильичу Ленину.

На сцену вышел Ленин, но начать свою речь ему долго не удавалось. Бурно аплодировал зал, слышались возгласы приветствия, работники поднимали над головой своих детей.

Председатель был бессилен унять восторг присутствующих. Гул нарастал, и трудно было сказать, когда все это кончится и, наконец, заговорит вождь.

Владимир Ильич решительно приблизился к краю сцены и поднял левую руку. Все мигом замерло, воцарилась напряженная тишина, и Ленин начал свою речь.

Он говорил о жесточайших трудностях борьбы с врагами революции и рабочего класса, о коварстве и хитрости международной буржуазии, говорил суровую правду о наших хозяйственных трудностях.

Но пессимизма в его речи не было; в его словах был бодрый призыв к борьбе, уверенность в конечной победе рабочего класса.

* * *

В одно пасмурное октябрьское утро 1921 года я привез Владимира Ильича на Бутырский хутор, лежащий неподалеку от Москвы. На хуторе собралось много народу — люди приехали сюда на испытание первого в России электроплуга.

Приезд Владимира Ильича с Надеждой Константиновной был неожиданностью для всех. Встретили с безыскусственной теплотой и благодарностью. Ленин сразу же направился к месту, где стоял электрический плуг.

Начались испытания, и Владимир Ильич стал внимательно следить за каждым движением сложного механизма. Он задавал много вопросов, интересовался конструктивными особенностями агрегата. Результат испытаний не удовлетворили Ленина, убедившей в том, что дорогостоящий электроплуг не обеспечивает хорошего качества вспашки.

Всех присутствующих поразила тогда осведомленность Владимира Ильича в сугубо технических вопросах.

— Покажите-ка мне ваше хозяйство, — обратился Ильич к директору Бутырского хутора и направился с группой товарищей на маточную ферму.

Осмотрев ферму и увидев здесь всюду идеальная чистоту, Ленин выразил свою радость по поводу высокой культуры этого хозяйства. Еще больше обрадовался он, когда узнал, что высококачественное молоко с хутора отправляется в ясли и родильные дома. И сразу же Владимир Ильич сделал вывод: надо создать как можно больше таких пригородных ферм.

Все интересовало великого вождя: и удои коров и способы кормления, и организация труда, и урожаи, получаемые на хуторе, и система сортировки семян, и условия быта рабочих — решительно все.

Провожая Ленина, присутствовавшие на испытании, в том числе и изобретатели механизма, выразили ему свою благодарность за ценные указания и верные мысли. Владимир Ильич отмахивался и говорил;

— Ну что вы, что вы, товарищи! Какой я специалист, подумаешь! Приехал я просто так, из любопытства. И не жалею, что приехал. Хозяйство ваше мне очень, очень понравилось, спасибо!

Максим Горький

Как-то раз осенью 1919 года меня вызвал, к себе Владимир Ильич и сказал:

— Вот что: в Москву приехал Горький. Надо будет вечером привезти его сюда. Вот вам его адрес. Я позвоню вам позже и скажу, в какое время ехать.

Часа через два — телефонный звонок. Голос Владимира Ильича:

— Товарищ Гиль, мое свидание с Алексеем Максимовичем ровно в семь.

До семи часов оставалось еще порядочно времени, но я выехал тотчас же. Время было такое, что не во всякий дом попадешь сразу. Парадные двери, ворота и подъезды сплошь и рядом были заколочены. На розыски человека в незнакомом доме приходилось тратить много времени и усилий.

Алексей Максимович жил у своего сына Максима Пешкова в Машковом переулке, недалеко от Покровских ворот. Как и следовало ожидать, все парадные двери дома были наглухо заколочены. Попасть в квартиру Пешковых можно было только черным ходом, с задней части двора.

На мой звонок отворилась дверь и показался Максим Пешков.

— Можно видеть товарища Горького? — спросил я.

Я вошел в квартиру и увидел Алексея Максимовича, шедшего мне навстречу.

— Здравствуйте, товарищ! — сказал он, протягивая мне руку. — Вы от Ленина?

Я много слышал о Максиме Горьком, читал его произведения и, естественно, с любопытством смотрел него. До этой встречи я не имел никакого представления о внешности великого писателя.

Передо мной стоял очень высокий худощавый человек, немного сутулый, одетый в простой, скромный костюм. Лицо темное и суховатое, глаза светлые и совсем молодые. Запомнился голос: низкий, зычный и по-волжски окаяющий, то есть нажимающий на букву «о».

— Сию минуту иду, — сказал Алексей Максимович, надевая пальто. — Как мы поедем в Кремль?

Я подробно объяснил.

— А пропустят? — спросил он.

Я рассмеялся и сказал, что не задержат.

По пути Алексей Максимович расспрашивал о здоровье Владимира Ильича, о его поездках, о том, как он проводит свой досуг. С интересом рассматривал Горький улицы Москвы. У Троицких ворот Кремля нас остановили дежурившие красноармейцы.

— Я Горький, — сказал он и начал доставать документы.

— Пожалуйста, проезжайте, — сказали красноармейцы, и мы въехали в Кремль.

* * *

Вторая встреча с Алексеем Максимовичем произошла при невеселых для меня обстоятельствах. Я тогда получил выговор. Это был первый и единственный выговор, который я получил за все годы работы с Владимиром Ильичом.

Владимир Ильич вызвал меня и попросил к четырем часам доставить к нему Алексея Максимовича. До четырех оставалось более часу, и я не торопился. Собираясь уже ехать, я обнаружил в своей машине поломку и решил сам заняться ремонтом, а вместо себя послать к Горькому своего помощника. Это был первый (и последний) случай, когда личное задание Ленина я перепоручил другому.

До четырех часов оставалось минут пятьдесят. Можно было без труда совершить не один, а два рейса от Кремля до Машкова переулка. Снаряжая помощника, я, очевидно, недостаточно точно разъяснил ему, как добраться до квартиры Горького. И поплатился за это.

Минут за пятнадцать до назначенного Лениным времени влетает в гараж мой помощник и с отчаянием заявляет:

— Я не мог найти квартиру Горького! Стучал во все двери без толку!

Я был ошарашен. Время Владимира Ильича было чрезвычайно дорого, оно было рассчитано буквально по минутам. Он сам был чрезвычайно аккуратен, никогда не

заставляя ждать кого-либо из приглашенных и не выносив неаккуратности других.

Я вскочил в машину и рванулся к воротам. До заветного часа оставалось несколько минут. Я уже не рассчитывал на исправление допущенной ошибки, хотелось лишь сократить опоздание.

Я помчался по улицам Москвы с невероятной скоростью. Прохожие изумленно останавливались, лошади шарахались в сторону. И вдруг — Горький... Едет на наемной извозничьей пролетке.

Я обрадовался. Алексей Максимович, увидев меня, расплатился с извозчиком и пересел ко мне в машину. По пути я объяснил ему все.

— Дело дрянь, товарищ Гиль! — сказал Алексей Максимович, озабоченно разглаживая свои жесткие усы. — Прямо скажу — дрянь! Нагорит и мне, и вам.

Я согласился, что дело действительно «дрянь», но прибавил, что нагорит не ему, а одному мне. Он посмотрел на меня и тихо рассмеялся.

— Надо что-нибудь придумать, — сказал он. — Не волнуйтесь, Гиль, я постараюсь уладить.

Алексей Максимович вошел в приемную Владимира Ильича с довольно большим опозданием. Часа через два я провожал Горького домой.

— Ну что, Алексей Максимович? — спросил я. Он сокрушенно махнул рукой:

— Часть вины я взял на себя. Да разве Владимира Ильича обманешь?

Вечером я явился к Владимиру Ильичу в кабинет и стал объяснять происшедшее. Прохаживаясь и заложив пальцы за проймы жилетки, он слушал меня не перебивая. Потом сказал:

— Ну ладно, забудем этот случай. Надеюсь, больше не повторится.

На следующий день управляющий делами Совета Народных Комиссаров, знавший об этом происшествии за своей подписью объявил мне в приказе выговор за невыполнение поручения товарища Ленина.

Я не сказал об этом Владимиру Ильичу. Меня не так огорчил выговор управляющего делами, сколько сознание, что я своим поступком нарушил порядок работы Ленина. Владимир Ильич был чрезвычайно аккуратен. Куда бы мы с ним ни направлялись, он заранее определял, когда мы должны приехать. Если мы приезжали вовремя, Владимир Ильич говорил: «Замечательно, уложились!» Если мы почему-либо опаздывали, Ленин, в зависимости от причин опоздания, говорил: «Плохо, не уложились!», или: «Ну, это не по нашей вине, задержали». Если кто-либо опаздывал даже на несколько минут Владимир Ильич всегда выговаривал опоздавшим, часто, правда, в шутливой форме; бывало посмотрит на часы и скажет: «Что-то мои часы забегают вперед, надо проверить. Как по вашим время?»

Семья Ленина

Летом 1918 года Владимир Ильич отдыхал в Тарасовке. Здесь в двухэтажном здании, на втором этаже, Ленин и Крупская имели две комнаты. Они приезжали сюда обычно в субботу поздно вечером и покидали дачу на рассвете в понедельник. Мария Ильинична, сестра Ленина, часто сопровождала их в поездках за город.

Помню эпизоды нашего возвращения в Кремль. Рано утром, почти на заре, Владимир Ильич тихо подкрадывался ко мне и будил:

— Вставать пора, товарищ Гиль, в город будем собираться. Давайте-ка бесшумно выкатим машину, чтобы Надежду Константиновну и Марью Ильиничну не будить.

Не заводя машину, мы общими усилиями выкатывали ее из гаража во двор и, не поднимая шума, уезжали в Москву. А часов в восемь-девять утра Ильич говорил мне:

— Ну, а теперь возвращайтесь в Тарасовку, я привозите Надежду Константиновну и Марию Ильиничну!

Отношение Ленина к родным и близким — сестре, брату, супруге, племяннику — меня всегда восхищало. Перегруженность работой не мешала Ильичу постоянно осведомляться, позавтракала ли Надежда Константиновна, не устала ли от заседания Мария Ильинична, достаточно ли тепло в квартире у Анны Ильиничны, и т. д.

— Товарищ Гиль, — сказал мне однажды Владимир Ильич, — вот вам теплый плед, возьмите в машину и уговорите Надежду Константиновну пользоваться им. — При этом Владимир Ильич показам как следует потеплее кутать ноги.

Зная, что Надежда Константиновна сама не следит за своим здоровьем и не любит возиться с теплыми вещами, Владимир Ильич обратился за содействия ко мне.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Кремле, рядом с помещением Совета Народных Комиссаров. Их квартира находилась на третьем этаже, лифта в первые годы не было, и приходилось взбираться по крутой высокой лестнице. Владимир Ильич никогда не жаловался на высоту и трудность ходьбы, но много раз огорчался тем, что Надежде Константиновне приходится перегружать больное сердце непосильной ходьбой.

— Привозите ее, товарищ Гиль, не к главному подъезду, а к боковому, через арку, — сказал мне как-то Владимир Ильич.

Оказалось, что боковая лестница была отложе и взбираться по ней было легче, чем по главной.

Владимир Ильич вызвал меня однажды и стал спрашивать, где и как можно достать закрытый автомо-

биль для Надежды Константиновны. При этом он объяснил, что Надежда Константиновна, несмотря на зимнюю стужу, все еще продолжает пользоваться открытой машиной.

— Разгорячится у себя в Наркомпросе на заседании и выходит прямо на холод. Одевается она плохо и может легко простудиться, — сказал Владимир Ильич.

Я вспомнил, что в одном из гаражей Петрограда находится закрытый автомобиль «Роллс-Ройс» с утепленной кабиной, и посоветовал затребовать эту машину.

— Отлично, — согласился Владимир Ильич, — мы требуем ее в Москву. Только надо дать им взамен другую машину. Непременно. Договоритесь-ка с ними.

Владимир Ильич имел привычку обедать ровно в четыре часа. Он прививал привычку обедать в одно и то же время всем окружавшим его. Он бывало говорил:

— Работать и отдыхать можно в любое время, но обедать надо непременно в один и тот же час!

Владимир Ильич следил за тем, чтобы и Надежда Константиновна обедала вовремя.

— Не ждите, пока она выйдет, — говорил мне Владимир Ильич, — поднимитесь к ней и требуйте, чтобы она немедленно отправлялась домой обедать.

Ровно без четверти четыре я появлялся в служебной комнате Надежды Константиновны. И она издали кивала мне головой: готова, дескать. И тотчас же спускалась вниз.

Сидя рядом со мной в машине, Крупская ежедневно спрашивала, где был в этот день Владимир Ильич, куда я возил его, кто из товарищей приезжал к нему. Если Владимир Ильич ездил в воскресенье на охоту Надежда Константиновна спрашивала после, как прошел у нас день. И всегда внимательно выслушивала мои рассказы об охоте, о прогулках и поездках.

Множество раз я видел Ленина и Крупскую вместе в домашней обстановке. Характерной чертой их взаимоотношений было безграничное и глубокое уважение друг к другу.

Когда Надежда Константиновна захворала, Владимир Ильич очень беспокоился. Он просил устроить ее неподалеку от Москвы, в тихом месте. Ленин был доволен, что местом для лечения и отдыха была выбрана не больница или дом отдыха, а лесная школа в Сокольниках. Ленин считал, что Надежда Константиновна будет хорошо себя чувствовать в детской среде. В дни болезни Надежды Константиновны он часто по вечерам посещал ее.

Ленин ежедневно звонил к профессору Ф. А. Гетье, лечившему Крупскую, и детально расспрашивал о ходе ее болезни. Иногда Владимир Ильич обращался к доктору В. А. Обуху с просьбой посетить Надежде Константиновну.

Кажется, осенью 1921 года профессор Гетье установил у Надежды Константиновны сильную простуду и переутомление и предписал ей двухнедельный отдых. Но она наотрез отказалась отдыхать, так как время было горячее.

Профессор Гетье «пожаловался» Владимиру Ильичу.

Ленин решил прибегнуть к решительным мерам. Он официально, как глава правительства, предписал заместителю Народного комиссара просвещения товарищу Крупской взять полумесячный отпуск. Надежде Константиновне оставалось только подчиниться...

Владимир Ильич был очень привязан к своей сестре Марии Ильиничне. Он называл ее «Маняшей» и часто проводил свой досуг в ее обществе.

В скромной квартире Ленина все хозяйство вела Мария Ильинична. Она любила порядок и чистоту, умела правильно организовать питание. Мария Ильинична знала все

привычки Владимира Ильича и старалась устроить жизнь брата так, чтобы он ни в чем не ощущал неудобства.

Бывало так: Владимир Ильич соберется на прогулку или в театр и тотчас же звонит Надежде Константиновне:

— Непременно Маняшу пригласи. Убеди ее поехать с нами.

В дни болезни Владимира Ильича Мария Ильинична и Надежда Константиновна ночами просиживали у его постели.

Анна Ильинична Ульянова жила отдельно, в одном из домов на Манежной улице, и видеть ее в обществе Ленина и Крупской мне приходилось реже.

Помню, в летние дни приезжала Анна Ильинична в Горки со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым. Владимир Ильич всегда радовался их приезду, радушно принимал их и старался подольше удержать у себя. Вместе ходили в лес собирать грибы, вместе катались на лодке, играли в крокет.

Анна Ильинична как-то заболела. Владимир Ильи часто ездил к ней, посылал врачей, уговаривал ее поселиться где-нибудь под Москвой, в тихом и здоровом месте. Анна Ильинична поселилась в Покровском Стрешневе, в доме отдыха «Чайка». Владимир Ильи был искренно рад этому и часто приезжал туда.

Дмитрия Ильича Ульянова, младшего брата Владимира Ильича, я встретил впервые весной 1921 года. Произошло это так.

Вызвал меня однажды Владимир Ильич и сказал

— Сегодня из Крыма приехал мой брат, Дмитрий. Надо поехать за ним в гостиницу «Россия» и привезти в Кремль. В четыре часа ждите его у подъезда.

Владимир Ильич рассказал при этом, что Дмитрий Ильич работал зам. председателя Совнаркома Крымской республики, описал его внешность и прибавил, что раньше он был земским врачом.

Ровно в четыре я подъехал к главному входу гостиницы «Россия», помещавшейся на Лубянской площади. У входа стоял среднего роста человек, с темной бородой, в полувоенном костюме. В облике его было мало сходства с Лениным. Заметив меня, он походкой, напоминающей ленинскую, быстро и легко подошел и спросил:

— Вы не товарищ Гиль?

— А вы — Дмитрий Ильич?

— Он самый. Будем знакомы.

И мы поехали в Кремль.

Братья часто охотились вместе и много беседовали в Горках Владимир Ильич вместе с Дмитрием Ильичом совершали прогулки по окрестностям, а затем усаживались в парке на скамье и долго-долго беседовали.

Ленин на отдыхе

Владимир Ильич Ленин, как известно, был беспримерным тружеником. Вся его жизнь прошла в напряженном труде.

Но Владимир Ильич умел и отдыхать. Видеть его за работой мне лично почти не приходилось, зато его досуг очень часто проходил на моих глазах. Ильич умел строить свой отдых так, что эти немногие часы досуга заряжали его бодростью на многие дни.

Лучшим видом отдыха Владимир Ильич считал воскресные поездки за город. «Подальше от городского шума, подальше от Москвы!» — говорил он, выбирая в субботу место для предстоящей поездки.

— Ну, товарищ Гиль, что будем завтра делать? — обращался ко мне Владимир Ильич по субботам в первые месяцы жизни в Москве.

Он раскладывал на столе карту Москвы и выбирал какое-нибудь мало известное ему предместье.

— Вот, например, Рублево... Не знаете, Гиль, что за место?

— Впервые слышу, Владимир Ильич, — отвечал я. Уроженец Петербурга, я никогда раньше не бывал в Москве и ознакомиться с окрестностями еще не успел.

— Не знаете? Ага! Ну, тем лучше. Давайте узнавать.

И мы отправлялись наугад за пятьдесят-шестьдесят километров от Москвы. Если время было весеннее, охотились на вальдшнепов и глухарей. Летом больше купались, бродили по лесам, отдыхали на траве, собирали грибы. С наступлением осени — опять охота: тетерева, зайцы.

Зима была излюбленным временем года Владимира Ильича для хорошего отдыха на свежем воздухе. Все зимние воскресные дни он проводил на автосанях и на лыжах. Владимир Ильич был отличным охотником и понимал все тонкости охотничьего искусства. Он хорошо знал, как следует подходить к том или другому зверю или птице, как приблизиться к ним, в какой момент стрелять и когда пускать собаку. Он умел по солнцу определять направление и никогда не пользовался компасом. В незнакомой лесистой местности Ленин ориентировался по деревьям, как заправский охотник.

Желая сделать охоту более интересной, я решил пригласить специалиста-егеря. Он должен был сопровождать Владимира Ильича на охоте. Одновременно егерь должен был исполнять обязанности второго шофера.

— Правда ли, что вам нужен помощник? — спросил у меня Владимир Ильич и хитро прищурился. — Если вы хотите взять его только как егеря — запрещаю.

— Да нет, Владимир Ильич, мне нужен помощник, в гараже.

— Ну ладно, тогда берите.

С тех пор Ленина сопровождал на охоте егерь Плешаков, умевший хорошо ее организовать. Владимир Ильич высоко ценил охотничьи познания Плешакова. Влади-

мир Ильич не гнался за добычей. Он любил самый процесс охоты, длительные переходы, лесной воздух. Добыча была для Ильича не целью охоты, а результатом. Нередко он поручал мне отдавать всю нашу воскресную добычу знакомым, товарищам по работе.

— Сделайте это незаметно, — поручал Владимир Ильич, — позвоните, вам откроют, и вы, ни слова не говоря, кладите птицу в передней и тотчас же уходите. Понятно вам?

Я смеялся и говорил, что вполне понятно.

Однажды на охоте произошел такой случай. Владимир Ильич тихо пробирался по густому лесу, держа ружье наперевес. Неожиданно навстречу медленно, спокойно вышла лисица. Это было очень красивое животное, с пушистым ярко-золотистым мехом. Владимир Ильич, пораженный красотой лисицы, замер. Он не выстрелил, хотя лисица прошла очень близко и медленно. Я издали наблюдал эту сцену.

Когда на охоте к Владимиру Ильичу присоединялся кто-нибудь, Владимир Ильич обычно ставил условие:

— Чтобы не было анархии! Будем подчиняться Плешакову. Уж он знает, как лучше поступить. А вы, товарищ Плешаков, приказывайте, командуйте, не стесняйтесь.

Очень нравилось Владимиру Ильичу село Завидово, в ста километрах от Москвы. Здесь было крупное охотничье хозяйство. Охота проходила под руководством старшего егеря Порошина. Ленин страстно увлекался большой охотой — с лошадьми и собаками. Но ездить в Завидово было далеко, и Владимир Ильич побывал там всего несколько раз.

* * *

Интересны были наши летние поездки за город. Каждое свободное воскресенье было для Владимира Ильича днем, обещающим много разнообразных впечатлений.

В этих воскресных прогулках он черпал бодрость на всю неделю.

Мы уезжали обыкновенно в субботу вечером и возвращались в понедельник утром. Места выбирались наугад, отдаленные и незнакомые.

С весны 1919 года Владимира Ильича нередко сопровождала Мария Ильинична.

Подъезжаем бывало к какой-нибудь тихой деревушке; Владимир Ильич просит остановить машину и идет знакомиться с крестьянами, искать ночлег.

— Владимир Ильич, не зайдем ли сюда? — предлагал кто-нибудь, указывая на красивый и солидный дом.

— Нет, — отказывался Ленин, — вот куда мы зайдем, — и вел в простую, маленькую, но опрятную избу.

Владимир Ильич предпочитал останавливаться у бедных крестьян. С ними у него разговор завязывался лучше, интимнее. Побеседовав и поужинав в избе продуктами, купленными у крестьян или захваченными с собой, Владимир Ильич обращался к хозяину:

— Ну, а теперь спать! Встанем на заре — и айда в лес! Ведите-ка нас на сеновал.

Владимир Ильич ничего другого, кроме сеновала для ночлега во время поездок не признавал. Бывало хозяин пытается создать гостям «комфорт»: постелить что-нибудь или дать подушки. Владимир Ильич всегда решительно возражал:

— Ничего, пожалуйста, не делайте! Вот так, просто, на сене, и будем спать. Никаких подстилок! Не то впечатление будет, не то удовольствие!

Если с Владимиром Ильичом приезжали в деревню курящие (Ильич не курил и не любил табачного дыма), он им обычно говорил:

— Курильщики! Ну-ка, накуривайтесь, чтоб ни одного курильщика ночью! Иначе — под суд!

Случилось, что кто-то ночью, тайком, закурил. Владимир Ильич поднялся и сказал:

— Как вы могли это сделать? Ведь это неслыханно — курить на сеновале!

Укрывался Владимир Ильич по обыкновению своим пальто или пледом, а утром ходил к колодцу или к реке умываться.

Его примеру следовали остальные.

Рано начинался день ленинского отдыха, — день движения, охоты, собирания грибов, лежания на траве, бега взапуски.

В понедельник утром Владимир Ильич покидал лес, деревню или реку обновленный и бодрый. Наступала неделя огромной и сложной деятельности вождя.

В часы своего досуга Владимир Ильич любил общаться с самыми разнообразными людьми, заводить беседы со случайными прохожими, особенно с крестьянами. «Послушайте, где тут река недалеко?», «Эй, ребята, где вы столько грибов собрали? Научите-ка нас!»

Нередко бывало так: въедет наша машина в деревню, а ребятишки гурьбой бегут за ней. Владимир Ильич предлагал:

— Давайте остановимся, насажаем ребят.

Ильич помогал детворе влезть в машину. По пути он шутил, смеялся, расспрашивал ребят о всякой всячине.

— Держитесь лучше! — говорил Ленин. — Держитесь! Ну, а теперь, — говорил он через некоторое время, — хватит, а то заблудитесь!

— Да ничего, дяденька! Мы по грибы за пять верст ходим!

* * *

Как-то раз зимой, видимо, очень переутомившим Владимир Ильич высказал желание поехать на несколько часов за город, побродить по лесу и подышать свежим зимним воздухом.

— Владимир Ильич, — предложил я, — хотите я вас к Сенежскому озеру свезу? Там хорошо, кругом лес, тишина. Можно походить на лыжах, и поохотиться есть где.

Ильич ухватился за это предложение.

— Верно, верно! Уж если поехать, то нужно и поохотиться.

Он попросил приготовить на утро машину и выехать с таким расчетом, чтобы провести там день, а к вечеру вернуться в Москву, где ему надлежало присутствовать на каком-то важном совещании.

Рано утром я заправил машину, жду Владимира Ильича. Он не идет. Зная его аккуратность, я заподозрил: не передумал ли он? Не разохотился ли?

Но тут Ильич выходит в дубленом полушубке с лыжами и ружьем в руках, довольный и жизнерадостный. Укладывает в машину лыжи и весело говорит:

— Ну и задам же я перцу сегодня зайцам! — И тут же спохватился: — А может, никаких зайцев там и в помине нет, а?

— Да уж будьте покойны, Владимир Ильич, — заверил я, — не зря едем. Жаль только, что сейчас не лето, ведь там озеро большое — глаз не оторвешь. Диких уток, рыбы — хоть руками бери.

Я завел машину, и мы поехали. Миновали Фирсановку, Крюково, а вскоре показалось и озеро. Я остановился у конного завода, у крыльца небольшого домика.

Навстречу нам вышел начальник завода и удивленно остановился.

— Будем знакомы: Ленин, — коротко отрекомендовался Владимир Ильич и протянул руку.

От неожиданности начальник застыл на месте, но скоро освоился и пожал протянутую руку. Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Не удивляйтесь, пожалуйста: захотелось отдохнуть и подышать свежим воздухом. Давненько не видел я ни зимнего неба, ни леса. И поохотиться бы недурно!

— Очень рад, — приветливо отвечает начальник, — милости прошу. Пожалуйста ко мне в дом, отдохните, закусите с дороги. Чем богаты, тем и рады!

Владимир Ильич просит не беспокоиться и проходит вслед за ним в дом. Приглашает и меня. На столе пытит самовар.

Жена начальника расставляет посуду, собирает завтрак. Узнав, что перед ней Ленин, она растерянно опустилась на стул. Ильич заметил ее смущение и стал шутить, задавать вопросы. Очень скоро смущение рассеялось, и в комнате воцарилась непринужденная атмосфера. То и дело раздавался смех.

Хозяйка предложила перед охотой поестъ щей.

— Спасибо, спасибо, — сказал Владимир Ильич, — Я с собой захватил всякой снеди, посмотрите-ка!

Он развязал узелок и вынул завтрак. Но хозяйка все же подала гостю тарелку щей.

Владимир Ильич достал из узелка бутерброды и положил на стол, а сам с удовольствием принялся за горячие щи.

Затем пришел местный егерь — специалист по зимней охоте, — и завязался оживленный разговор.

Отдохнув, направились в лес. Охота была совсем неудачной. Ходили, ходили, — хоть бы ничтожный зайчишка перебежал дорожку. Даже и следа нет.

— Вот досада, — приговаривал Ленин, — хоть бы общипанный какой выскочил!

Спутникам Владимира Ильича стало как-то неудобно, словно они были виноваты в отсутствии зайцев.

Он принялся утешать их:

— Не горюйте, чепуха! Да разве мне важны зайцы. Может, встретив их, я и не стал бы стрелять. Рад, что походил, настоящим воздухом подышал, а зайцы пустяк.

Побродив по лесу без единого выстрела, Владимир Ильич в сумерки вернулся на конный завод. Здесь уже

ждал самовар, но гость поблагодарил за внимание и заторопился в Москву.

По пути домой Владимир Ильич делился впечатлениями о поездке, давал меткие характеристики наши спутникам по неудачной охоте, весело шутил. Трудно было представить, что пройдет час-два и этот простой человек в полушубке будет председательствовать на правительственном заседании, где решаются важнейшие государственные дела.

* * *

Помнится, весной 1920 года отвез я Владимира Ильича в Завидово. Там нас по обыкновению ожидал егерь Порошин.

Охота на глухарей приходила к концу. Прибыли мы к Порошину вечером: должны были выйти рано утром затемно, чтобы к рассвету быть на месте. Пройти нужно было от дома километра два. Сидим у Порошина, пьем чай и сговариваемся, кому куда идти. Решено было разбиться по группам: одни отправятся на тетеревов, другие — на глухарей.

— Итак, кто куда? — спрашивает Владимир Ильич.

— Мы пойдем на тетеревов, — говорят одни.

— А вы, товарищ Гиль? — интересуется Ильич.

— С вами, на глухарей, Владимир Ильич.

С нами пошел сын Порошина. Старик отправился с любителями тетеревов.

Была сильная распутица, снег еще не стаял, всюду стояли лужи. А ток находился на самом болотистом месте. Приближаясь к цели, молодой егерь предупредил нас, что теперь надо очень осторожно подходить: токовик где-то близко.

Движемся медленно, ощупью — рассвет еще не наступил. Впереди сын Порошина, за ним Владимир Ильич, я замыкаю шествие. Наконец подошли к заветному месту.

Стоим, не шевелясь, почти по колено в воде. Через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут должны прозвучать глухариные голоса. Стоять в воде холодно, и мы садимся на пень. Владимир Ильич совсем озяб, у меня тоже зуб на зуб не попадает, но все-таки не шевелимся.

Видим: горизонт начинает сереть, а току все нет и нет.

Сын Порошина шепчет:

— Неужели опоздали?

Владимир Ильич молча пожимает плечами. Ждем еще некоторое время, но результатов никаких.

— Как же дальше? — спрашивает Ильич. Молодой егерь огорченно говорит:

— Почему вы не приехали тотчас же после получения нашей телеграммы? Следовало приехать сразу, а прошла уже неделя. Вчера я проверил, глухарей было еще вдоволь. Эх, проворонили!

Незаметно стали говорить громко. Делаем несколько шагов, чтобы согреться. Вдруг слышим шорох, в воздух взвился крупный глухарь.

— Что это? — спрашивает Владимир Ильич.

Молодой Порошин отвечает:

— Опоздали, очевидно, ток уже кончился.

Владимир Ильич очень сожалел, что так неудачно прошла охота.

Домой мы пришли первые. Вскоре вернулся старый егерь со своими спутниками.

— Ну как дела? — спрашивает Ильич по-охотничьи. — С полем?

— С полем, — отвечают по-охотничьи же, показывая полные сумки. — А вы попали?

— Да, — с деланным трагизмом отвечает Владимир Ильич, — попали.

Выпив чаю и отдохнув, мы поехали в Москву.

Неудачна была на этот раз охота, но Владимир Ильич был в хорошем настроении, шутил и смеялся.

В другой раз, уже осенью того же года, поехали мы на утиную охоту по направлению к Кашире. С нами были Дмитрий Ильич Ульянов, егерь и еще трое товарищей. Остановились, не доезжая Михнева. Дмитрий Ильич отлично знал эти места: он работал здесь когда-то земским врачом. Неподалеку находился пруд, но, чтобы добраться до него, надо было с шоссе свернуть на проселочную дорогу. Накануне шел дождь, кругом стояла непролазная грязь, продолжать путь было рискованно. Я не был уверен, доберемся ли мы благополучно до пруда, но все же двинул автомобиль вперед. Не успели отъехать саженец пять-десять от шоссе, как передняя часть машины погрязла в топкой глине.

— Теперь приехали, — говорю я.

— Надо помочь, — сказал Владимир Ильич, выходя из машины.

— Нет, уж лучше вы, Владимир Ильич, идите охотиться, — посоветовал я, — а мы сами что-нибудь придумаем.

Владимир Ильич не сразу, но все-таки согласился и отправился к пруду, сопровождаемый Дмитрием Ильичом и егерем.

Мы канителились часа два. Нарубили елок, березовых веток, подложили под колеса и вытащили машину, выбрались из грязи. Все мы при этом порядком вымазались в глине.

К этому времени вернулись охотники. Первым шел Владимир Ильич. Он был оживлен, весел, за плечами висели трофеи — убитые утки.

— Ну что, устали? — спрашивает Ильич. — Давайте отдыхать!

Решили закусить. Расселись и стали раскладывать свои скромные запасы пищи. У одного из нас оказалось немного вина. Владимир Ильич первый предложил:

— Надо подкрепить силы. Выпейте-ка, товарищи!

Некоторые стеснялись пить. Ильич это заметил.

— Если пьете, нечего стесняться. Пожалуй, и я с вами выпью за компанию, и я продрог.

И тут в первый и последний раз я увидел Владимира Ильича с рюмкой вина в руке.

Я всегда удивлялся тому, насколько он ограничивал себя во всем. Сидим бывало группой охотников, закусоваем. Ильич всем предлагает бутерброды:

— Кушайте, товарищи, кушайте!

Всех старается угостить, а сам съест одни бутерброд — и все. А то бывало возьмет кусок черного хлеба, посолит погуще, выпьет два стакана чая и сыт.

* * *

В один из воскресных дней Владимир Ильич отправился на машине в деревню Монино, расположенную в семидесяти километрах от Москвы по Северной дороге.

По словам одного егеря, проживавшего в Монино, лес, примыкавший к деревне, представлял собой прекрасное место для осенней охоты на зайцев и тетеревов.

В Монино мы ехали впервые. Нас встретил знакомый егерь и повел в небольшой, очень опрятный дом, стоявший в центре деревни. Владимир Ильич обратил внимание на то, что домик, в который мы направлялись, стоит рядом с церковью.

Хозяин встретил нас радушно, просил располагаться по домашнему. Это был пожилой статный мужчина, мало напоминавший крестьянина, скорее похожий на учителя или агронома. Бросались в глаза книги, стоявшие на полках. .

Общительность Владимира Ильича нашла живой отклик в нашем гостеприимном хозяине. Владимир Ильич любил беседовать с людьми, умел вызывать собеседника на откровенность.

— Ну, расскажите, товарищ Предтечин, — обратился Владимир Ильич к хозяину, — как живут ваши крестьяне, что думают они о советской власти, каковы их настроения.

Предтечин, не подозревавший, что с ним говорит Ленин, охотно и остроумно рассказывал, как жили крестьяне до революции, как восприняли они советский строй. Затем заговорили о сельском хозяйстве, о житье-бытье отдельных крестьянских семейств, о будущем советской деревни. При этом наш хозяин обнаружил очень любопытные взгляды на быт крестьянина и высказал Ленину интересные мысли о сельском хозяйстве.

— Да, все это чрезвычайно интересно, — сказал Владимир Ильич. — Вы, должно быть, агроном? Нет?

— Нет... — уклончиво ответил Предтечин и немного смутился.

Ленин поднялся и сказал:

— Ну, а теперь — в лес! На охоту! Пойдемте с нами, товарищ Предтечин, — предложил он хозяину!

Тот согласился, принес из соседней комнаты ружье, и мы двинулись в путь.

Мы углубились в лес. Собаки были пущены вперед, руководил охотой егерь. Мы разделились на две группы: Владимир Ильич и Предтечин пошли вправо, а я с егерем — влево. Как-то неожиданно егерь обращается ко мне:

— Какая, по-вашему, профессия у этого Предчетина? Вот удивлю вас: он священник, служитель культа.

— Что? Поп? Вы шутите...

— Нисколько. Он служит в той самой церкви, что рядом с его домом. Но он не такой, как все попы... Он не фанатик. Видите — на охоту пошел с нами.

Я решил тотчас же сказать об этом Владимиру Ильичу. Вот, думаю, будет изумлен! Возмутится, вероятно, что его привели в избу попа.

Но сказать об этом удалось только к вечеру, когда мы возвращались с охоты.

Охота была удачная: у каждого из нас висело много убитых зайцев. Владимир Ильич был в отличном расположении духа.

Приближаясь к дому Предтечина, мы с Владимиром Ильичом немного отстали, и тут я сказал ему:

— А ведь Предтечин вовсе не агроном и не учитель, а поп.

Ленин остановился и недоверчиво сощурил на меня глаза.

— Как так — поп? Вероятно, бывший?

Я объяснил, что вовсе не бывший. Владимир Ильич сначала отказывался верить.

Через несколько минут между Лениным и Предтечиным завязался разговор, который остался у меня в памяти навсегда.

— Послушайте, — начал Владимир Ильич, — о вас ходят слухи, что вы священник. Что это — правда?

— Правда. Я состою в духовенстве около двадцати лет.

— Не пойму, какой же вы священник? Голова у вас стриженная, одежда обыкновенная, и на моих глазах вы убивали животных!

Предтечин улыбнулся и после паузы сказал:

— Я понимаю ваше недоумение. Моя внешность и мое поведение не в ладу с религией... Это правда.

— А убеждения? Неужели вы служите религиозному культу по искреннему убеждению?

Предтечин, видимо, понял, что перед ним человек, с которым надо говорить откровенно или вовсе прекратить разговор.

— Видите ли, — произнес Предтечин, — я служитель культа только в известные часы, по воскресеньям...

— Как вас понять?

— Убеждения не всегда идут в ногу с профессией. В жизни это наблюдается часто.

Владимир Ильич понимающе улыбнулся и сказал:

— А ведь всю жизнь кривить душой — это страшно, а? Сознайтесь!

Предтечин развел руками и уклончиво ответил:

— Я сам частенько удивляюсь: видит меня вся деревня, знает, что я направо и налево нарушаю религиозные правила, а ходят в церковь, слушают и верят мне.

— А почему бы вам не отречься? Вы могли бы заняться каким-нибудь полезным трудом.

Предтечин махнул рукой:

— Поздно. Возраст не тот... В мои годы заняться каким-нибудь ремеслом — трудно. А церковь меня обеспечивает все-таки. С этим надо считаться... Мой дед был попом, отец — тоже, ну и я пошел по той же стезе. Инерция! И что самое удивительное — ведь и отец и дед очень смутно верили... Одно слово — профессия!

Мы приблизились к дому Предтечина. Уже вечерело. Надо было собираться в путь, чтобы до наступления ночи прибыть в Москву. Прощаясь с Владимиром Ильичом, Предтечин как-то виновато сказал:

— Не осудите, гражданин, — много на этом свете всяких противоречий... Вы приезжайте к нам, поохотимся.

Эта встреча произвела впечатление на Владимира Ильича. Сидя рядом со мной в машине, он сказал:

— Видели, товарищ Гиль, на чем держится религия?

Как-то раз зимой Владимир Ильич, проезжая мимо одной подмосковной станции, увидел церковь, из которой валом валил народ. Был, очевидно, праздник-Владимир Ильич засмеялся и сказал:

— А помните, Гиль, как мы с попом охотились. «Профессия, — говорил он. — Инерция!»

* * *

Даже в дни своей болезни Владимир Ильич, по свойственной ему подвижности, не бросал прогулок, катанья на лодке, игры в крокет или городки. Если встречался хороший партнер, Владимир Ильич с большим увлечением играл и в шахматы. Он был прекрасным шахматистом, в

молодости очень любил шахматы, но в последние годы все же предпочитал физические развлечения, особенно охоту. Он считал, что отдыхом от умственной работы могут быть только физические развлечения на свежем воздухе. Он иногда говорил мне при встречах:

— Ничего, товарищ Гиль, скоро встану на ноги, поправляюсь, и тогда снова возьмемся за старое! А хорошо бы сейчас на тетеревов пойти! Правда?

Но Владимиру Ильичу больше никогда не пришлось уже охотиться...

Характер Ленина

Владимир Ильич был категорически против личной охраны, торжественных встреч и всяческих чествований. Он никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчиненными был естественно прост.

Крестьяне-ходоки, приходившие к Ильичу за сотни, даже за тысячи, километров, волновавшиеся перед входом в кабинет Ленина, выходили от него ободренными, повеселевшими.

— До чего прост, до чего добр! — говорили ходоки. — Вот это — человек!

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмостки, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке.

В августе 1918 года я привез Владимира Ильича в Политехнический музей, где собрались на политический доклад красноармейцы. Кругом было шумно, народу было очень много.

У всех двенадцати входов стоят вооруженные люди. Перед центральным подъездом какой-то грозный матрос с карабином на плече и патронташем на груди проверяет пропуска и сдерживает толпу. Но сдерживать напор становится все труднее, люди ломаются в дверь, и на помощь матросу пришли красноармейцы.

В самый разгар этой катавасии к матросу с трудом пробрался скромно одетый гражданин в черной кепке, пытаюсь что-то объяснить. Но голос его тонул в общем хаосе. Матрос не удостоивал внимания настойчивого гражданина в кепке. Его, как и других, под напором толпы относило в сторону.

— Товарищи, пропустите меня! — во весь голос кричит гражданин, подпираемый с одной стороны толпой, а с другой — красноармейцами. — Разрешите пройти!

Матрос, наконец, обратил внимание на гражданина в кепке и крикнул ему:

— Вам куда? Профсоюзную книжку предъявите!

— Пропустите меня, пожалуйста, — твердит гражданин. — Я — Ленин.

Но голос Ленина тонет в шуме, внимание матроса уже устремлено в другую сторону. Один из красноармейцев все-таки расслышал имя и зычно произнес на ухо матросу:

— Да погоди ты! Знаешь, кто это? Ленин!

Матрос шархнулся в сторону, и вмиг образовался проход. Владимир Ильич благополучно пробрался внутрь здания, где его нетерпеливо ждали фронтовики.

* * *

Для Владимира Ильича была очень характерна одна черта: полное отсутствие надменности, кичливости, высокомерия. Говорил ли он с наркомом, с крупным военачальником, с ученым или крестьянином из глухой сибирской деревни — всегда он оставался простым, естественным, по-человечески «обыкновенным». Его жесты,

улыбка, шутки, задушевный тон — все мгновенно располагало к нему, устраняло натянутость и создавало атмосферу дружелюбия.

Владимир Ильич любил рассказывать потешные истории, особенно из далеких времен детства и периода эмиграции, но любил и слушать других. Слушая, он неожиданно задавал вопросы, вставлял шутливую фразу и заразительно смеялся.

Скрытым, замкнутым или неискренним никак нельзя было оставаться в присутствии Ленина, — пронизательные, чуть прищуренные его глаза как бы срывали с вас завесу натянутости или скрытности, требуя откровенности и правды. Он был очень добрый и чуткий человек.

Был случай, когда я проезжал с Владимиром Ильичом по Мясницкой (сейчас Кировской) улице. Движение большое: трамваи, автомобили, пешеходы. Еду медленно, боюсь наскочить на кого-нибудь, все время даю гудки, волнуюсь. Вдруг вижу: Владимир Ильич открывает дверцу машины, на ходу добирается ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, садится рядом и успокаивает меня:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Гиль, поезжайте, как все.

На даче, по утрам, когда я готовил машину к отъезду, Владимир Ильич часто помогал мне, и не советами, а делом, руками. Пока я возился у мотора, Ильич, стоя перед насосом, накачивал воздух в камеры, причем делал это энергично и с удовольствием.

Бывало в пути, где-нибудь на Каширском или другом шоссе, застрянет машина и приходится менять колесо или ковыряться в моторе. Владимир Ильич спокойно выходил из машины и, засучив рукава, помогал мне, как заправский рабочий. На мои просьбы не беспокоиться он отвечал шутками и продолжал свое дело.

В годы ожесточенной гражданской войны ощущалась острая нехватка горючего. Город Баку захватили белые,

начался «бензинный голод». Приходилось работать на скверном горючем — газолине, засорявшем мотор и приводившем к порче машины.

— Почему так часто останавливаемся? — спрашивал Владимир Ильич. — В чем дело?

— Беда, Владимир Ильич,- — отвечал я. — Для машины необходимо легкое горючее, бензин, а пользуемся мы этой дрянью — газOLIном. Что поделаешь!

— Вот как! Как же выйти из положения? — и тут же прибавлял: — Придется потерпеть.

Когда Баку вновь стал советским, в Москву на имя председателя Совнаркома Ленина прибыла цистерна с отличным бензином. Узнав об этом сюрпризе, Владимир Ильич сказал:

— Прекрасно, товарищ Гиль, прекрасно! Но к чему нам столько бензина? Надо поделиться с другими.

И распорядился направить бензин в какую-то организацию, ведавшую горючим. Помещалась она в большом особняке на Кропоткинской улице.

* * *

Передо мною записка, написанная рукой Владимира Ильича в конце 1919 года: «Товарищ Гиль! Мне сказала тов. Фотиева, что Рыков дал распоряжение сегодня же выдать вам и 4-м помощникам полушубки, валенки, рукавицы и шапки. Получили или нет? Ленин».

История этой записки такова. Владимир Ильич узнал, что, несмотря на зимнюю стужу, я и мои помощники по гаражу работаем без валенок, рукавиц и прочего. Он не мог пройти мимо этого факта и позаботился о каждом из нас.

Чуткая и отзывчивая натура Ильича не мирилась с невниманием или пренебрежением к человеку. Не помню случая, когда бы он не заметил чьего-либо несчастья, огорчения или удрученного состояния, когда бы Ильич не

откликнулся на просьбу, недовольство или требование. Он иногда обращался ко мне со словами:

— Что с вами, Гиль? Вижу, вы сегодня чем-то озабочены. Нет, нет, батенька, не отпирайтесь, вы чем-то встревожены! Правда ведь?

Разве после таких слов скроешь или утаишь что-нибудь?

Познакомившись однажды с моей женой, он время от времени осведомлялся о ней, справлялся о нашем малыше Мишутке. В дни, когда я возил Владимира Ильича за город, на воскресный отдых, он иногда обращался ко мне:

— Почему же вы, товарищ Гиль, жену не захватили? Обязательно в следующий раз пригласите и ее!

Надежда Константиновна была такой же простой и сердечной в обращении с людьми, как и Ильич. По пути за город она всегда расспрашивала мою жену о ее работе в кремлевском кооперативе, о жилищных условиях, о родных, оставшихся в Петрограде.

Относясь с удивительной чуткостью и отзывчивостью к нуждам товарищей, всячески стремясь улучшить условия их труда и жизни, сам Владимир Ильич в то же время был поразительно скромным и нетребовательным.

Помню следующее. Когда Советское правительство переезжало из Петрограда в Москву, Ленину предложили просторную и удобную квартиру. Но он отклонял это предложение и поселился в маленькой квартирке с невысокими потолками, крохотными комнатками и самой простой мебелью.

Запомнилось и другое: одни из директоров подмосковных совхозов вздумал в дни болезни Владимира Ильича прислать ему фрукты. Владимир Ильич в пух и прах разнес «услужливого» директора, а фрукты приказал тотчас же отправить в детский санаторий.

Скромность Владимира Ильича была не напускная, не искусственная, а природная, идущая от сердца. В 1921 го-

ду, в Кремле, я был свидетелем следующего эпизода. Дело происходило в кремлевской парикмахерской. Несколько человек ждало своей очереди. Ножом вошел Ленин, спросил, кто последний, и скромно присел на стул. Он достал из кармана журнал и углубился в чтение. Кресло освободилось, и Ильичу предложили занять место вне очереди.

— Нет-нет, товарищи, благодарю вас, — сказал Владимир Ильич, — мы должны соблюдать очередь. Ведь мы сами установили этот порядок. Я подожду.

Ужасно не любил Владимир Ильич чрезмерного внимания к своей персоне, не выносил низкопоклонства или угодничества. Он не любил, когда его величали, называли «великим», «гениальным». Он морщился и отмахивался рукой, когда на митингах или собраниях его начинали возвеличивать, устраивать ему овации. Он попросту запрещал прибавлять к своему имени какие-либо эпитеты или титулы.

— Что, что? — насмешливо останавливал он своего собеседника, называвшего его «товарищ предсовнаркома». — К чему так пышно, голубчик? Называйте-ка вы меня по фамилии или по имени-отчеству. Ведь это куда проще! — и добродушно смеялся.

* * *

Одной из замечательных черт Ленина была любовь к детям. Она проявлялась у Владимира Ильича по-особенному, как у людей очень мужественных и нежных.

Загруженный государственными делами, он находил время осведомляться, обеспечены ли московские дети молоком и овощами.

Когда подмосковный совхоз «Лесные поляны» стал снабжать московские больницы и детские учреждения молоком и другими продуктами, Владимир Ильич говорил, что местные власти действуют правильно, что эту

систему надо поддерживать и развивать, что вокруг Москвы следует организовать кольцо таких крупных государственных хозяйств — они должны «залить молоком» московскую детвору.

В последние годы жизни Ленина на его имя часто прибывали продуктовые посылки из разных городов и деревень. Домашняя работница Ленина, Саня Сысоева, обычно докладывала:

— Владимир Ильич, опять посылка с продуктами на ваше имя. Принять?

— Принять, обязательно принять, — отвечал Ильич, — и немедленно, Саня, отправьте в ясли или в детскую больницу. Не забудете?

И на следующий день по обыкновению справлялся:

— Ну, как, Санечка, отправили посылку?

Однажды рыбаки с Волги привезли Ильичу осетра.

Саня обрадовалась, принялась резать рыбу.

— Вот хорошо, — говорила она, — на несколько дней хватит. А то впроголодь живет наш Владимир Ильич.

Вдруг на кухню вошел Ильич и заметил рыбу.

— Прекрасная рыба! — воскликнул он. — А откуда она?

И когда узнал, что это рыбаки в подарок ему привезли, строго сказал Сане:

— Вы забыли, должно быть, мою просьбу: никаких подарков не принимать! А эту рыбу заверните и немедленно отправьте в детский дом!

— Владимир Ильич, но ведь и вам есть надо! Работаете сколько, а питаетесь — хуже некуда!

— Ну вот еще! Дети кругом голодают, а вы меня осетиной потчевать вздумали. Сегодня же отправьте детям!

Каждому, кто знал Ленина, бросалось в глаза его какое-то совсем особенное, внимательное и очень серьезное, отношение к детям.

В Горках я часто видел Владимира Ильича гуляющим со своим маленьким племянником Витей, сыном Дмитрия Ильича Ульянова. Он разговаривал с ним, как со взрослым, заставляя его вслух читать стихи и рассказывать сказки. Ильич заразительно хохотал, слушая шестилетнего мальчугана.

Точно так же Ленин «дружил» с маленькой дочкой дворничихи — Верочкой, жившей в Тарасовке, на даче у Бонч-Бруевича. «Дружба» была самая задушевная: Верочка всегда радостно встречала «дядю Володю», подолгу гуляла с ним и всегда что-то подробно рассказывала. А Ильич, держа ее за руку, сосредоточенно слушал, временами хмурил брови, временами весело хохотал.

Владимир Ильич всю жизнь был большим и искренним другом детей — он любил их, понимал и верил в них.

Последние годы

Последние годы жизни Владимира Ильича были тесно связаны с подмосковным селом Горки. Злодейское покушение на жизнь Ильича в августе 1918 года и исключительно напряженная работа подорвали его здоровье. По настоянию врачей Ленин вынужден был выехать за город.

В конце сентября того же года Владимир Ильич впервые приехал в усадьбу Горки. А начиная с зимы 1921 года он особенно часто приезжал сюда отдыхать и работать.

Если ехать по Каширскому шоссе из Москвы в сторону, реки Пахры, то на стене домика, что с левой стороны Колхозной улицы деревни Горки, можно видеть мраморную доску со словами: «В. И. Ленин выступал в этом доме 9 января 1921 года на собрании крестьян деревни Горки».

То был тяжелый год. Молодая республика Советов, отразив нашествие бесчисленных полчищ белогвардей-

цев и интервентов, выходила из гражданской войны с расстроенным народным хозяйством. Не хватало хлеба, соли, горючего, товаров широкого потребления.

Крестьяне деревни Горки пригласили к себе Владимира Ильича побеседовать с ними о делах государственных и о своих нуждах.

— Что ж, с удовольствием! — ответил Владимир Ильич, выслушав крестьян, пришедших к нему с приглашением. — Если завтра не буду занят, то ждите вечером, часиков в шесть.

Крестьяне решили созвать собрание в избе Василия Шульгина. В сумерки собралось более ста человек. Как говорится, яблоку было негде упасть. Узнав, что будет выступать Ленин, в Горки пришли и жители соседних деревень. Меня, естественно, тоже интересовало это собрание, и я отправился в избу Шульгина.

К шести часам Владимир Ильич пришел сюда вместе с Надеждой Константиновной, и собрание началось. Ильич говорил тихо, подчеркивая особо важные места своей речи энергичным взмахом руки или же легким постукиванием ладони о стол.

Люди слушали вождя, затаив дыхание. Владимир Ильич, как я помню; говорил примерно следующее:

— Вот покончим с войной и наладим такую жизнь, которая и не снилась нашим отцам. Навсегда исчезнут батрачество, нищета, бескультурье. Уйдут в прошлое лапти, лучина, эпидемические болезни и прочее. Нужно только отстоять советскую власть от врагов — вот в чем наша главная задача!

На этом собрании Владимир Ильич обратил внимание, что в Горках нет электричества. Не пора ли, сказал он, уже теперь бросить освещать избы лучиной. Ток для деревни могла бы дать расположенная недалеко совхозная электростанция.

— Чем сумею, помогу вам, — сказал Ильич собравшимся крестьянам и осведомился: нет ли у кого вопросов?

Было задано много вопросов, и Ленин отвечал на них охотно. Собрание закончилось поздно.

Через некоторое время в домах Горок появилось электрическое освещение.

* * *

В Горках, возле дома, где жил Владимир Ильич, расположен густой и красивый парк с аллеями и небольшими площадками. В конце одной аллеи, по бокам, росли две огромные и очень толстые ели. Они стояли здесь, видимо, много десятков лет, возвышаясь над всем парком.

С первых же дней жизни в Горках Владимир Ильич обратил внимание на эти гигантские деревья и часто любовался их высотой и стройностью.

— Вот это деревья! — восхищался он. — Просто чудо!

В один из летних вечеров 1919 года мы приехали из Кремля в Горки. Владимир Ильич вышел из автомобиля и стал по обыкновению прохаживаться по аллеям парка. Он дышал полной грудью, наслаждаясь тишиной и запахом елей и сосен. Прогулявшись, он присел на скамью и откинулся на спинку. Я сел рядом. Владимир Ильич расспрашивал меня о чем-то. Вдруг он замолк, взгляд его устремился вдаль. Я посмотрел в ту же сторону, но ничего не увидел. Владимир Ильич сказал:

— Посмотрите, Гиль, где же другая елка?

В конце аллеи стояла только одна осиротевшая ель. Второй не было. Вместо нее зиял просвет. Я удивился: ведь только несколько дней назад, в наш прошлый приезд в Горки, стояли оба дерева!

Мы быстро направились в конец аллеи и убедились, что дерево недавно срублено. Остался мощный пенёк, све-

жий и пахучий. Владимир Ильич с минуту стоял молча, затем заговорил возмущенно:

— Это же анархия! Кто смел это сделать? Надо выяснить, чьих рук это дело. Мы этого так не оставим...

Выяснилось, что только два дня назад комендант дома в Горках распорядился срубить одну из елей. Она показалась ему иссохшей и ненужной.

Я рассказал об этом Владимиру Ильичу. Он, подумав, сказал:

— Его следовало бы хорошенько наказать!

И ретивый комендант получил крепкую нахлобучку.

Владимир Ильич очень бережно относился к живой природе, старался привить такое же отношение к ней и окружающим его людям. С большой нетерпимостью реагировал он на порчу и уничтожение природных богатств.

Однажды вечером в субботу Владимир Ильич позвал меня к себе.

— Вот что, товарищ Гиль, — сказал он, рассматривая карту. — Мы бывали в Сокольниках, но ничего, кроме парка, не видели. Следовало бы посмотреть это место. Поедем?

На следующее утро мы двинулись в Сокольники. С нами поехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Мы осмотрели Сокольнический парк, часто останавливались. Владимир Ильич выходил из машины, прогуливался, интересовался всякой мелочью. Из парка мы направились в сторону фабрики «Богатырь». Перед нами открылся чудесный вид: по обе стороны, на некотором возвышении, раскинулся густой лес. Зеленые сосны и белые березы выглядели особенно красиво в это солнечное утро. Всем очень понравилась местность. Было решено приехать сюда и в будущее воскресенье.

Следующее посещение Сокольников было омрачено одним обстоятельством. Миновав «Богатырь» и очутившись в прекрасном густом и благоухающем лесу, Влади-

мир Ильич обратил внимание на пни недавно спиленных сосен и берез.

Выйдя из машины и углубившись в лес, мы увидели еще много срубленных деревьев, штабели наколотых дров, а затем и самих дровосеков. Никем не стесняемые, они рубили лес. Владимир Ильич заговорил с ними и узнал, что «Богатырь», которому не хватает топлива, посылает людей для рубки леса. По примеру «Богатыря» население Сокольников также рубит лес, заготавливая на зиму топливо.

Это бесчинство глубоко возмутило Владимира Ильича.

— Какое безобразие! — говорил он. — Расхищают и уничтожают такой лес! Надо покончить с этим.

Владимир Ильич несколько раз в тот день заговаривал о происходящей в лесах вакханалии.

— Вырубят лес, а затем что? Где же будет отдыхать население? Уничтожить просто и легко, а когда мы вырастим его снова?

Вечером Владимир Ильич сказал мне:

— Вот что, товарищ Гиль, завтра вы напомните мне об этой истории. Надо принять меры!

Владимир Ильич часто просил меня, чтобы я напоминал ему о деле, возникшем во время какой-либо из его поездок.

На следующий день Владимир Ильич отдал распоряжение: немедленно прекратить уничтожение деревьев в Сокольниках и организовать охрану всех лесов и парков.

Вскоре был подписан декрет о строжайшей охране пригородных лесов в тридцативерстной полосе вокруг Москвы.

Декрет Ленина спас от уничтожения много наших замечательных парков и лесов.

* * *

...Был лунный прозрачный вечер. Жестокий мороз расцвел окна. С утра намело много снегу, на улицах лежали сугробы. Ничто не предвещало несчастья.

Вдруг в комнату, где я находился, вошел мой помощник и застыл у двери. Он был бледен, руки у него заметно дрожали. У меня в груди что-то ёкнуло, я насторожился. Прерывистым голосом, почти шепотом, он произнес:

— Ленин скончался...

У меня вырвался крик:

— Что? Когда скончался? Ну говори же!

Я выбежал из дому и поехал в Горки. По дороге все время сверлила мысль: «Неужели вправду умер? Неужели конец?»

Приближаюсь к дому, где несколько лет прожил Владимир Ильич. Колоннада уже увита черно-красными полотнищами. Чья-то заботливая рука разбросала у фасада цветы. На белоснежном фоне они ярко выделяются. Я вспоминаю, как любил Владимир Ильич зиму, снег, как любил он парк за домом, реку, зимние вечера... Все это есть, существует, а Владимира Ильича уже нет. Умер!..

В притихших комнатах полутемно и тихо. Окна и зеркала завешены черным крепом. Люди говорят вполголоса. Навстречу — Надежда Константиновна, тихая, печальная. Безмолвно ходят врачи и сиделки.

Пройдя две-три полутемных комнаты, я очутился в небольшом зале, где на столе посреди комнаты лежал Владимир Ильич. Стол утопал в цветах и зелени. Балкон открыт, в комнате холодно. Я приблизился к столу.

Владимир Ильич...

Он лежал спокойный, мало изменившийся. Никаких признаков страдания. Неужели умер?..

В голове проносятся воспоминания. Петроград, Смольный, митинги... Затем Москва, Кремль, прогулки, событие на заводе Михельсона, охота в лесу, его смех и шутки... И вот теперь он лежит навеки притихший, сердце его уже не бьется. Никогда не услышать мне больше его обаятельного смеха, его немного гортанного голоса, его «товарищ Гиль», «ну, пока».

В комнате толпятся люди. Говорят шепотом. Тихие, скрытые вздохи Марии Ильиничны, Анны Ильиничны, Надежды Константиновны.

Молчание длится долго. Все стоят, не отрывая глаз от лица Владимира Ильича. Затем вышли в другую комнату. Пошли безмолвно, понуро, тихо. Комната опустела.

В другой комнате врачи во главе с Семашко составляли акт о болезни и смерти Владимира Ильича. Кто-то заговорил о вскрытии.

Время близилось к полуночи. Пора было возвращаться в Москву. Все присутствовавшие вновь потянулись к Владимиру Ильичу, вновь окружили его тесным кольцом и долго не могли оторваться, покинуть комнату.

* * *

В Москве еще почти никто не знал о смерти Владимира Ильича. К утру о смерти Ленина узнала не только вся Москва, но и весь мир. Начался великий траур.

Раздались тревожные гудки на фабриках и заводах. Повсюду организовывались митинги. Работа приостановилась. Знаки траура и печали стали появляться на домах, площадях, трамваях, предприятиях.

Все улицы Москвы стали быстро заполняться народом. Огромные массы людей стояли на улицах. Все говорили о смерти Ленина. Газеты и листовки переходили из рук в руки. Всюду слышалось одно: «Скончался Ленин...»

Разнеслась весть о том, что тело Владимира Ильича будет перевезено в Москву и гроб с телом будет поставлен для прощания с ним народа в Колонном зале Дома союзов.

К Павелецкому вокзалу, куда должен был прибыть поезд с телом Ленина, потянулись московские жители, многочисленные делегации.

Мне было поручено получить гроб в похоронном бюро и доставить в Горки. Тяжело было выполнять такое

поручение, тяжело было привыкнуть к мысли, что Владимира Ильича уже нет в живых...

У автосаней и вокруг похоронного бюро собралась огромная толпа. Ко мне подходили незнакомые люди и настойчиво просили разрешить им сопровождать гроб до Горок. Кое-кто самовольно втиснулся в сани, приютился за гробом.

23 января. Москва в трауре. Весь город взволнованно шумел. С раннего утра население Москвы стало собираться у Павелецкого вокзала и по пути следования похоронной процессии до Дома союзов.

Мороз крепчал, жег и щипал лицо. Но холод не действовал на людей. Вся Москва была на улице.

Траурный поезд доставил гроб с телом Владимира Ильича в Москву. У вокзальной площади, на перроне и на улицах — сотни тысяч людей. Оркестр траурным маршем возвестил о прибытии поезда. Несмотря на лютый мороз, все обнажили головы. Даже дети.

Ближайшие друзья, соратники и родные Владимира Ильича несут гроб.

Вот и Дом союзов. В огромном траурном зале установлен на постаменте гроб с телом Владимира Ильича Ленина.

В семь часов вечера был открыт доступ для прощания с телом. Двери настежь. Бесконечной многотысячной вереницей тянется народ в зал, чтобы в последний раз взглянуть на черты дорогого Владимира Ильича.

В почетном карауле родные и близкие покойного. Стоят заводские рабочие, военные, крестьяне, студенты.

Я не отрываю глаз от его лица, и в памяти воскресают первые встречи с ним, его слова, задушевный смех, неиссякаемая жизнерадостность...

Ночь не успокоила Москву. Несмотря на жестокий тридцатипятиградусный мороз, улицы запружены народом. Все идут к Дому союзов. Очередь с каждым часом становится все длиннее. Повсюду пылают огромные костры.

Трое суток продолжается прощание народа со своим вождем. Беспрерывными потоками идут люди. Идут из центра, с окраин Москвы. Приезжают из ближних и дальних городов и сел. С вокзалов движутся делегации с венками.

Приближается час расставания. Мавзолей на Красной площади уже готов. Ровно в четыре часа дня подняли гроб, чтобы нести в Мавзолей.

Грянул пушечный салют, загремели ружейные залпы.

В эти минуты вся жизнь необъятной страны остановилась. Движение на улицах, железных дорогах, на морях и реках, работа в шахтах, на заводах и в учреждениях — все замерло.

СОДЕРЖАНИЕ

П.Д. Мальков

ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ

Комендант Смольного	6
В Кремле	35
Ленин	67
Покушение	86
Заговор Локкарта	91
Охрана Ленина	115
Дзержинский	128
Свердлов	138
Калинин	156
Взрыв в Леонтьевском переулке	159

С.К. Гиль

ШЕСТЬ ЛЕТ С ЛЕНИНЫМ

Знакомство	167
Покушение на Ленина	173
Встречи с народом	190
Максим Горький	201
Семья Ленина	205
Ленин на отдыхе	210
Характер Ленина	224
Последние годы	231

Массово-политическое издание

*Степан Казимирович Гиль
Павел Дмитриевич Мальков*

ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ. ШЕСТЬ ЛЕТ С ЛЕНИНЫМ

*Редактор О.В. Селин
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.06.16. Подписано в печать 27.06.16.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 7,5 Тираж 1500 экз. Заказ №